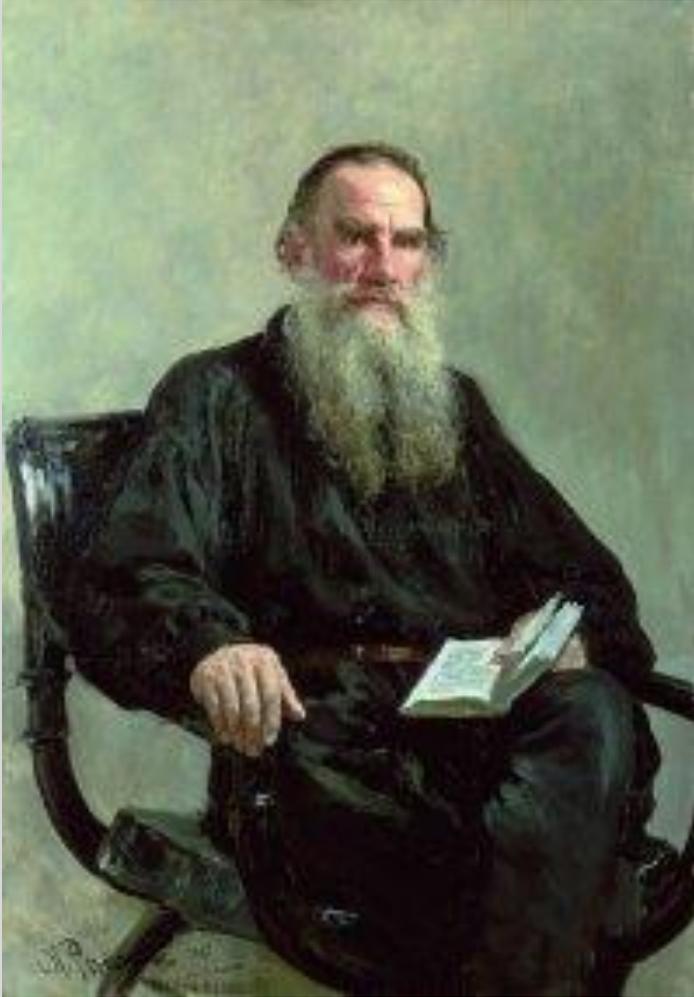

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

И. Е. Репин. Портрет Л. Н. Толстого. 1887 г.
Картинная галерея Альманаха, № 4

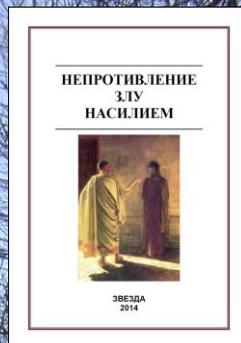
№ 4 ●● Апрель ●● 2016

ТАКОЖЕ МАХАНА № 4 АМАРА 2016

Электронная библиотека «Вне насилия» предлагает своим читателям сборник «Непротивление злу насилием» (80 стр., PDF):

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

Здесь в небольшой брошюре представлены фрагменты из произведений Л. Н. Толстого, его предшественников: У. Л. Гаррисона, А. Баллу; его последователей: А. И. Архангельского, Е. И. Попова, П. В. Ольховика; а также цитаты из ранних христианских авторов: Иеронима, Оригена, Тертуллиана, Лактанция и др. — излагающие христианское учение о непротивлении злу насилием.

«Толстовский Альманах» доступен для скачивания в электронной форме:

На сайте электронной библиотеки «Вне насилия»:

<http://antimilitary.narod.ru/samizdat.htm>

На сайте «Зеленая палочка»:

<http://zpalochka.narod.ru/bibl.html#ТА>

На странице социальной сети «В Контакте»:

https://vk.com/religious_anarchism

Свои замечания и предложения просим читателей направлять в нашу редакцию по эл. адресу:

Tolst.Almanah@gmail.com

Не в силе Бог, а в правде.

16+

Издание
религиозно-философское,
общественно-социальное и
литературно-художественное

ТОЛСТОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 4 • Апрель • 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОС Л. Н. ТОЛСТОГО

- О вере и верах.** Мысли Л. Н. Толстого 3
Из книги Л. Н. Толстого «**Царство Божие...**» 7
У. Л. Гаррисон. Декларация 8
А. Баллу. Катехизис непротивления 15
Л. Н. Толстой. Письмо к Г. М. Волконскому 26

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. ПРОШЛОЕ

- И. И. Горбунов-Посадов.** Бросайте Божьи искры29
А. М. Булыгина. Голос матери 33
Э. Кросби. Вечно старое исканье 42

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. СОВРЕМЕННОСТЬ

- Р. Алтухов.** Почему Л. Н. Толстой не утопист 47
И. Овчаренко. Причины войны на Украине 56
И. Овчаренко. Как остановить войну на Украине ... 58

П. Ефремов и И. Овчаренко. Вероисповедание и сознательный отказ.....	60
Т. Бейсембаев. Мой отказ от службы в армии	71

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

А. С. Пругавин. Сютаяевцы	73
В. Адаменко. Газета «Альтернативщик»	115

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Е. Н. Любич. Затосковал	134
Н. Н. Ге. Христос и Иуда	162
Календарь литературных дат.....	166
Основные издания «Посредника».....	169

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

С. Путилов. Любовь против карательной психиатрии	173
В. Адаменко. Дискуссия об отношении первых христиан к войне	180
В. Аньянов и В. Адаменко. Из переписки	191

В подготовке альманаха принимают участие:

*В. Адаменко (Россия), В. Аньянов (Россия),
Т. Бейсембаев (Казахстан), П. Ефремов (Россия—Германия),
И. Овчаренко (Украина) и др.*

Замечания и предложения просим читателей
направлять в редакцию по адресу:
tolst.almanah@gmail.com

О вере и верах

Мысли Л. Н. Толстого

Во всех Верах сущность ответов о том, зачем живет человек, и что он должен делать, — одна и та же.

А это одно и то же во всех верах есть то, что все люди равны, все братья, потому что во всех один и тот же дух Божий, и что поэтому надо со всяким человеком обращаться с любовью и уважением и что этого самого и хочет дух Божий, живущий в нас. Если будешь верить в это, то будешь и исполнять это, т. е. стараться жить в любви со всеми людьми, не разбирая того, все ли и много ли людей живут так, и жить самому по этому закону, зная, что в такой жизни найдешь самое большое благо.

Все веры различны по внешности, на поверхности, но все ближе и ближе сходятся по ме-

ре углубления.

Человек есть служитель высшей власти, которую называют Богом, и он должен исполнять волю этой власти. Воля этой власти есть единение всех людей, которое может быть достигнуто через любовь. Кто это исполняет, не знает никакого зла ни в жизни, ни в смерти.

Эти истины содержатся во всех великих религиях: браманизме, буддизме, конфуцианстве, таосизме, иудаизме, христианстве, магометанстве, и они не нуждаются ни в чьем авторитете для того, чтобы быть принятыми и исповедуемыми, так как сами в себе заключают наивысший авторитет, какой только может существовать — внутреннее оправдание совести.

Только такая религия может освободить людей от зол, кото-

рые они сами создают. Поэтому я убежден, что распространение этой единственной и общей религии — есть первая и главная обязанность каждого человека.

Сущность же христианского учения в том, чтобы любить Бога — совершенство и ближнего — больше самого себя и приближаться к этому идеалу. И приближение это не только всегда, во всех условиях возможно, но и всегда, во всех условиях дает уже здесь, в этой жизни, истинное благо.

Все согласны с тем, чему учит Евангелие, с тем, что жизнь наша в любви, что чем больше мы любим и близких и чуждых и, главное, врагов, тем мы лучше исполняем волю Бога, и тем нам самим лучше, и лучше всем тем, с кем мы сходимся, — в этом мы все согласны. Так и давайте же учиться исполнять это и помогать в этом друг другу.

Человек, живя в этом мире, должен, по моему мнению, признавать себя членом всего человечества и стараться, пока жи-

вет, освобождаться от лжи и обманов и все больше и больше, яснее и яснее познавать истину, потому что ложь разделяет, а истина соединяет людей.

...Вы напрасно думаете, что мы с вами разъединены верою. Вера моя и ваша и всех добрых людей (простите за нескромность, что причисляю себя к ним) одна и та же: вера в Бога Отца, пославшего нас в мир, чтобы делать Его волю. Воля же в том, чтобы мы любили друг друга и поступали с другими, как хотим, чтобы они поступали с нами. То же, что я плохо исполнял Его волю и теперь еще плохо исполняю ее, не пугает меня, так как я знаю, что Бог есть любовь, и Он знает, что я старался, особенно последнее время, исполнять Его волю и не из страха наказания, а потому, что мне всегда тем лучше было жить, чем больше я делал Его волю.

Из журнала
«Единение», № 3, 1916.

Разных авторов

Всегда, во все века люди жаждали знать или иметь по крайней мере какое-нибудь понятие о начале или конечной цели своего земного существования, и религия являлась, чтобы удовлетворить этому требованию их и чтобы осветить ту связь, которая соединяет всех людей, как братьев, имеющих один общий источник происхождения, одну общую задачу жизни и одну общую конечную цель.

Иосиф Мадзини.

Религия есть высший и благороднейший деятель в воспитании человека, величайшая сила просвещения, между тем как внешние проявления веры и политическая своекорыстная деятельность суть главные препятствия движению вперед человечества. Деятельность и духovenства и государства противоположны религии. Сущность религии, вечная и божественная, одинаково наполняет

сердце человека везде, где только оно чувствует и бьется. Все наши исследования указывают нам на единую основу всех великих религий, на единое учение, развивающееся с самого начала жизни человечества до настоящего дня.

В глубине всех вер течет поток единой вечной истины.

Пусть парсы носят свои таовиды, евреи свои филактерии, христиане свой крест, мусульмане свой полумесяц, но пусть все они помнят, что это только внешние знаки, но основная сущность всех религий — любовь к ближнему — одинаково требуется Ману, Зороастром, Буддой, Моисеем, Сократом, Гиллелем, Иисусом, Павлом, Магометом.

Морис Флюгель.

Есть только одна истинная религия, хотя может быть много разных вер.

Кант.

Истинная вера одна — любовь ко всему живому.

Ибрагим Кордовский.

Если то, что выдается за закон Божий, не требует любви, то все это человеческие выдумки, а не закон Божий. Говорят, что исполнение закона Бога трудно. Это неправда. Закон жизни ничего не требует от нас, кроме любви к ближнему. А любить не трудно, а радостно.

По Григорию Сковороде.

Дело веры не в том только, чтобы сделать человека хорошим. Вера хорошего человека поднимает его на такую высоту, с которой ему все легко, радостно.

По Лессингу.

Бог есть дух, и поклоняться ему надо в духе и истине.

Иоанна гл. 4, ст. 24.

Учение Христа открывало людям то, что во всех них живет одно и то же духовное начало и что они все братья, и тем соединило их для радостной общей жизни.

Ламенэ.

Христианство — простое дело, очень простое: любовь к человеку, любовь к Богу. Будь совершенен, как Отец твой небесный; живи в Боге, т. е. делай наилучшие дела, лучшим способом и ради наилучших целей.

Все это очень просто: малое дитя может понять это; и так прекрасно, что великий ум не придумает ничего прекраснее.

Паркер.

Нельзя сказать, чтобы для спасения души было безусловно необходимо признавать Христа во плоти; но для спасения души безусловно необходимо признавать Сына Божия, т. е. ту вечную мудрость Божию, которая проявляется во всех вещах и преимущественно в душе человека и более всего проявилась в Иисусе Христе. Без этой мудрости никто не может достигнуть состояния блаженства, потому что она одна указывает, что истинно и что ложно, что добро и что зло.

Спиноза.

Из книг:
«Круг Чтения» и «Путь Жизни».

Л. Н. Толстой

Из книги «Царство Божие
внутри вас есть...»

В 1884 году я написал книгу под заглавием: «В чем моя вера?»

...Одним из первых откликов на мою книгу были письма от американских квакеров...

Кроме сведений, полученных мною от квакеров, около этого же времени я получил тоже из Америки сведения о том же предмете из совершенно другого и прежде мне вовсе неизвестного источника.

Сын *Вильяма Ллойда Гаррисона*, знаменитого борца за свободу негров, писал мне, что, прочтя мою книгу, в которой он нашел мысли, сходные с теми, которые были выражены его отцом в 1838 году, он, полагая, что мне будет интересно узнать это, присылает мне составленную его отцом почти 50 лет назад декларацию или провоз-

глашение непровозглашения — «Non resistance».

Провозглашение это возникло при следующих условиях: Вильям Ллойд Гаррисон, рассуждая в существовавшем в 1838 году в Америке обществе для установления мира между людьми о мерах прекращения войны, пришел к заключению, что установление всеобщего мира может быть основано только на явном признании заповеди непровозглашения злу насилеиом (Мф. V, 39) во всем ее значении, так, как понимают ее квакеры, с которыми Гаррисон находился в дружеских сношениях. Придя к такому заключению, Гаррисон и составил тогда и предложил обществу следующее провозглашение, которое было подписано тогда, в 1838 году, многими членами.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ОСНОВ, ПРИНЯТЫХ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ВСЕОБЩЕГО МИРА.

Бостон, 1838 г.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом по отношению к себе, к делу, близкому нашему сердцу, к стране, в которой мы живем, и ко всему остальному миру, огласить это наше исповедание, выразив в нем те основы, которых мы держимся, цели, к которым мы стремимся, и средства, которые мы намерены употреблять для достижения всеобщего благодеятельного и мирного переворота. Вот это наше исповедание.

Мы не признаем никакого человеческого правительства: Мы признаем только одного царя и законодателя, только одного судью и правителя над человечеством. Отечеством нашим мы признаем весь мир, соотечественниками своими признаем все человечество. Мы любим свою родину столько же, сколько мы любим и другие страны. Интересы, права наших сограждан нам не дороже интересов и прав всего человечества. По-

этому мы не допускаем того, чтобы чувство патриотизма могло оправдывать мщение за обиду или за вред, нанесенный нашему народу...

Мы признаем, что народ не имеет права ни защищать себя от внешних врагов, ни нападать на них. Мы признаем также, что отдельные лица в своих личных отношениях не могут иметь этого права. Единица не может иметь большего значения, чем совокупность их. Если правительство не должно оказывать сопротивления чужестранным завоевателям, имеющим целью опустошать наше отечество и избивать наших сограждан, то точно так же не должно быть оказываемо сопротивление силою отдельным лицам, нарушающим общественное спокойствие и грозящим частной безопасности. Проповедуемое церквями положение о том, что все государства на земле установлены и одобряемы богом и

что все власти, существующие в Соединенных Штатах, в России, в Турции, соответствуют воле бога, столь же нелепо, как и кощунственно. Это положение представляет творца нашего существом пристрастным и устанавливающим и поощряющим зло. Никто не решится утверждать того, чтобы власти, существующие в какой бы то ни было стране, действовали по отношению к своим врагам в духе учения и по примеру Христа. А потому деятельность этих властей не может быть приятна богу и потому и власти эти не могли быть установлены богом и должны быть низвергнуты не силою, но духовным возрождением людей.

Мы признаем нехристианскими и незаконными не только самые войны — как наступательные, так и оборонительные, — но и все приготовления к войнам: устройство всяких arsenалов, укреплений, военных кораблей; признаем нехристианским и незаконным существование всяких постоянных армий, всякого военного начальства, всяких памятников, воздвигнутых в честь побед или

павших врагов, всяких трофеев, добытых на поле сражения, всяких празднований военных подвигов, всяких присвоений, совершенных военной силой; признаем нехристианским и незаконным всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных.

Вследствие всего этого мы считаем для себя невозможным не только службу в войсках, но и занятие должностей, обязующих нас принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаем себя из всех правительственных учреждений и отказываемся от всякой политики, от всех земных почестей и должностей.

Не считая себя вправе занимать места в правительственных учреждениях, мы точно так же не считаем себя вправе и избирать на эти места других лиц. Мы также считаем себя не вправе судиться с людьми, чтобы заставить их возратить взятое у нас. Мы считаем, что мы обязаны отдать и кафтан тому, кто взял нашу рубашку, но ни-

как не подвергать его насилию (Мф. V, 40.)

Мы верим в то, что уголовный закон Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб — отменен Иисусом Христом и что по Новому Завету всем его последователям проповедуется прощение врагам вместо мщения, во всех случаях без исключения. Вымогать же насильем деньги, запирасть в тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощение обид, а мщение.

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению, и что греховные склонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтоб защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а поднявшие меч от меча погибнут.

И поэтому, как для того, чтобы вернее обеспечить жизнь, собственность, свободу, обще-

ственное спокойствие и частное благо людей, так и для того, чтобы исполнить волю того, кто есть царь царствующих и господь господствующих, мы от всей души принимаем основное учение непротivления злу злом, твердо веруя, что это учение, отвечая всем возможным случаям и выражая волю бога, в конце концов должно восторжествовать над всеми злыми силами. Мы не проповедуем революционного учения. Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится бога и не уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполнены духа Христова. Следуя основному нашему правилу непротivления злу злом, мы не можем производить заговоров, смут или насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением, имеющим быть наложенным на нас за неповиновение, наказаниям. Намереваясь без сопротивления переносить все направленные на нас

нападения, мы, между тем, с своей стороны, намерены не переставая нападать на зло мира, где бы оно ни было, вверху или внизу, в области политической, административной или религиозной, стремясь всеми возможными для нас средствами к осуществлению того, чтобы царства земные слились в одно царство господ нашего Иисуса Христа. Мы считаем несомненной истиной то, что все то, что противно Евангелию и духу его и потому подлежит уничтожению, должно быть сейчас же уничтожаемо. И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда мечи перекуются на орала и копыя на серпы, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших. И потому все те, которые выделяют, продают, употребляют оружие, содействуют всяким военным приготовлениям, этим самым вооружаются против мирного господства сына божьего на земле. Высказав наши основы, скажем теперь о том, какими путями мы надеемся достигнуть нашей цели. Мы

надеемся победить «безумием проповеди».

Мы будем стараться распространять свои взгляды среди всех людей, к каким бы народам, исповеданиям и слоям общества они ни принадлежали. Для этой цели мы будем устраивать публичные чтения, распространять печатные объявления и брошюры, составлять общества и подавать прошения во всякие правительственные учреждения. Вообще будем стремиться всеми доступными для нас средствами к достижению коренного переворота во взглядах, чувствах и действиях нашего общества относительно греховности насилия по отношению к внешним и внутренним врагам. Принимаясь за это великое дело, мы вполне сознаем, что наша искренность может быть подвергнута жестоким испытаниям. Наша задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания и даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование и клевета. Против нас должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбие и жестокость, правители и власти, —

все это может соединиться, чтоб уничтожить нас. Таким образом поступали с мессией, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не пугают эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего господя. Если мы отказались от человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергнемся, а будем радоваться тому, что удостоимся разделить страдания Христа.

Вследствие всего этого мы передаем души свои богу, веруя

тому, что сказано, что тот, кто оставит дома и братьев и сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради Христа, получит во сто раз больше и наследует жизнь вечную.

Итак, твердо веруя, несмотря на все, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество во всем мире основ, выраженных в этом провозглашении, мы прилагаем здесь свои подписи, надеясь на разум и совесть человечества, более же всего на силу Божию, которой и вручаем себя.

Вслед за этим провозглашением были основаны Гаррисоном общество непротивления и журнал, называвшийся «Непротивляющимся» («Non-resistant»), в котором проповедовалось учение непротивления во всем его значении и со всеми его последствиями, как оно было выражено в провозглашении. Сведения о дальнейшей судьбе общества и журнала непротивления получены мною из пре-

красной биографии В. Л. Гаррисона, составленной его сыновьями.

Общество и журнал просуществовали недолго: большинство сотрудников Гаррисона по делу освобождения рабов, опасаясь того, чтобы слишком радикальные требования, выраженные в журнале «Непротивляющимся», не оттолкнули людей от практического дела освобождения негров, — боль-

шинство сотрудников отказалось от исповедания принципа непротивления, как он был выражен в провозглашении, и общество и журнал прекратили свое существование.

Это провозглашение Гаррисона, так сильно и красноречиво выражавшее такое важное для людей исповедание веры, казалось, должно бы было поразить людей и сделаться всемирно известным и предметом всестороннего обсуждения. Но ничего подобного не было. Оно не только не известно в Европе, но среди американцев, столь высоко чтущих память Гаррисона, провозглашение это почти неизвестно.

Та же неизвестность постигла и другого борца за непротивление злу, недавно умершего, в продолжение 50 лет проповедовавшего это учение, американца Адина Баллу. До какой степени мало известно все то, что относится к вопросу непротивления, видно из того, что Гаррисон-сын, написавший превосходную, в 4-х больших томах, биографию своего отца, этот Гаррисон-сын на вопрос мой о том, существует ли теперь общество

непротивления и есть ли последователи его, отвечал мне, что, сколько ему известно, общество это распалось и последователей этого учения не существует, тогда как в то время, когда он писал мне, жил в Массачусете, в Hopedale, Адин Баллу, участвовавший в трудах отца Гаррисона и посвятивший 50 лет жизни на проповедь устно и печатно учения непротивления. Впоследствии я получил письмо от Вильсона, ученика и помощника Баллу, и вошел в сношения с самим Баллу. Я написал Баллу, и он отвечал мне и прислал мне свои сочинения. Вот некоторые выписки из них.

«Иисус Христос — мой господь и учитель, — говорит Баллу в одной из статей, обличающей непоследовательность христиан, признающих право защиты и войны. — Я обещал, оставив все, следовать за ним, на худое и доброе до самой смерти. Но я гражданин демократической республики Соединенных Штатов, которой я присягал в верности в том, что я буду поддерживать конституцию моей страны, если нужно жертвою жизни. Христос требует от ме-

ня, чтобы я сделал другим то, что я хотел бы, чтобы мне делали. Конституция Соединенных Штатов требует от меня, чтобы я делал двум миллионам рабов (тогда были рабы, теперь на место их смело можно поставить рабочих) как раз обратное тому, что бы я хотел, чтобы мне делали, т. е. содействовал бы тому, чтобы держать их в том рабстве, в котором они находятся. И это ничего, я продолжаю избирать или избираться, я помогаю управлять, я даже готов быть выбран на какую-либо должность управления. Это не мешает мне быть христианином. Я продолжаю исповедовать и не нахожу затруднения исполнять завет с Христом и с правительством.

«Иисус Христос запрещает мне противиться делающим зло и лишать их ока за око и зуба за зуб, крови за кровь, жизни за жизнь.

«Мое правительство требует от меня как раз противного и защиту себя основывает на виселице, ружье, мече, употребляемых против своих домашних и внешних врагов. И соответственно этому страна снабжает-

ся виселицами, тюрьмами, арсеналами, военными кораблями и солдатами.

«В поддержании и употреблении этих дорогостоящих убийственных приспособлений мы можем весьма удобно осуществить добродетель *прощения обижающих нас, любви к врагам, благословения проклинающих нас и делания добра ненавидящим нас*. Для этой цели у нас есть постоянные христианские священники, чтобы молиться за нас и призывать благословение божие на святые убийства. Я все это вижу (т.е. противоречие исповедания и жизни) и продолжаю и исповедовать и управлять и горжусь тем, что *я в одно и то же время и набожный христианин и преданный слуга правительству*. Не хочу я согласиться с этим безумным понятием непротивления. Не могу я отказаться от своего влияния и оставить одних безнравственных людей во главе правительства. Конституция говорит: правительство имеет право объявлять войну, и я соглашаюсь, я поддерживаю это, я клянусь, что буду поддерживать. Я от этого

не перестаю быть христианином. Война тоже христианская обязанность. Разве не христианское дело убить сотни тысяч ближних, насиловать женщин, разорять и сжигать города и делать всевозможные жестокости? Пора бросить все эти выдуманные сентиментальности. Это самое настоящее средство прощать обиды и любить врагов. Если мы только делаем это в духе любая, ничего не может быть более христианского, как такое огульное убийство».

В другой брошюре, под заглавием: «*Сколько нужно людей, чтобы преобразить злодейство в праведность*», он говорит: «Один человек не должен убивать. Если он убил,

он преступник, он убийца. Два, десять, сто человек, если они делают это, — они убийцы. Но государство или народ может убивать, сколько он хочет, и это не будет убийство, а хорошее, доброе дело. Только собрать побольше народа, и бойня десятков тысяч людей становится невинным делом. Но сколько именно нужно людей для этого?

Вот в чем вопрос. Один не может красть, грабить, но целый народ может. Но сколько именно нужно для этого? Почему 1, 10, 100 человек не должны нарушать закона бога, а очень много могут?»

А вот катехизис Баллу, составленный для его паствы.

КАТЕХИЗИС НЕПРОТИВЛЕНИЯ (1)

Вопр. — Откуда взято слово «непротивление»?

Отв. — Из изречения: *не противься злему*. Мф. V, 39.

Вопр. — Что выражает это слово?

Отв. — Оно выражает высокую христианскую добродетель, предписываемую Христом.

— Перевод сделан свободно, с некоторыми пропусками.

Вопр. — Следует ли слово непротивление принимать в самом его обширном смысле, т. е. что оно указывает на то, чтобы не делать никакого *сопротивления злу*.

Отв. — Нет, оно должно быть понимаемо в точном смысле наставления Спасителя, т. е. не платить *злом за зло*. Злу должно противиться всякими праведными средствами, но никак не злом.

Вопр. — Из чего видно, что Христос в таком смысле предписал непротивление?

Отв. — Из слов, которые он при этом сказал. Он говорил: Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Вопр. — О ком он говорил в словах: вы слышали, что сказано?

Отв. — О патриархах и пророках, о том, что они сказали, — что содержится в писаниях Ветхого Завета, который евреи обыкновенно называют *Закон и пророки*.

Вопр. — Какие предписания разумел Христос под словами: «вам сказано»?

Отв. — Те предписания, в которых Ной, Моисей и другие пророки дают право причинять личный вред носителям вреда, чтобы наказывать и уничтожать злые дела.

Вопр. — Приведите такие предписания.

Отв. — «Кто прольет кровь человеческую между людьми, того самого кровь прольется». Быт. IX, 6.

«Кто ударит человека так, что тот умрет, да будет предан смерти. А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Исх. XXI, 12, 23, 25.

«Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти». «А кто сделает повреждение ближнему своему, тому должно сделать то же, что он сделал». «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб». Лев. XXIV, 17, 19, 20.

«А судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот есть свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то поступайте с ним так, как он умышлял поступить с братом

своим. Да не пощадит его глас твой: душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу». Второз. XIX, 18, 21.

Вот предписания, о которых говорит Иисус.

Ной, Моисей и пророки учили так, что тот, кто убивает, калечит или мучает своих ближних, делает зло. Чтобы противиться такому злу и уничтожить его, нужно делающего зло наказывать смертью или искалечением или каким-нибудь личным мучением. Обиде нужно противопоставить обиду, убийству — убийство, мучению — мучение, злу — зло. Так учили Ной, Моисей и пророки. Но Христос отрицает все это. «Я говорю вам, написано в Евангелии: не противься злему, не противься обиде — обидою, но скорее перенеси повторенную обиду от делающего зло». То, что было позволено, запрещается. Понявши, какого рода сопротивление они учили, мы точно знаем, чему учит непротивление Христа.

Вопр. — Допускали ли древние сопротивление обиде обидою?

Отв. — Да. Но Иисус запретил это. Христианин ни в каком случае не имеет права лишать жизни или подвергать обиде делающего зло ближнего.

Вопр. — Может ли он убить или искалечить другого при самообороне?

Отв. — Нет.

Вопр. — Может ли он войти с жалобой в суд с той целью, чтобы его обидчик был наказан?

Отв. — Нет. Ибо, что он делает через других, в сущности он сам делает.

Вопр. — Может ли он сражаться в войске против неприятелей или против домашних бунтовщиков?

Отв. — Конечно, нет. Он не может принимать никакого участия в войне или воинских приготовлениях. Он не может употреблять смертоносного оружия. Он не может противиться обиде обидой, все равно один ли он, или вместе с другими, сам или через других людей.

Вопр. — Может ли он добровольно выбирать или снаряжать военных людей правительству?

Отв. — Он не может делать ничего этого, если хочет быть верным закону Христа.

Вопр. — Может ли он добровольно давать деньги для помощи правительству, поддерживаемому военной силой, смертной казнью, вообще насилием?

Отв. — Нет, если только деньги не предназначены на какой-нибудь особый предмет, справедливый в самом себе, где и цель и средства добрые.

Вопр. — Может ли он платить подати такому правительству?

Отв. — Нет, он не должен добровольно платить подати, но не должен противиться взиманию податей. Подать, налагаемая правительством, взыскивается независимо от воли поданных. Ей нельзя противиться, не прибегая самому к насилию. Насилия же христианин употреблять не может, поэтому он должен предоставить прямо *свою собственность* насильственному ущербу, производимому властями.

Вопр. — Может ли христианин подавать голос при выборах

и участвовать в суде или управлении?

Отв. — Нет, участие в выборах, суде или управлении есть участие в правительственном насилии.

Вопр. — В чем главное значение учения о непротавлении злу?

Отв. — В том, что оно одно дает возможность вырвать с корнем зло, как из своего сердца, так и из сердца ближнего. Учение это запрещает делать то, чем увековечивается и умножается зло в мире. Тот, кто нападает на другого и обижает его, зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Обидеть другого, потому что он нас обидел, будто бы для того, чтобы устранить зло, значит повторить дурное дело и над ним и над собой, значит *породить* или по крайней мере *освободить* — *поощрить* того самого демона, которого мы будто бы хотим изгнать. Сатана не может быть изгнан сатаною, неправда не может быть очищена неправдою, и зло не может быть побеждено злом.

Истинное *непротавление* есть единственное настоящее

сопротивление злу. Оно сокрушает голову змия. Оно убивает и в конец истребляет злое чувство.

Вопр. — Но если мысль учения и верна, то исполнимо ли оно?

Отв. — Так же исполнимо, как всякое добро, предписываемое законом Божиим. Добро не может быть исполняемо во всех обстоятельствах без самоотречения, лишения, страдания и, в крайних случаях, без потери самой жизни. Но тот, кто дорожит жизнью более, чем исполнением воли бога, уже мертв для единственной истинной жизни. Такой человек, стараясь спасти свою жизнь, теряет ее. Кроме того, и вообще там, где непотворение стоит пожертвования одною жизнью или каким-нибудь существенным благом жизни, противление стоит тысячи таких жертв.

Непотворение сохраняет — противление разрушает.

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилем, — безопаснее даже в отношении к настоящей жизни. Если

бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен.

Вопр. — Но когда лишь немногие будут так поступать, что станется с ними?

Отв. — Если бы так поступал даже только один человек, а все остальные согласились распять его, то не более ли славно ему было бы ему умереть в торжестве непотворяющей любви, молясь за врагов своих, чем жить, нося корону Цезаря, обрызганную кровью убитых? Но один ли, или тысячи людей, твердо решивших не противиться злу злом, все равно, среди просвещенных ли, или среди диких ближних, гораздо больше безопасны от насилия, чем те, которые полагаются на насиле. Разбойник, убийца, обманщик скорее оставит их в покое, чем тех, кто сопротивляется оружию. Взавшие меч от меча погибнут, а ищущие мира, поступающие дружественно, безобидно, забывающие и прощающие обиды большею частью наслаждаются миром или если умирают, то умирают благословляемы.

Таким образом, если бы все соблюдали заповедь непотвор-

ления, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодейства. Если бы таких было большинство, то они установили бы управление любви и доброжелательства даже над обижающими, никогда не противясь злу злом, никогда не употребляя насилия. Если бы таких людей было довольно многочисленное меньшинство, то они произвели бы такое исправительное нравственное действие на общество, что всякое жестокое наказание было бы отменено, а насилие и вражда заменились бы миром и любовью. Если бы их было только малое меньшинство, то оно редко испытывало бы что-нибудь худшее, чем презрение

Баллу в продолжение 50 лет писал и издавал книги преимущественно о вопросе непротivления злу насилieм. В сочинениях этих, прекрасных по ясности мысли и красоте изложения, вопрос рассмотрен со всех возможных сторон. Устанавливается обязательность этой заповеди для всякого христианства, исповедующего Библию как божеское откровение. Приво-

мира, а мир между тем, сам того не чувствуя и не будучи за то благодарен, постоянно становился бы мудрее и лучше от этого тайного воздействия. И если бы в самом худшем случае некоторые из членов меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшие за правду оставили бы по себе свое учение, уже освещенное их мученической кровью.

Да будет мир со всеми, кто ищет мира, и всепобеждающая любовь да будет негибнущим наследием всякой души, добровольно подчиняющейся закону Христа:

«Не противься злу насилieм».

дятся все обычные возражения против заповеди непротivления как из Ветхого Завета, так и из Нового, как, например: изгнание из храма и т. п., и на все выставляются опровержения; показывается независимо от писания практическая разумность этого правила и выставляются все обычно делаемые против нее возражения и опровергаются. Так, одна глава его сочине-

ния трактует о непротивлении злу в исключительных случаях, в которой он признает, что если бы были случаи, в которых невозможно применение непротивления злу, то это доказывало бы, что правило это вообще несостоятельно. Приводя эти исключительные случаи, он доказывает, что именно в них-то и нужно и разумно применение этого правила. Нег стороны вопроса, как для сторонников его, так и для противников, которая бы не была исследована в этих сочинениях. Все это я говорю для того, чтобы показать тот несомненный интерес, который должны бы иметь такие сочинения для людей, исповедующих христианство, и что потому, казалось бы, деятельность Баллу должна бы была быть известной, и мысли, выраженные им, должны бы были или признаны, или опровергнуты; но ничего подобного не было.

Деятельность Гаррисона-отца с его основанием общества непротивляющихся и декларация еще более, чем сношения мои с квакерами, убеждали меня в том, что отступление государственного христианства от

закона Христа о непротивлении насилием есть дело, давно замеченное и указанное и для обличения которого работали и не перестают работать люди. Деятельность Баллу еще более подтвердила мне это. Но судьба и Гаррисона и в особенности Баллу, никому не известного, несмотря на 50 лет упорной и постоянной работы в одном, и том же направлении, подтвердила для меня и то, что существует какой-то невысказанный, но твердый уговор замалчивания всех таких попыток.

В августе 1890 года Баллу скончался, и в американском христианского направления журнале (*Religio-Philosophical journal*, August 23) был его некролог.

В хвалебном некрологе этом пишется о том, что Баллу был духовным руководителем общины, что он произнес от 8 до 9 тысяч проповедей, женил 1000 пар и написал около 500 статей, но ни одного слова не сказано о той цели, которой он посвятил свою жизнь, не сказано даже и слова: «непротивление».

Как все то, что 200 лет проповедуют квакеры, как деятель-

ность Гаррисона-отца, основание его общества и журнала, его провозглашение, так и вся деятельность Баллу точно как будто не существуют и не существовали.

Поразительным примером такой неизвестности сочинений, направленных на разъяснение непротивления злу насилием и обличение тех, которые не признают этой заповеди, служит судьба книги чеха Хельчицкого, только недавно ставшей известной и до сих пор еще не напечатанной.

Вскоре по выходе моей книги по-немецки я получил из Праги письмо от профессора тамошнего университета, сообщившее мне о существовании никогда нигде не напечатанного сочинения чеха *Хельчицкого* XV века, под названием «*Сеть веры*». В сочинении этом, как писал мне профессор, Хельчицкий около 4-х веков тому назад высказывал тот же взгляд на истинное и ложное христианство, который высказывал и я в сочинении «В чем моя вера?». Профессор писал мне, что сочинение Хельчицкого должно было быть издано в первый раз

на чешском языке в журнале Петербургской академии наук. Не имея возможности достать самое сочинение, я постарался познакомиться с тем, что известно о Хельчпцком, и такие сведения я получил из немецкой книги, присланной мне тем же пражским профессором, и из истории чешской литературы Пыпина. Вот что сказано у Пыпина:

«Сеть веры» есть учение Христово, которое должно извлекать человека из темной глубины житейского моря и его неправд. Истинная вера состоит в том, чтобы верить божьим словам; но теперь пришло такое время, что люди истинную веру принимают за ересь, и поэтому разум должен указать, в чем состоит истинная вера, если кто этого не знает. Тьма закрыла ее от людей, и они не узнают истинного закона Христа.

Для объяснения этого закона Хельчицкий указывает на первобытное устройство христианского общества, — то устройство, которое, говорит он, считается теперь в римской церкви гнусным еретичеством.

Эта первобытная церковь была его собственным идеалом общественного устройства, основанного на равенстве, свободе и братстве. Христианство, по мнению Хельчицкого, до сих пор хранит в себе эти основания, нужно только, чтоб общество возвратилось к его чистому учению, и тогда оказался бы излишним всякий иной порядок, которому нужны короли и папы: во всем достаточно одно-го закона любви...

Исторически Хельчицкий относит упадок христианства ко временам Константина Великого, которого папа Сильвестр ввел в христианство со всеми языческими нравами и жизнью. Константин, в свою очередь, наделил папу светским богатством и властью. С тех пор обе власти постоянно помогали друг другу и стремились только к внешней славе. Доктора и магистры и духовное сословие стали заботиться только о том, чтобы покорить весь свет своему владычеству, вооружали людей друг против друга на убийства и грабежи и совсем уничтожили христианство в вере и в жизни. Хельчицкий совер-

шенно отвергает право войны и смертную казнь: всякий воин, даже и «рыцарь», есть только насильник, злодей и убийца».

То же, с некоторыми биографическими подробностями и выдержками из переписки Хельчицкого, сказано и в немецкой книге.

Узнав, таким образом, сущность учения Хельчицкого, я с тем большим нетерпением ожидал появления «Сети веры» в журнале Академии. Но прошел год, два, три — книга не появлялась. Только в 1888 году я узнал, что начатое печатание книги приостановилось. Я достал корректурные листы того, что было отпечатано, и прочел книгу. Книга во всех отношениях удивительная.

Содержание ее совершенно верно передано Пыпиным. Основная мысль Хельчицкого та, что христианство, соединившись с властью при Константине и продолжая развиваться в этих условиях, совершенно извратилось и перестало быть христианством. Заглавие «Сеть веры» дано Хельчицким его сочинению потому, что, взяв эпиграфом стих Евангелия о при-

звании учеников с тем, чтобы они стали ловцами людей, Хельчицкий продолжая это сравнение, говорит: «Христос посредством учеников захватил в свою сеть веры весь мир, но большие рыбы, пробив сеть, выскочили из нее и в поделанные этими большими рыбами дыры ушли и все остальные, так что сеть осталась почти пустая».

Большие рыбы, пробившие сеть, это властители, императоры, папы, короли, которые, не отказываясь от власти, приняли не христианство, а только личину его.

Хельчицкий учит тому же, чему учили и учат теперь непротивляющиеся менониты, квакеры, в прежние времена — богомилы, павликиане и многие другие. Он учит тому, что христианство, требующее от своих последователей кротости, смирения, незлобия, прощения обид, подставления другой щеки, тогда бьют по одной, любви к врагам, — несовместимо с насилием, составляющим необходимое условие власти.

Христианин, по толкованию Хельчицкого, не только не мо-

жет быть начальником или солдатом, но не может принимать никакого участия в управлении, не может быть торговцем или даже землевладельцем, а может быть только или ремесленником, или земледельцем.

Книга эта — одна из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство. Все такие книги, называемые еретическими, сожжены вместе с авторами, так что древних сочинений, обличающих отступление официального христианства, очень мало, и потому эта книга особенно интересна.

Но, кроме того, что она интересна, как ни смотреть на нее, книга эта есть одно из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности. А между тем книга эта остается, вот уже более четырех веков, ненапечатанной и продолжает быть неизвестной, за исключением ученых специалистов.

Казалось бы, что все такого рода сочинения и квакеров, и Гаррисона, и Баллу, и Хельчиц-

кого, утверждающие и доказывающие на основании Евангелия, что наш мир ложно понимает учение Христа, должны бы возбуждать интерес, волнение, шум, споры в среде как пастырей, так и пасомых.

Сочинения такого рода, затрагивающие самую сущность христианского учения, должны бы были, казалось, быть разобраны и признаны справедливыми или отвергнуты и опровергнуты.

Но ничего подобного нет. Со всеми этими сочинениями повторяется одно и то же. Люди самых разных взглядов, как верующие, так и — что достойно удивления — неверующие либералы, как бы сговорившись, все одинаково упорно молчат о них, и все то, что делается людьми для разъяснения истинного смысла учения Христа, остается неизвестным или забытым.

1890-93

Из гл. I трактата Л. Н. Толстого «Царство Божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание». См. № 3 нашего Альманаха.

Л. Н. Толстой

письмо Г. М. Волконскому

Я получил ваше письмо с брошюрами и прочел их¹. Отвечаю так поздно потому, что ваше письмо ходило в Ясенки, а я в Москве, — и не своей рукой, потому что болен и слаб.

С удовольствием отвечаю вам, потому что брошюры ваши написаны очень хорошо и искренно, за исключением третьей, насчет которой я согласен с вашими родными. Эта брошюрка слаба не потому, что слишком резка, но потому, что недостаточно ясно выставляет отталкивающие черты одного из самых отвратительных, если не комических, представителей императорства — Вильгельма II.

Но как ни хорошо написаны ваши статьи, я по существу не согласен с ними, не то что не согласен, но не могу осуждать того, что вы осуждаете.

Если два человека, напившись пьяны в трактире, подерутся за картами, я никак не решусь осуждать одного из них; как бы убедительны ни были доводы другого, причина безобразных поступков того или другого лежит никак не в справедливости одного из них, а в том, что вместо того, чтобы спокойно трудиться или отдыхать, они нашли нужным пить вино и играть в карты в трактире. Точно так же, когда мне говорят, что в какой бы то ни было разгоревшейся войне исключительно виновата одна сторона, я никогда не могу согласиться с этим. Можно признать, что одна из сторон поступает более дурно, но разборка о том, которая поступает хуже, никак не объяснит даже самой ближайшей причины того, почему происходит такое страшное, жестокое и бесчеловечное явление, как война. Причины эти для всякого человека, который не закрывает глаз, совершенно очевидны, как теперь в Трансвальской войне, так и во всех войнах, которые были в последнее время. Причин этих три:

1-ая — неравное распределение имуществ, то есть ограбление одними людьми других, 2-ая — существование военного сословия, то есть людей, воспитанных и предназначенных для убийства, и 3-я — ложное, большею частью сознательно обманное религиозное учение, в котором насильственно воспитываются молодые поколения. И потому я думаю, что не только бесполезно, но и вредно видеть причину войн в Чемберленах, в Вильгельмах и т.п., скрывая этим от себя действительные причины, которые гораздо ближе и в которых мы сами участвуем.

На Чемберленов и Вильгельмов мы можем только сердиться и бранить их; но наше сердце и брань только испортят нам кровь, но не изменят хода вещей: Чемберлены и Вильгельмы суть слепые орудия сил, лежащих далеко позади их. Они поступают так, как должны поступать и как не могут поступать иначе. Вся история есть ряд точно таких же поступков всех политических людей — как Трансвальская война, и потому сердиться на них и осуждать их совершенно бесполезно и даже невозможно, когда видишь истинные причины их деятельности и когда чувствуешь, что ты сам виновник той или другой их деятельности, смотря по тому, как ты относишься к трем основным причинам, о которых я упомянул. До тех пор, пока мы будем пользоваться исключительными богатствами в то время, как массы народа задавлены трудом, всегда будут войны за рынки, за золотые прииски и т.п., которые нам нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство. Тем более неизбежны будут войны до тех пор, пока мы будем участвовать в военном сословии, допускать его существование, не бороться всеми силами против него. Мы сами или служим в военном сословии, или признаем его не только необходимым, но похвальным, и потом, когда возникает война, осуждаем в ней какого-нибудь Чемберлена и т.п. Главное же, будет война до тех пор, пока мы будем не только проповедовать, но без негодования и возмущения допускать то извращение христианства, которое называется церковным христианством и при котором возможно христолюбивое воинство, благословение пушек и признание войны делом хри-

стиански справедливым. Мы учим этой религии *наших детей*, сами исповедуем ее и потом говорим — одни, что Чемберлен, а другие, что Крюгер виноват в том, что люди убивают друг друга.

Вот поэтому-то я и не согласен с вами и не могу упрекать слепые орудия невежества и зла, а вижу причины в таких явлениях, в которых я сам могу содействовать уменьшению или увеличению зла. Содействовать братскому уравниванию имуществ, пользоваться в наименьшей мере теми преимуществами, которые выпали на мою долю; не участвовать ни с какой стороны в военном деле; разрушать тот гипноз, посредством которого люди, превращаясь в наемных убийц, думают, что они делают благое дело, служа в военной службе; и, главное, исповедовать разумное христианское учение, всеми силами стараясь разрушать тот жестокий обман ложного христианства, которым насильно воспитываются молодые поколения, — в этом тройном деле, мне кажется, заключается обязанность всякого человека, желающего послужить добру и справедливо возмущенного той ужасной войной, которая возмутила и вас².

Москва. 4/16 декабря 1899 г.

¹ Толстой отвечает на письмо внука декабриста С. Г. Волконского от 8 декабря н. ст. из Парижа, к которому были приложены вырезки из его статей из газеты «La vérité», склеенные в виде брошюр (ГМТ), о начавшейся в октябре 1899 г. англо-бурской войне. Англия напала на южно-африканские республики буров — Трансвааль и Оранжевое свободное государство. Волконский хотел, чтобы к подготавливаемому им сборнику было предпослано письмо Толстого.

² В сб. статей Волконского «Pour les boeurs. Contre l'impérialisme» («Ради буров. Против империализма») (Женева, 1900) письмо Толстого дано как предисловие.

И. И. Горбунов-Посадов

Бросайте Божьи искры

(Письмо петроградским братьям)

Милые, дорогие братья! Среди шума расторгающихся цепей необходимо, по-моему, теперь, не забывая о всегда главнейшем — о деятельнейшей работе над самим собой, над освобождением и возвышением своей души, — наряду с этим необходимо направить деятельные, соединенные усилия на то, чтобы, при открывшейся теперь возможности, при всех наших скромных силах, возможно шире раздался бы голос истинного всеобщего братства, истинного равенства, истинной свободы, исключаяющей всякое насилие человека над человеком во имя чего бы то ни было, — голос, зовущий ко всеобщей любви и великому всеобщему в ней единению, голос Христа, голос Толстого, голос всех великих апостолов истиннейшего братства, равенства и свободы.

Страшно нужно, чтобы во всей чистоте, силе и любовности своей зазвучал бы этот голос везде, где возможно. Раскрывают теперь широко двери секты, задавленные ранее в своей работе, начнут приспособляться и говорить новые речи церкви, но надо, чтобы над всеми сектами, церквами, партиями зазвучало бы то великое, что зовет всех к соединению в Единой Душе.

Если силы у нас, может быть, и слабые, если, может быть, и нет меж нами братьев с могучим голосом души, то зато у нас есть чудные писания и проповеди всенародные Христа, Толстого и подобные им. И вот надо, чтобы в живом чтении, чрез живые братские уста, в живой, одухотворенной беседе зазвучали бы широко и громко эти проповеди.

Выберите из себя наиболее осведомленных друзей, которые

намечали бы, что всего более подходит для чтения, для беседы из писаний Толстого и прочих, — пусть это будет и проза и хорошие, возвышающие, наполняющие душу пламенем истины и любви стихи и песни, и пусть все, кто только может из друзей наших, устраивают маленькие ли, большие ли собрания. Если большие — прекрасно. Если маленькие, но проникновенные — чудесно. Конечно, радостнее как можно большему числу братьев незнающих передать об истине, но все же главное дело не в числе, а в духовной проникновенности таких собраний.

Надо, чтобы был определенный в неделю день и час, широко распахнуть для всех двери и напечатать в газетах объявление, что с такого-то времени, еженедельно — что ли — по таким-то дням и часам там-то приглашаются на чтение и беседу все, кто сочувствует свободному христианству в духе Льва Толстого. И если в других районах города найдутся сколько-нибудь вмещающие помещения, то и там в разные дни. Если других не найдется поме-

щений, напечатайте в газетах призыв, не найдутся ли люди, которые пожелают их дать. Я уверен, что найдутся. Надо только действовать энергично.

Часть вечера отводить под чтение и пение, — очень важно постепенно организовать свой хор, который брал бы из песен поэтов и сектантов только бы всех объединяющее, ясное, чистое, великое; к участию в таком хоре также пригласить желающих через газеты. Часть вечера посвящать живой беседе, на которой могли бы все высказаться; пусть говорят и противники истинного христианства, пусть оно будет предметом общего обсуждения, пусть всякое чужое мнение выслушивается только братски любовно, и обсуждение будет всегда лишь братское.

Среди борьбы партий, среди криков газет, в которых, — как пишет один товарищ, свирепствуют партийные и военные страсти, — да раздастся голос любовной истины, да зазвучит братская беседа об истине, где каждое слово и противника будет выслушиваться братски, с уважением и истинною терпи-

мостью, что должно быть основой наших собраний. Никакого узкого духа религиозной партийности, никакого сектантства!

При таких собраниях должна всегда открываться походная продажа соответствующей литературы.

Очень хорошо бы, если бы друзьям удалось устроить такие собрания в пригородных рабочих районах, не смущаясь если встретят и холодное сначала отношение, не смущаясь ничем.

И сейчас мы с нашим отношением к войне и к насилию вообще идем против течения. По этому поводу скажу словами Алексея Толстого: „Дружно гребите, друзья, против течения!“

Но ведь нас-то несет Великое течение Любви, истинного Братства и Истинной Свободы! Смелей же, одушевленное, упорнее вперед, дорогие друзья, и да развернутся и поднимутся над миром знамена Любви и Великого Единения!

Но повторяю то, с чего начал. Я не зову вас отдаться исключительно пропаганде. Повторяю, что главное дело жизни

— это возвышение, усиление в себе Бога Любви. Но на ряду с этим мы должны широко раскрывать братьям возможность познания той Истины, по которой изголодалась душа человеческая и которую только в таком несовершенном, неполном виде дают другие учения, пришедшая к ней часто совершенно ей противоположное.

Брат Борис Яковлевич расскажет вам о том, что у нас происходит. Есть у нас несколько начинаний, мало еще сил, но Бог даст прибавит. Все, в ком есть вера, сила, стремление, должны работать. Жалею, что не могу свалить с плеч 10-ти хотя бы годов. Падаю почти что от усталости, а так хотелось бы работать все больше и больше!

Работайте, друзья! Не смущайтесь силами своими, талантами: работающему Бог прибавит — даст силы; любящему даст еще любви; стремящемуся всей душой еще воспламенит его стремления. Помните, что каждое усилие к приближению Царства Истины так нужно и дорого! Единитесь крепче, поддерживайте друг друга, плетите

крепче свою сеть любви и закидывайте ее смело кругом себя, и вы получите новых товарищей и сотрудников.

Вам скажут: не до Бога сейчас! Не до любви! — Нет, именно-то сейчас (как и всегда) Его голос страшно всего более нужен. Свет любви всего необходимее. В работе Льва Николаевича выяснение Божьей Истины достигло пока своей вершины. Ведите же людей к этому источнику!

Вместе же с этим плечо к плечу будем помогать друг другу всеми силами стремиться делать важнейшее — всеми силами стараться осуществлять в

жизни то, к чему мы стремимся.

Вера без дел мертва. Слово без дел безжизненно. Но и слово нужно, и до чего нужно! Когда узнают его другие, — из них выйдут такие, которые может быть, и осуществят его во всей полноте.

Кругом во всех спит задавленное божественное. Бросайте Божьи искры, и они вызовут в ответ Божий огонь, Божье пламя, спящее пока в душах.

Простите за лихорадочную набросанность этих строк. Страшно спешу, но страшно хочется написать всем вам, дорогим петроградским братьям и сестрам.

Любящий ваш брат и друг

И. Горбунов-Посадов.

1 апреля 1917 года.

«Обновление жизни», № 2, 1917.

И. И. Горбунов-Посадов (1864-1940) — поэт, педагог, издатель, близкий единомышленник Л. Н. Толстого, руководитель издательства «Посредник» в 1897-1925 годах. Редактор журналов «Маяк», «Свободное воспитание» и «Обновление жизни».

А. М. Булыгина
Голос матери

Приближается грозное время,
Мы с тобою расстаться должны,
Впереди это страшное бремя,
Что берешь на себя ты нести.

О, мой сын, мне так жутко и страшно,
Столько мук у тебя впереди,
Столько пытки душевной напрасно
Предстоит неизбежно нести.

Погоди, дай собраться мне с силой,
Дай все мысли проверить мои,
Дай душе моей, скорбной, унылой,
Отлетать на мгновенье с земли.

Только там, от земли в отдаленьи,
Перед Богом великим моим
Окрыляется сердце решеньем,
Отдаваясь порывам святым.

Дорогое дитя, дорогое,
Все ли взвесил ты в сердце своем,
И достанет ли силы, родное,
Не упасть под тяжелым крестом.

Призывают на страшное дело:
Кровью братскою руки омыть,
Оскверняют и душу и тело,
Чтоб повинность за что-то отбыть.

Раздевать призывают постыдно,
Как бездушную вещь обмерять.
Да, дитя, безобразно, противно
В поруганье себя отдавать.

И преступно поклясться сзывают
За царя верой правдой стоять
И во имя Христа принуждают
Кровь каких-то врагов проливать.

И в кафтан шутовской нарядиться,
Чтоб под ним душу чуткую скрыть,
Злой, безбожною жизнью томиться
И родного отца не щадить.

Вижу я, вот стоит неподвижно
Целый ряд одуренных солдат:
Внушено им законом постыдно
Бить людей, будь то друг или брат.

И они, ослепленные мраком,
Под команду и знак вожака
В бой жестокий бросаются с братом,
Бьют детей, бьют отца-старика

Если вздумал ты вдруг отказаться,
Если дрогнула совесть твоя, —
Будь готов с своей жизнью расстаться
Как противный изменник царя...

Боже Правды, Любви и терпенья,
Как могли Тебя так извратить.
И завет Твой любви, всепрощенья,
Так жестоко борьбой заменить.

Вспоминается, зимней порою
Под Крещение страшная ночь:
Вся в поту и дрожащей рукою
Я свечу зажигала в полночь.

Наступило желанное время,
Хоть и полное муки живой:
Разрешилось тяжелое бремя,
Наступил час рождения твой.

Помню крошкой родился ты хилый
Весь беспомощный, жалкий такой,
Но родной, бесконечно мне милый,
Прижимался ты к груди больной.

Помню все, как потом я растила
И лелеяла крошку свою,
Сколько счастья она мне дарила
Как заботила душу мою.

Как святыню, тебя я хранила,
Что Господь мне послал за любовь,
Я ценой тебя жизни купила,
За тебя пролила свою кровь.

И теперь по чьему-то веленью,
По призыву каких-то властей,
Подвергать тебя будут глумленью
Над душой издеваться твоей.

Грубо будут они издеваться,
За душевно-больного считать,
Над святыней души надругаться,
Непокорным врагом называть.

И в застенки к безумным посадят,
Сумасшедшим тебя назовут,
И особую стражу поставят:
Для страданий, для мук сберегут.

Будут бить тебя плетью жестоко,
По ланитам смеясь ударять,
Будут самое сердце глубоко
Горьким ядом обиды питать.

О, дитя, я с тобою, родное.
Я ведь слышу, я вижу тебя...
Ударяется в сердце больное
Вся обида, вся горечь твоя...

Не под силу бы это мученье,
Умереть много легче, дитя,
Но я знаю: святое стремленье
Окрыляет на подвиг тебя.

И мне стыдно, дитя, я рыдаю,
Вот горячие слезы текут, —
Я их твердой рукой обтираю,
Но бегут они, снова бегут.

О, прости мне, дитя дорогое,
Не смущайся бессильной слезой...
То великое дело святое
Не одной стоит жизни живой.

Много силы там бурей сломило,
Много чистой горячей любви
Это царство борьбы поглотило
И, как знать, что еще впереди.

Знаю я, ты готов на мученье,
Дорога тебе правда одна,
Не собьет тебя мира ученье
И душе твоей месть не страшна.

Не простят тебе боги земные
И жестоко тебе будут мстить,
Но ты помнишь заветы святые, —
Бог поможет тебе их хранить.

Знаешь ты, как и всякий то знает,
Что велит тебе совесть твоя...
Если тело земля истязает,
То душа перед небом чиста.

И увидит Господь все мученья,
И услышит Он вопли твои...
Содрогнется земля от смущенья
И зальется слезами любви...

Отзовутся те вопли святые
Горячо в каждом сердце живом,
И поймут они, прежде глухие, —
Отчего столько горя кругом.

Долго спавшее сердце проснется.
Сбросит рабское иго долой,
Горячо и свободно забьется
Для любви и для жизни другой.

В мире Божьем, в мире чудесном
Мы-то сами не чудо ль одно,
И в пути Его нам неизвестном, —
Не одно ли нам дело дано.

Всех равно солнце ясное греет.
Всех ласкает сияньем своим,
И над всем Дух бессмертия веет,
Оживляет дыханьем одним.

Не Ему ль одному отдаваться,
Не Ему ль одному лишь служить,
С Ним одним беспредельно сливаться
Чтобы жизнь, как любовь, ощутить.

Так кого же считать нам врагами,
Чью же смеем мы кровь проливать.
И какими земными царями
Перед Богом себя оправдать.

Уж везде зажигаются светом,
Жаждают правды живые сердца,
Ярко звезды горят пред рассветом
Скоро в небе зажжется заря.

1907 г.

«Песни о всемирном братстве». Сборник стихотворений
И.И.Горбунова-Посадова и др. Издательство «Братство наро-
дов», № 6. М., 1917.

К истории стихотворения

Булыгина Анна Максимовна (рожд. Игнатьева, 1862-1909),
ее сын — Булыгин Сергей Михайлович (1889-1943).

Из воспоминаний последнего секретаря Л. Н. Толстого, В. Ф. Булгакова о тех, кто подписал антивоенное воззвание толстовцев в 1914 году:

...единомышленной Л. Н. Толстому семье Булыгиных, в небольшом имении Булыгиных при дер. Хатунке, Тульской губ., всего за 15 верст от Ясной Поляны. Семья состояла из отца — горячего, порывистого человека, М. В. Булыгина, выступавшего постоянно на судах в качестве защитника крестьянских интересов, и четырех сыновей, из которых двое взрослых — Сергей и Иван — были воспитаны и жили как простые рабочие. Жена Булыгина умерла несколько лет тому назад.

Это была одна из благороднейших и интереснейших семей, какие только мне доводилось знать. Сам М. В. Булыгин, сын сенатора и двоюродный брат бывшего министра внутренних дел, в молодости окончил пажеский корпус и служил офицером; затем, познакомившись со взглядами Льва Николаевича, он оставил службу, поселился в деревне и занялся сельским хозяйством. Государство, которое он приравнивал к воплощению "Антихриста", имело в нем теперь злейшего врага. Дети воспитывались и росли под мыслью, что, когда настанет время, они должны будут отказаться от военной службы и уйти на несколько лет в тюрьму. Старший из сыновей Сергей был чрезвычайно одаренный юноша. Он выдавался в особенности своей способностью к отвлеченному мышлению, а также глубокой религиозностью и высоко-нравственным, последо-

вательным образом жизни. В последнем отношении ему вполне был равен и младший его брат Иван...

В результате обыска [у Александра Ивановича Радина] начальство забрало с собою целую кипу писем, разных бумаг и книг, — в том числе — статьи Бебеля, «Библиотеку социал-демократа» — Платона Лебедева, запрещенные брошюры Толстого: «Не убий», «Христианство и патриотизм», «Конец века». Забрали также рукопись длинного стихотворения «Голос матери»: «по поводу предстоящего сыну призыва к отбыванию воинской повинности, полное самого отрицательного отношения к последней, как "страшному делу", и описывающее мучения, кои последуют по отношению солдата, отказавшегося от военной службы» (Обвинит. акт). Стих. «Голос матери», искренно и горячо написанное, принадлежало перу А. М. Булыгиной, матери Сергея Булыгина, готовившейся еще со времени раннего детства своего сына к неминуемо предстоящему ему отказу. На суде стихотворение это будет прочитано полностью.

Булгаков В. Ф. «Опомнитесь, люди-братья!», М., «Задруга», 1922.

Последователь и близкий знакомый Л. Н. Толстого, крестьянин М. П. Новиков, вспоминает о том же судебном процессе:

Перелистывая «дело», Булгаков остановился на стихотворении Булыгиной «Письмо к сыну», отобранном при обыске жандармами у кого-то; написанное в сильном поэтическом выражении, оно изображало заранее великую скорбь матери за страдания сына, который должен был отказаться от участия в войне и солдатчине и претерпеть за это до конца жизни все тяжелые муки. Из нас его почти никто не знал. Булгаков спросил Демидова, можно ли прочитать это стихотворение для всех.

— Ваше право знакомиться со всем делом и оглашать все без исключения, только не списывать ничего, — заявил Демидов.

И стихотворение, к радости нас всех, было прочитано.(...)

Стихотворение это длинное, на три страницы и, читаемое с чувством глубокого душевного подъема, производило сильное впечатление. Стоявший в дверях часовой так и замер без движения, вслушиваясь в его слова, но Демидов не выдержал, на половине чтения сорвался с места и быстро направился к двери, намереваясь как будто пройти в коридор, и этим без слов заставил его отступить за дверь. Но и сам он сильно волновался, что в его присутствии «преступники» агитируют друг друга и читают такую «ересь», против внутренней правды которой он не может ничего возразить и сам.

— А ведь хорошо написано, полковник, — сказал Булгаков, окончив чтение.

— Уж вы меня-то, пожалуйста, не агитируйте, — резко ответил тот в сильном смущении. И стал нас торопить просмотром дела.

— Вы не в клубе «свидания друзей», — сказал он повелительно, а потому не злоупотребляйте данным вам правом, иначе я его могу нарушить.

Душан Петрович ему мягко и любовно сказал:

— Уж вы, господин полковник, повремените, вы так долго держали нас в изоляции, что за это можно дать нам один день общей радости. Мы вас просим об этом.

Но после прочитанного стихотворения нам уже не хотелось слушать разные протоколы и постановления жандармских властей, нам хотелось говорить, петь, радоваться, тем более что здесь мы в первый раз после года тюрьмы поняли, что наше дело не такое уж страшное и безнадежное, за которое надо было ждать еще суровых репрессий. Ознакомившись с ним, мы увидали, что никакой суд, разбирая его, не может заразиться чувством мести и жестокости, а должен будет считаться и с его внутренней правдой.

Новиков М. П. «Из пережитого», М., «Энциклопедия сел и деревень», 2004.

Эрнест Кросби

Вечно старое исканье

1.

Кто, скажите, эти люди, —
Те, которые теснятся,
Рвутся по ступеням стёртым
В пасть угрюмого собора?

Что заботит их, тревожит?
Что причиной нетерпенья?
Что они, с доверьем пылким,
Отыскать хотят во храме?

Это — старое исканье,
Вечно старое исканье:
Устрашась грядущей смерти,
Избавленья ищут люди,
Жизни вечной ищут люди...

А за ними — кто крадётся
В длинной мантии, незримо?
Это — смерть. С насмешкой очи
В спины им она вперила:
Не спешит, не отступает...

И несчастные, в испуге,
Не решаясь обернуться,

Ей в глаза взглянуть с тоскою,
Утекают в жерло храма...

2.

А в соборе древнем, сером,
Там, где тусклый свет и серый,
Тёмно-серые фигуры
Перед алтарём теснятся,
У епископского кресла.

То — священники и паства.
Лица юных — чуть надеждой
Теплятся; тоска и тупость —
Взоры пожилых. И тусклый
Свет всех равно освещает...

Что же в этом сером храме,
Что пред алтарём старинным,
У епископа, у Бога
Они выпросить желают?
Что вымаливают люди?

Это — старое исканье,
Вечно старое исканье:
Устрашась грядущей смерти,
У попов, святых и Бога
Жизни вечной молят люди...

Кто же в боковом приделе
Их мольбам, смеясь, внимает?
Это — смерть; она незримо,

Растворясь, средь стен старинных
В мёртвом воздухе витает...

И, как стадо, волчьи очи чуть завидев, —
Так же точно люди к алтарю теснятся,
В страхе, за плеча не смея
Взглянуть — в тусклы очи смерти!
Полным вздохом воздух смертный
В грудь свою впустить страшатся...

3.

В комнате рабочей, тесной,
Среди томов обветшавших,
Над одним из них склонившись,
Муж седой учёный пишет.

Скрип пера, бумаги шелест...
Пол закидан весь листами...
Воспалёнными очами
Напряжённно что-то ищет
Старец в ветхой, пыльной книге.

Что он ищет? Всё того же...
Вечно старое исканье:
Он взыскует жизни вечной...
Смерть меж тем — здесь, за плечами.
Вот — в затылок старцу дышит...

Чувствуя её дыханье,
Книжник старый обмирает;
Но, не смея обернуться,

Чтоб не встретиться очами,
Вновь — читает, пишет, пишет...

4.

В окна льётся свет янтарный...
Стол, кровать, тюфяк с соломой...
Молодая санитарка
Умирает в этом доме.

Повстречался накануне
На дороге ей прохожий:
Тяжело больной заразно
Тифом, юноша не чаял
Добрести сам до подмоги...

Отвела, спасла... Сама же —
Утром встать была не в силах...
Жар и жажда изнуряют,
Некому помочь... и скоро
Дань свою возьмёт могила.

Торжествуй же, мерзкий призрак!
Где же ты?! — Его здесь нету...
Лишь счастливо на соломе
Улыбается больная:
Она знает все ответы!
Смерть войти не сможет – знает!

Жизнь её в трудах, лишеньях,
Не дала ей сил и время
Для молитв, исканий, чтений:

Она ближним помогала
Бескорыстно и любовно,
И не раз, забыв опасность,
Жизни их она спасала.

Это — старое деянье,
Вечно старое деянье...
И, потратив жизнь с любовью,
Девушка на одре смерти
Обрела и пониманье:

Ключ к нетленной жизни вечной,
Не вовне и не в исканьях,
Не в соборах суеверных,
И не в ветхих фолиантах —

В глубине души любовной,
В жертве искренней, бездумной
Трепетанье жизни вечной!

пер. с англ. Романа Алтухова

Эрнест Ховард Кросби (1856-1907) – американский поэт, публицист, реформатор; посетитель, корреспондент, адресат, единомышленник и помощник Л.Н. Толстого, автор ряда работ о нём.

Р. А.

<http://www.proza.ru/2015/06/11/1498>

Роман Алтухов

Почему Л. Н. Толстой не утопист

Одним из стереотипных, и настолько привычных многим, что кажется уже не нуждающимся в доказательствах, утверждений о Толстом-социальном и религиозном мыслителе является определение комплекса его идей-предложений как утопии, т.е. «нечто фантастического, несбыточной мечты» (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2005).

Действительно ли идеи Льва Николаевича подпадают под данную характеристику?

Начнём с идейного "фундамента" толстовской концепции социального переустройства. Как известно, он у Льва Николаевича — религиозный.

И вот, на этом фундаменте нецерковного христианства, христианства Христа, а не попов и толковников, и построены

Толстым его социально-обличительная и социально-преобразовательная концепции, постоянно и бездоказательно именуемые "утопией".

Но какова она, "классическая" утопия?

Словарное толкование лексемы "утопия" мы дали выше; происхождение же его, как известно, восходит к книге, оставшейся в истории под заглавием: «Весьма полезная, а также занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего и красноречивейшего Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона» (1515 - 1516).

И сразу добавим: среди разделов данной книги, описывающих утопийское государственное устройство, можно

видеть такие, как «О городах...», «О должностных лицах», «О рабах» (! — *P.A.*), «О военном деле», «О религиях утопийцев» и др.

Мы не напрасно привели полную версию заглавия и некоторые наименования разделов знаменитой книги английского писателя-гуманиста. Из этих наименований особенно очевидно, что Мор был из породы искренне заблуждающихся и довольно опасных людей — тех, кто, как им кажется, точно знает, **КАК** надо "наилучше устраиваться" людям, не умеющим и не желающим обратить свои усилия не на внешнее жизнеустройство и борьбу за него и поддержание его насилием, а на самих себя. Люди хотят продолжать тесниться в городах, вручать свою судьбу государственным "должностным лицам", воевать, убивать и порабощать других людей — но при этом иметь "наилучшее устройство" для себя, повседневной своей жизни... и Томас Мор подробно рисует картину такого "удовольствования плоти", во всех мелочах, подробно, с уве-

ренностью в её осуществимости и благодати.

Да, такое сочетание благих пожеланий с негодными средствами их реализации и неадекватным жизнепониманием — именно, что несбыточная мечта, утопия.

Есть ли нечто подобное моровской системной и ретроспективной картине "наилучшего будущего" у Толстого?

Именно, что **НЕТ!**

Неоднократно, со времени трактата «Так что же нам делать» (1882 - 1886) и вплоть до последней своей крупной публицистической работы «О социализме» (1910 г.), Лев Николаевич подчёркивал, что будущее устройство жизни людей не может быть предвидимо и точно описано. *Он не сочинил своей системной и ретроспективной картины наилучшего жизнеустройства*, то есть не создал своей «Утопии».

Ведь чем характеризуются не только «Утопия» Мора, но и всякая утопия?

Этимологически термин «утопия» восходит к греческому языку, где *U* означает «не», а

ТОПОС — «место», т.е. буквально можно перевести: «место, которого нет».

Остров Т. Мора — без сомнения, тщательно прорисованный образ такого места. Его нет, но, по мнению Мора, оно может появиться...

Есть ли такой образ у Толстого? Нет. Для него отправная точка — не topos, но idea: не образ места, но понятие и, одновременно, указание на идеал, цель устремлений. Цель эта — не внешнее устройство жизни, не «упокой плоти», а некоторое состояние общественного сознания и человеческой души, «жизнепонимание» (термин Толстого) и соответственная ему религиозная вера как руководство поступками. И лишь следствием этого нового («всемирного», «божеского», «христианского») жизнепонимания становится и лучшее внешнее устройство общественного бытия.

(См. толстовскую концепцию «трёх жизнепониманий» в его статье «Религия и нравственность»).

Далее. Создатель утопии обычно мелочно описывает

свой идеал, но... "забывает" указать доступные и реалистичные пути к его реализации в социальной реальности.

Иначе говоря, от созданной им, даже самой великолепной, картины совершенного жизнеустройства не получается мысленно, по этапам, провести "дорожку" к наличному состоянию общества, назвать первый этап реализации идеала.

Широко известно определение социально-политической утопии, данное В. Лениным: это «такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии, — пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил».

Исторический итог попыток водворения утопии самого Ленина и его единомышленников — известен: мечтая о наилучшем строе, но продолжая врать самим себе и другим как многовековым враньём о том, что общее счастье трудящихся можно водворить «классовой борьбой» и насилием, так и враньём особенным, новомод-

ным для эпохи социалистов — атеистическим — большевизм осуществил мерзейшую и кровавейшую демонстрацию опасности моровского "знаю, как", не опирающегося на религиозную мудрость человечества.

Итак, если Толстой — лишь очередной социальный утопист, то его картина будущего — в таком же отрыве от реальности, от действительных возможностей общества, «общественных сил» (Ленин).

Так ли это?

Было бы затруднительно ответить на этот вопрос, если бы Толстой, уклонившийся от ретроспективного описания своего социального идеала не оставил бы нам *никакого* его образа. По счастью, это не так. Например, в статье 1906 г. «О значении русской революции» Толстой создаёт такой образ доброй и разумной жизни людей будущего:

«Почему, вместо того чтобы представлять себе людей неудержимо отдающимися похоти и размножающимися, как кролики, и для поддержания своих размножающихся поко-

лений устраивающими себе в городах заводы с приготовлениями химической пищи и живущими среди них без растений и животных, — почему не представить себе людей целомудренных, борющихся с своими похотями, живущих в любовном общении с соседями среди плодородных полей, садов, лесов, с прирученными сытыми друзьями-животными, только с той против теперешнего их состояния разницей, что они не признают землю ничьей отдельной собственностью, ни самих себя принадлежащими какому-либо государству, не платят никому ни податей, ни налогов и не готовятся к войне и ни с кем не воюют, а, напротив, всё больше и больше мирно общаются народы с народами. <...> Жизнь их будет совсем другою уже по одному тому, что они не будут признавать добром и необходимым условием жизни организованное насилие, не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела».

Налицо этическая антитеза: анти-идеал и идеал Толстого-христианина. Это отнюдь не

мелочно-подробная и самоуверенная картина "наилучшего жизнеустройства", характерная для утопистов, а только некоторые наброски. Ключевые слова здесь: «почему бы не представить...» То есть, Толстой настаивает, что всё будет так, а тем более не полагает такую картину "наилучшим жизнеустройством", а лишь логично выводит некоторые, наиболее вероятные, следствия единственно истинной (ненасильственной) революции: пробуждения сознания человечества к высшему пониманию жизни, имеющему своим наилучшим выражением учение Христа.

Люди соблюдают учение Христа, и потому:

— целомудренны и борются с похотями, не размножаясь больше естественно положенного природой предела и не насилуя этим природы (Уже в XX столетии учёные-естественники определили этот планетарный предел в 2 млрд. чел. Увы, но в этом же веке человечество далеко перешагнуло его... — *Р.А.*);

— воздержны в пище, в частности — не употребляют

мяса (А как иначе-то сделать друзьями зверюшек, как не перестав их жрать?);

— не воюют и общаются с соседями мирно, без конфликтов;

— очистили своё сознание от лжей, оправдывающих накопление и насильственное удержание собственности, разделение на государства, повинование правительствам и участие в войнах.

Есть ли у Толстого хоть что-то о том, как прийти к такой жизни, с чего начать?

Есть — **ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ!**

Все его религиозно-публицистические и чисто религиозные сочинения — об этом:

«Исповедь» — о личном пути к христианскому пониманию жизни.

«В чём моя вера?» — о препятствиях на этом пути для людей в виде "учения мира" и примкнувшего к нему учения церковного христианства и преодолении их;

«Исследование догматического богословия» — скрупулёзное исследование "право-

славного" учения и его отрицание, как лжеучения, враждебного христианству и паразитирующего на нём;

«Соединение и перевод четырёх евангелий» — изложение по каноническим евангелиям всего Христова учения в том виде, в каком Толстому удалось его извлечь из-под наслоений погребавшей его и разъедающей кучи мистического и суеверного сора церковных перетолкований, веками накапливавшихся дописок, искажений в текстах евангелий и т.п. В этой работе Лев Николаевич действовал, как реставратор, очищающий полотно от огромного, почти полностью скрывшего его слоя грязи. Опыта для такой работы Толстой к концу 1870-х гг. не приобрёл, так как ни библиистом, ни историком религий не был, и, возможно, где-то, восстанавливая почти или полностью утраченные смыслы Христова откровения — сделал ошибки. Так бывает и с реставратором, вынужденным от себя, "с нуля", восстанавливать штрихи и краски на участках полотна, где созданное мастером было уж во-

все безвозвратно утрачено. Но разве от этого менее ценен и прекрасен общий результат?

«Что такое религия и в чём сущность её» — об истинном содержании религиозного учения, единых истоках всех религий и невозможности человеческой жизни без веры;

«Религия и нравственность» — о неотделимости нравственной жизни от религиозного понимания жизни;

«Первая ступень» — о воздержании как исходной "ступени" на пути восхождения к религиозному и социальному идеалу...

И так далее.

Везде у Толстого — об одном: люди христианского человечества — в тупике, из которого их может вывести только преодоление влияния спекуляций церковников и учёных и обретение истинной Христовой веры. Без веры нельзя жить людям. Вера истинная есть, соответствующее разуму и современным знаниям человечества, такое отношение всякого человека к бесконечной жизни и её первоначальному — Богу, которое

связывает его временную, земную жизнь с этой бесконечностью, наделяя её безусловным смыслом и давая руководство в помыслах и поступках. Вера, в таком её определении, в идеале, может и должна быть одна, и она способна сплотить людей в братской жизни, подобной той, что описана в вышеприведённом отрывке.

А путь к ней, к этим братским соседским общинам, к друзьям-животным — лежит через совершенствование общей жизни.

Совершенствование же общей жизни достигается усилиями самосовершенствования каждого человека, чьё сознание пробуждено к христианскому пониманию жизни.

Руководит же усилиями каждого христианина — возрождённое, спасённое Львом Николаевичем для современного нам мира учение Христа в его неизвращённых силе и значении.

Например, Нагорная проповедь здесь — на важнейшем месте: в ней нет ни единого лишнего или неактуального слова. Уже в наши дни один из писавших о Толстом публицистов, О.

Дорофеев, высказал важное соображение. Толстой не напрасно и не искусственно выделяет в Нагорной проповеди Христа пять заповедей (Мф., 5, 18—48). Они «есть не что иное, как программа выживания человечества, и они потому, наверное, названы Христом малыми, что очерчивают именно программ-минимум». Это программа, направленная на совершенствование человека и общества в добре и разумности — том, что и делает людей людьми. Заповеди Христа, то есть преданное человечеству чрез Христа откровение Бога о спасении и жизни, «направлены на преодоление в людях именно тех стадо-но-государственных животных программ, которые чреватые массовыми безумиями».

(Дорофеев О.А. Ковчег Завета. Два поприща на пути к Толстому. — В кн. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. М., 2004. — С. 58, 60).

—
Это ли утопия, или утопия — отворачиваться от указанного пути спасения и надеяться, что «и так всё обойдётся»?

Полагая свои усилия в исполнении изложенной в учении Христа воли общего всем людям Отца, человек, как посланник Отца в мире, уже не может исполнять требований земной власти, идущих вразрез с учением истины. Он ещё *подчиняется* насилию власти (например, при принудительном изъятии налогов), но *не повинуется* ей, то есть не оправдывает и не освящает её саму и её дел, живёт независимо от правительств, по возможности не пользуется ими.

В свою же очередь, для того, чтобы *это* стало достижимо — человек перестаёт пользоваться прежними, ложными именами социальных реалий, скрывающими их зло и неправду, восстанавливая истинные и помогая в этом другим. Точнее: изменяются даже не сами имена, а их семантическое "наполнение".

Проще говоря, люди перестают врать друг другу и самим себе, оправдывая собственные и своих духовных и светских вождей грехи, обслуживая эту ложь поддержанием на словах и участием в ней в делах.

И это именно *то, с чего надо начать* — перестать врать и врать себе и друг другу!

Это то пробуждение сознания к новому религиозному пониманию жизни, которое Лев Николаевич подробно описывал, как свой религиозный христианский опыт, в работе «В чём моя вера?» (см. особенно вступление и гл. XII).

«Мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. То, что прежде казалось мне хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо», и т.д.

Итак, наш мысленный эксперимент окончен.

Предположив утопичность словесного "наброска" в статье Толстого «О значении русской революции», мы, однако, смогли произвести невозможную для анализа утопии работу: *восстановили, руководствуясь основными идеями самого Льва Николаевича этапы достижения обществом такого состояния, ни один из кото-*

рых не является сам по себе утопическим.

Таким образом, наименование "утопистом" Толстого и "утопией" его христианско-общественного научения о доброй и разумной человеческой жизни — не соответствует даже элементарной словарной семантике понятия "утопии" и не имеет "исконного", восходящего к книге Мора, признака утопии: подробной, системной, динамической и ретроспективной картины желанного будущего в идеальном месте, к которой создатель утопии "забывает приложить" внятной "инструкции

по осуществлению", особенно на раннем этапе.

У Толстого — всё наоборот: уверенно утверждается причина социального зла (безверие и господствующий обман), указываются необходимые *ближайшие* шаги, и... нет почти никакой, кроме самых общих "набросков", картины будущего результата предполагаемых усилий. Читателю лишь предлагается поверить: худого от следования Божьей истине ничего быть не может.

Печатается в сокращении.
<http://www.proza.ru/2015/06/04/1539>

Нужно отметить, что не все утопии, не все художественные произведения, написанные в этом классическом жанре, изображают будущее человечества, как город-фабрику, в котором всё искусственно создано и за каждым шагом человека наблюдает вмешивающееся в каждую мелочь государство. Были утопии и такие, которые описывали жизнь людей будущего на лоне природы и более свободную от опеки государства, чем сейчас; например: «Вести из ниоткуда» У. Морриса, «Гость из Альтрурии» У. Д. Хоуэллса, «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова.

В. А.

Илья Овчаренко
(Украина)

Причины войны на Украине. Какой выход?

Если вы домогаетесь своей "справедливости" и своего понимания "бóльшего блага" через насилие, с оружием в руках, то также найдутся люди, которые имеют свои понятия "справедливости" и "бóльшего блага" и будут также, по вашему примеру, действовать насилием.

А что же другого ждать? Беркут использовал силу — появился «Правый Сектор» и также использовал силу в ответ; а потом появился Крым, Донецк и Луганск, а также Россия, которые также используют силу; а потом появляется армия Украины, и тоже использует силу, а потом помощники из Крыма... и так до бесконечности, до атомной войны. Насилие порождает насилие, пример насилия порождает другой пример насилия, что мы и видим в противо-

стоянии востока и запада Украины.

Нужно чётко осознать, что всегда найдутся люди, которые имеют разные взгляды. Пример использования оружия только создает условия вечного конфликта, когда одна из сторон выжидает реванша — вечный конфликт.

Это вывод и из истории, этому обучают все мудрецы. Еще за 5 веков до н.э. Будда говорил: «Вражду не погасить враждою». Этому научает и Христос «не отвечать злом на зло».

Опомнитесь, люди! Бога вспомните. Всякое убийство — это грех, оружие на пол бросайте. Вам не нравится насилие, вы запрещаете насилие. Так сами ж, первые не делайте его, покажите пример. Кто-то вас провоцирует к насилию, не идите на его поводу — так размыкается

греховный круг.

Не повторяйте ошибок истории. Все насильственные революции заканчивались постоянной резнёй братьев с противоположных сторон, но все эти революции потерпели крах. Французская революция, коммунистическая революция. Не наступайте на те же грабли одной и той же ногой вечно. Делайте правильные выводы, что каждое насилие приводит к необходимости его использовать снова и снова, постоянно, потому что находятся люди с различными взглядами, которые перенимают насильственные методы также, а использование насилие — это начало формирования диктатуры и войны.

«Правому Сектору» не нравилась поступки «Беркута». Но «Правый Сектор» по своим методам ничем от них не отличается. Если в Донецке область оккупировали "путинцы", то украинцам будет достаточно не менять паспорта, не отдавать своих детей в школы империи и

никак не взаимодействовать с насильственной новой властью. А если люди там на самом деле хотят в РФ, хочет село или область жить отдельно от Украины, то их личное дело, хотят в Донецке люди жить отдельно — это их дело. Жизнь людей — это действительность, а территория — это фикция.

Нельзя принуждать даже одного человека, потому что это деспотизм. Выход только один: признать аморальность, жестокость и невозможность насильственных методов привести к какому-либо благу и потому не принимать участие в каких-либо силовых группировках, то ли правый сектор, то ли донецкий сектор, то ли украинская армия, милиция, а признать только закон собственной совести, закон Бога, который не позволяет убивать или принуждать ни в каких случаях.

2 мая 2014

Видео с русскими субтитрами:

<http://www.youtube.com/watch?v=HOG6d1Wybt0>

Илья Овчаренко

Как остановить войну на Украине. Единый путь к свободе!

Есть только один путь к свободе и к миру — это поступать с ближним с Любовью, перед собственной совестью, перед Богом, не думая про весь мир и возможные результаты. Это есть универсальный закон Бога, и перед ним, перед собственной сове-

стью мы несём ответ. Не меняйте собственную душу на чечевичную похлёбку видимых и ближайших благ для своего эгоизма или национального эгоизма, что, по сути, есть тождественные понятия.

Любовь — это не "пацифизм слабаков", любовь — это само-

пожертвование, она противостоит всему насильственному аппарату мирских ценностей и требует высшей храбрости. Тебя будут пытаться убивать, принуждать идти на войну или в армию, обращаться к полиции и в суд, но знание закона Любви, а потому понимание бессмысленности этих насильственных учреждений даёт негибкую волю.

Закон Любви указывает на тленность ценностей корыстолюбия. Внутренний закон нравственности указывает на братство всех людей, указывает на равенство этих людей перед Богом. Непризнание закона Бога и стремление к личному благу, личному благу своему или семье, или родины, есть желание праха, как для себя, так и для своей семьи и родины. Не признание закона Бога есть желание ярма как для себя, так и для своего народа.

Призывайте людей понять закон Любви, призывайте людей противостоять желанию во-

евать за прах, и призывайте их стремиться любить, уважать друг друга, призывайте не признавать и не принимать участия в деятельности каких-либо насильственных учреждений или групп, то ли Правый сектор, то ли Донецкий сектор, или украинская армия, или российская армия, милиция, спецназ... которые снова и снова выстраивают ярмо для собственного народа и для отдельного человека.

Насилие рождает насилие, один пример насилия порождает другой пример насилия. Если не признан закон Любви, закон Бога, и не прикладываются усилия, чтобы понять его, тогда все внешние перемены и стремления к справедливости с помощью насилия, с помощью оружия, только сменяют одних эгоистов другими. Одна диктатура заменяется другой диктатурой.

5 мая 2014

Видео с русскими субтитрами:

<http://www.youtube.com/watch?v=zKHTKeATNWE>.

Вероисповедание и сознательный отказ от военной службы

Елена Попова из организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга» регулярно записывает передачи из цикла «Имеем право», о сознательном отказе от службы в армии и праве граждан России на альтернативную службу.

Елена: Добрый вечер, дорогие друзья! Сегодняшний выпуск — это очередная передача из сезона **«Многообразие мотивов сознательного отказа от военной службы»**. Сегодня мы будем говорить о вероисповедании и сознательном отказе от военной службы.

Очевидно, что можно наблюдать несколько таких религиозных сообществ, которые последовательно декларируют пацифистские принципы, принципы неподдержки любых военных действий и вполне однозначно выражают свое отношение к армии и к военной служ-

бе. Преимущественно, это протестанты: молокане, меннониты, духоборы, квакеры, баптисты, адвентисты седьмого дня и другие. Несомненным лидером по количественному именно показателю сознательного отказа от военной службы, можно назвать Свидетелей Иеговы. Никого не хочу обидеть, никакую конфессию, — но именно Свидетели Иеговы отличаются такой последовательностью, стойкостью принципов по отношению к службе в армии. И для всех этих направлений две христианских заповеди: «не убий» и «не клянись» стали основными, на которых выстроена их концепция неучастия в военных действиях, не-служба в армии.

Отдельно можно выделить, как некое направление в вероисповедании, последователей Льва Николаевича Толстого. Тех, кто следовал или следуют принципам христианства без участия церкви в этом процессе. Тех, кто понимают Евангелие и христианское учение в том же ключе, в каком его понимал Лев Николаевич Толстой. Стоят на тех же принципах ненасилия,

несоучастия в насилии. Причем часто сами себя люди таким словом «толстовцы» не называют. Тот же Дрожжин, XIX века учитель, который отказался служить в армии, говорил, что я — не толстовец, я Дрожжин, я сам по себе, хотя был очень близок к этому.

Итак, для этого вот направления характерно неприятие официальной церкви, в связи с тем что «священники благословляют пушки», как писал Толстой в одной из своих поздних работ. «Благословляют пушки», то есть фактически освящают войну, оправдывают или даже подводят под это некую богословскую базу, оправдание, даже этику своеобразную. Это можно наблюдать и сегодня со стороны Российской Православной Церкви, когда вот этот пафос, как они называют «положить жизнь за други своя», становится основным и заслоняет основополагающую заповедь «не убий». Хотя, конечно, и тут, среди адептов и сторонников РПЦ бывают очень приятные неожиданности, всё же на самом деле от человека зависит, а не от генеральной

линии партии.

Часто употребляют для обозначения религиозного сообщества слово «секта». Собственно говоря, слово «секта» само по себе означает «часть»: сектор — часть круга. Но, благодаря усилиям приближенных к государству представителей полуофициальной религии, слово «секта» сегодня имеет негативный оттенок, и поэтому я не употребляла бы это слово сегодня.

Путь отказа от военной службы для представителей различных вероисповеданий был непростым, подчас трагическим, путь часто шел через тюрьму, через ссылку, через каторгу, через мученичество, через смерть, иногда такие объединения религиозных отказчиков от военной службы добивались признания права за собой со стороны государства, признания права не соучаствовать в таком институте как армия. Такое тоже было, с XVIII века. На сегодня есть целые исследования о религиозном пацифизме. Надо сказать, что эти исследования на русском языке появились достаточно поздно. Только в середине 1990-х годов Акаде-

мия наук выпустила сборники научных статей по теме история пацифистских учений, в том числе религиозного пацифизма. В электронной библиотеке Якова Кротова можно с помощью предметного указателя легко их найти.

У людей есть такой стереотип, что христианство — это миротворческая религия, а ислам — немиротворческая религия, что они противоположна. Понятно, что это — мифы, потому что мы видим, что сегодняшнюю «христианскую» РПЦ, трудно назвать миролюбивой. Вспоминаю сейчас, есть замечательная книга Джозефа Хеллера «Уловка-22». Там есть такой персонаж замечательный, имеющий непосредственное отношение к нашей с вами теме, это — капеллан, полковой священник, у летчиков Второй мировой войны. И командование зовет этого капеллана и приказывает молиться о скученности бомбометания. Но он говорит, что я не могу произносить такую молитву «о скученности бомбометания». Вот. Так я думаю, что если бы на месте этого персонажа оказался представи-

тель Российской Православной Церкви, то он бы не только выполнил приказ, но даже не дожидался этого приказа, а вполне молился бы «о скупенности бомбометания» сам.

И еще такой момент. Я несколько раз общалась с ребятами, которые заявляют об отказе от военной службы по вероисповеданию и говорят о том, что этот отказ связан не только с вероисповеданием, но и с личным восприятием мира. То есть мотивы отказа от военной службы у одного человека могут быть такими многосторонними, комплексными. Это может быть и то, что касается непосредственно вероисповедания, и то, что непосредственно с вероисповеданием не связано. Например, такой молодой человек Родион — он, к сожалению, не смог принять участия в передаче — он является почитателем бога Вишну, или Кришны, как его называют. Но он в своем заявлении писал не только о своем религиозном мировоззрении, связанном с ненасилием, но и о том, как он относится в принципе к институту армии как подавления личности, как к

бесмысленному институту.

Итак, сегодня участники нашей передачи — это молодые люди, которые декларируют свой отказ соучаствовать в армии и выражают свои антивоенные, антиармейские и анти-милитаристские воззрения открыто.

И я, пожалуй, начну с **Ильдара**. Ильдар в Набережных Челнах, Татарстан, уже такой опытный боец с милитаризмом. Но я сейчас дам Ильдару слово не для того, чтобы он рассказал, как он воевал с военкоматом, а для того, чтобы Ильдар рассказал, что побудило его. Ильдар, расскажи людям, с чем связан твой отказ от участия в армейской службе? Как это связано с твоим вероисповеданием?

— Ну, я мусульманин, вот. Я читаю Коран и вижу то, что я не могу принимать присягу. Я не могу участвовать в войне, убивать людей. То есть в исламе это можно только в целях защиты, когда уже всё, когда крайняя мера и только если против тебя только из-за религии, из-за того, что ты веришь в Бога, тебя хотят убить, твоей семье угрожают, только в этих целях ты

можешь защищаться. Во всех остальных я не могу убивать людей. И принимать присягу — это первый вопрос для меня, то есть я буду давать клятву, что я буду подчиняться и выполнять все приказы, заведомо не зная, что за приказы будут мне даваться. Все, все свои жизненные выборы я должен делать согласно Корану. По справедливости. То есть я должен все взвешивать, потому что я верю в то, что я буду отвечать за все свои поступки перед Господом после смерти. Вот. Вот это как бы моя главная причина отказа. Могу зачитать из Корана аяты. (...)

Здесь говорится о том, то, что таким неверным людям нельзя подчиняться, но это не

значит то, что по отношению всех неверующих нужно относиться враждебно. Так же есть аят, где говорится, если они против вас не воюют, сдерживают свои договоры с вами, то вы должны так же с ними мирно жить. Вот.

Вся проблема заключается в том, что люди просто чувствуют безответственность какую-то. Не верят в то, что они будут отвечать. Они гонятся за богатством, за званиями. Не думают о том, а что будет. Только о себе, только из-за своих, а у меня нет такого права, потому что там: «Ой, извините, мы по ошибке убили там кого-то. Простите, мы не знали, мы ошиблись». У меня нет такого права. Для меня после этого просто дорога в рай закрыта.

— Ильдар, я хотела спросить Вас. Вы встали на этот путь отказа от участия в военной службе, несмотря на то, что много людей, исповедующих ислам в Татарстане, и я думаю, что этот открытый путь отказа от военной службы пока что не самый распространенный. Скажите, пожалуйста, Вы ощущаете какую-то поддержку со стороны

Вероисповедание и сознательный отказ

семьи, когда Вы встали на этот путь?

— Да, да. Семья меня поддерживает. Без семьи я, наверное, не смог бы. Им спасибо. Мы все одного мнения, мы все мусульмане, все одной религии.

— Тогда Вам гораздо легче. Вы идете всей такой командой. Спасибо большое.

И вот сейчас я хочу дать слово **Павлу**. Сейчас уже Павел не призывного возраста. Эта стадия в его жизни миновала, но в свое время в Краснодарском крае он занял позицию: Я не пойду в армию. Да? Что Вами руководило? Какие чувства, мысли? Я так понимаю, что Вы воспринимали христианские тексты через Толстого.

— Да. Это, на самом деле, очень долгая история. И Вы сказали, что я не призывной. На самом деле я еще призывного, но я аспирант, поэтому... Все началось, наверное, еще в детстве. Мне всегда была противна идея о том, что кто-то имеет право приказывать другому человеку что-то делать. Мне как-то всегда это казалось ненормальным. И поэтому у меня вот какое-то такое неприятие армии

было еще тогда. Но это скорее,

с каким-то индивидуализмом связано. Где-то лет в 12 я познакомился не с учением, но, по крайней мере, с жизнью Махатмы Ганди. Это был известный индийский деятель, и религиозный тоже. И меня очень поразила эта идея сопротивление злу силой духа, когда человек, не заражаясь насилием, любовью сопротивляется злу. И эта идея мне тогда очень понравилась, она мне показалась способной изменить мир, изменить вообще все то, что творится, в том числе и в нашей стране. Потому что мы тогда, если помните, жили в постоянном страхе того, что кого-то могут отправить в Чечню. Начало нового века. Я тогда еще был непризывным

товарищем, но, тем не менее, под этот аккомпанемент прошло наше детство. Следующий этап был связан с Толстым. Надо сказать, что до этого времени, в лет 15, когда я познакомился с Толстым по-настоящему, я прочитал его роман «Воскресение» и потом очень сильно заинтересовался. Я был достаточно поверхностно знаком с христианскими идеями, и вообще с религией. Я считал, что религия, в основном, — это вера в какие-то догмы, какие-то суеверия и тому подобное. Но вот Толстой... я помню, что впервые познакомился с его работами по этому поводу из текстов, которые были опубликованы на сайте Библиотека «Вне насилия». Недавно вот у вас был один из ее... не основателей, но руководителей. Там был один замечательный текст «Не убий никого». Это статья Толстого. И вот тогда в ней я в первый раз понял, что христианство вообще может значить совсем не то, что нам преподносят с кафедры. И надо сказать, что тогда я, как бы, не знаю, не обратился, конечно, но, по крайней мере, начал тогда более

внимательно относиться к христианству и вообще к другим религиям. Меня всегда интересовало и христианство, и буддизм. В принципе, буддизм — тоже религия, в которой, на протяжении многих лет, практиковался отказ от армии. Насколько я знаю, в Таиланде есть альтернатива: либо человек идет в армию, либо он идет в монастырь и там обучается разным практикам. Ну вот. Поэтому сейчас я считаю, что моя религия... я не могу назвать, что это христианство, может быть, христиане будут со мной спорить, потому что, во-первых, пацифистски понимает христианство далеко не каждый. Но, кроме того, я и многие догмы в христианстве тоже не принимаю. Я не принимаю веры в Троицу или Воскресение, поэтому христианство ли это? — мы оставим за скобками. Я хочу сказать, что это мои убеждения. Я считаю, что высшим благом людей является любовь между ними, и поэтому они должны всегда стремиться к тому, чтобы увеличивать эту любовь и, конечно, первым шагом на этом пути является отказ от того, что

Вероисповедание и сознательный отказ

незнакомые люди, которые даже не сделали друг другу никакого зла, начинают стремиться убивать друг друга, и мы видели на протяжении всей нашей истории все эти ужасы, когда мы оказались среди непрерывных войн. Сначала Афганистан, Чечня, Грузия, теперь Украина...

Конечно, более глубже это имеет отношение и к повседневной жизни, когда кто-то нас оскорбляет, мы стараемся не отвечать ему оскорблением на оскорбление, а наоборот, прощать и, в то же время, проявлять твердость в своих каких-то моральных убеждениях и твердо высказывать свою позицию по какому-нибудь вопросу.

— Спасибо. А скажите, Павел, у вас есть некое сообщество молодых людей: вот Илья, Вы, Тимур Бейсембаев, он у нас был, по-моему, в одной из передач. Он живет в Казахстане, Илья в Украине, Вы гражданин Российской Федерации, и сейчас где-то учитесь?

— Да, я сейчас учусь, в Германии нахожусь.

— Объединяющее таких из разных уголков земного шара. У вас есть некое сообщество? Что вас объединяет?

— Мы познакомились все в группе «Лев Толстой» «В Контакте». То есть нас объединил именно интерес ко Льву Толстому. Почти год назад, это в марте было, мы все втроем уже участвовали в Вашей программе. Из множества людей, которые там принимали участие во всех обсуждениях, мы как-то втроем выкристаллизовались...

— А вы виделись когда-нибудь в оффлайне?

— Мы с Ильей как-то виделись раз в Киеве. Была конференция там, где мы как раз встретились. С Тимуром, к сожалению, пока что еще не виделись.

— А в Ясной Поляне были?

— Мы как раз хотели туда съездить, но пока не были.

— Спасибо большое.

Ну что ж, тогда слово **Илье**. Илья, расскажите немножко о своих взглядах, почему Вы противник военной службы?

— Мои мировоззрения, которые подталкивают к тому, что ни в коем случае нельзя брать оружие, ни в коем случае нельзя участвовать ни в каких военных, силовых структурах, в армии. Я считаю, что само мироздание, оно не бессмысленно. Это не хаотичное движение, какие-то механические процессы. Я думаю, что есть некоторый смысл, для чего мы живем, и что это мироздание подталкивает людей к взаимопониманию и большей гармонией между собой. Мы, как частные проявления этого мироздания, можем этому сопутствовать, а можем идти вопреки этому. Но тогда

нас ждет страдание, войны. Если мы поставим всеобщим законом эгоизм, то ни к чему хорошему это не приведет.

— Илья, скажите, насколько я знаю, Вы как-то пытаетесь продвигать эти идеи антимилитаристские, идеи отказа от военной службы. Да?

— Первая задача, я думаю, это изменять себя, пытаться понять, что такое добро и зло. То есть это первейшая задача перед каждым, кто хочет как-то влиять на этот мир. Ну, а вторая задача, как следствие, это пытаться обратиться к людям. У меня есть такие, пока не очень активные, но постепенные... я высказываю свои взгляды по этому поводу. В частности, что вот сейчас на Украине творится. Я пытаюсь сказать, чтоб люди не шли воевать, что, инстинкт самосохранения не может быть целью жизни, что даже если есть какая-то угроза, мы не должны преступными действиями защищать свои семьи. Любый, кому вы скажите: хотите ли вы защищать свою семью, убивая, случайно, мирных жителей? — никто, я думаю, не согласится. Если прямо сказать,

что это убийство, все говорят, что это случайно, что не специально. В интернете, на ютубе есть канал, называется OnlyLawOfLove (только закон любви). Я пытался обращаться к солдатам на Украине, к Яценюку и к Авакову. Конечно, это больше такой... может быть, его никто и не увидит, но попытки выложить я делаю.

— Ну, и в связи с Украиной, я хотела буквально несколько слов сказать. У нас сейчас появилась такая инициативная группа ребят, которые говорят, что ужас в том, что, фактически, сегодня идет война в Украине и фактически так или иначе Россия поддерживает эту одну сторону. И сегодня говорить о том, что там только одна или только другая сторона... И в связи с этим появилась такая инициатива: напоминать людям, потому что многие в России сегодня живут и так немножечко делают вид, что этого как бы не происходит. Напоминать о том, что ежедневно, постоянно продолжается война в Украине. В 7 часов вечера люди зажигают свечи. Такая бессрочная акция, у нас в группе «В Контакте»

есть, «Огни Эйрены». Эйрена — богиня мира в Древней Греции. Эта акция стартовала первого января 2015 года. Просто до какого-то времени казалось, что это безумие вот-вот прекратится, что оно вот-вот, вот-вот. А потом стало понятно, что, к сожалению, нет. И есть риск, что оно будет развиваться и дальше. Мы сегодня видим по Мариуполю. И тогда возникла мысль напоминать людям. Что мы можем сделать? — мы можем не идти в армию. А что мы еще можем делать? Мы можем... У нас нет каких-то каналов, ресурсов, телевидения, где мы людям что-то могли бы говорить. Мы можем зажигать первую неделю каждый день одну свечку. Вторую неделю каждый день две свечи, а третью неделю — три свечи. И так семь недель, до семи свечей доходим, и дальше стартуем по кругу, выставляя на окошко эти свечки.

Читает: «Напоминая о том, что мы помним, что там идет война и что мы не делаем вид, что все «хокей» и мы ни при чем. И мы призываем и остальных делать это, чтобы мы виде-

ли, что если здесь горит огонь и что если в каком-то другом окне горит огонь, то людям не плевать. Что люди помнят об этом и что не слушают вранье ни одного канала, ни другого канала и не вдохновляются энтузиазмом по поводу «праведной» войны и все такое прочее».

Ну что ж, друзья мои... Спасибо огромное, Ильдар, Павел, Илья, спасибо за участие. И мы тогда завершаем нашу передачу словами отказчика от военной службы, одного из основателей Европейского Бюро по Сознательному Отказу от военной службы, **Герда Гройне**, мы всегда так делаем:

«Отказчики — это люди, которые смотрят на жизнь иначе. Они не хотят быть винтиком в бесполезном и опасном механизме, который многие считают преступным. Поэтому мы ввели статью о сознательном отказе от военной службы в международное законодательство. Это значит, что если у вас есть совесть, то вы должны подчиняться ей, своей совести, а не государству, идеологии или еще чему-либо. Это совсем новая веха истории человечества. Я надеюсь, вашими стараниями наша инициатива получит продолжение, потому что не так все просто, но если вы делаете это, то никогда нельзя сдаваться!»

Видео: <https://www.youtube.com/watch?t=9&v=EUoyKdNZyR4>
(с некоторыми сокращениями)

В начале 2014 года была сделана первая передача, в которой современные единомышленники Л. Н. Толстого: Павел Ефремов (Россия), Илья Овчаренко (Украина) и Тимур Бейсембаев (Казахстан) подробно рассказывали о своем отношении к службе в армии. И мы хотели поместить в нашем Альманахе именно ее. Но эта видеозапись нам сейчас недоступна, потому размещаем более позднюю передачу, сделанную 24 января 2015 года, с участием только Павла и Ильи, а также заметку Тимура со страницы «В Контакте».

Тимур Бейсембаев

Мой отказ от службы в армии

Сегодня я отказался от службы в армии. Явившись по месту призыва в повестке, без необходимых для медицинского осмотра результатов анализа, я первым делом направился к начальнику отдела обороны района, и отдал мое заявление с отказом от воинской службы по религиозным (христианским) и нравственным убеждениям. Смутившись, начальник все же попросил меня пройти медицинский осмотр формальности ради, добавив при этом, что заявление будет подшито к моему делу и будет играть важную роль при всех дальнейших решениях комиссии.

Получив на руки дело с добавленным к нему заявлением, я начал обход врачей, особое внимание на заявление я постарался обратить психолога и психотерапевта, они сразу же поставили мне самую низкую

степень пригодности, причем отнеслись к такому делу с пониманием. Не проходя остальных врачей, я пошел к терапевту, сказать, что пришел без результатов анализов и медицинской карты, причину указал в моем заявлении. Прочитав его, терапевт все-таки послушала мои легкие, заметив, что на мне нет нательного крестика, спросила:

— Как же ты, пишешь, что христианин, а даже креста не носишь? Христианин никогда крест не снимет!

— Мой крест, я ношу в своем сердце, — таков был мой ответ.

Не согласившись, меня отправили за двери, продолжая изучать мое дело. Не раз за время ожидания, терапевт выходила из кабинета и обходила то врачей (к которым я еще не заходил), то начальников — военных. Через некоторое время, позвав меня в кабинет, сообщи-

ВОКРУГ Л. Н. ТОЛСТОГО. СОВРЕМЕННОСТЬ

ли, что к призыву я не допускаюсь, проходить остальных врачей не нужно, анализы не нужны, можете быть свободны.

Выходя из здания, сплошь расклеенного плакатами военной техники и девизом «Долг, честь, обязанность!», на свежий и сырой воздух, меня не покидали мысли, что не боясь понести наказания, разум всё-таки переборол страх животной природы и окружающего непонимания, переборол глупую стеснительность. Теперь, друг,

читающий мой небольшой рассказ, ты знаешь, что на одного человека, могущего по приказу заставить пустить пулю в твое сердце, стало меньше.

Матф.17:20 Ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного.

24 октября 2013

<https://vk.com/tolstovstvo>

А. С. Пругавин

Сютаевцы

В сочинении «Так что же нам делать?» Л. Н. Толстой писал: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мирозерцание. Люди эти были не русские поэты, ученые, проповедники, — это были два живущие теперь замечательные человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, — крестьяне Сютаев и Бондарев». Поэтому нам хотелось бы подробнее познакомить наших читателей с жизнью и взглядами этих двух замечательных людей.

I

Газетные известия

В 1880 году газетами, со слов «Тверского Вестника», было передано известие о появлении в Новоторжском уезде новой религиозной секты, названной «сютаевскою» по имени основателя ее, крестьянина деревни Шевелина, Василья Кириллова Сютаева.

Известие это сразу обратило на себя внимание всех интересующихся движениями народ-

ной мысли, так как новая секта, судя по сообщению местной газеты, захватывала не одну только религиозную сторону, но в то же время представляла весьма значительный интерес и в чисто-бытовом, социальном отношении.

В области религии новые сектанты, по сообщению «Тверского Вестника», являются рационалистами: они отрицают церкви, иконы, таинства, не

признают православных обрядов, священников и т. д. В бытовом же отношении наиболее характерными чертами учения сютаевцев представляются их взгляды на собственность, на войны, а также их отношение к другим народностям и вероисповеданиям.

Усвоив себе евангельскую точку зрения на собственность, сютаевцы говорят: «у человека нет ничего своего, а все Божие, все создано Богом для всех вообще». Руководствуясь этим убеждением, они не запирают даже своего имущества и всякий имеет право взять, что пожелает, не спрашивая позволе-

ния того, кому это принадлежит; они не отказывают ближнему в помощи, требуя только того же по отношению и к себе.

Всех людей сютаевцы признают братьями: турок, язычник — для них также брат. Война, по их мнению, величайшая несправедливость, грех против заповеди «не убей».

Наряду с этими, хотя и краткими, но все-таки вполне правдоподобными, сведениями в статье местной газеты приводились относительно новой секты такие данные, которые невольно заставляли усомниться в справедливости сообщаемых ею фактов. Так, между прочим, сообщалось, что последователи новой секты отрицают будто бы Евангелие и что единственные книги, которые они читают и которым они верят, это — книги Тихона Задонского и Катехизис митрополита Филарета. Между тем в этой же самой статье говорится, что «сютаевцы стараются уложить свою жизнь в нравственные рамки Св. Евангелия» и что они почти наизусть знают переведенное на русский язык Евангелие, постоянно цитируют его и толкуют. Такое

резкое, грубое противоречие не могло не поражать читателя и невольно заставляло каждого с недоверием отнестись и к остальным частям сообщения.

Спустя два-три месяца после появления в печати статьи «Тверского Вестника», в одной из петербургских газет («Молва» № 245) была помещена корреспонденция из Торжка, в которой сообщено было несколько новых фактов о жизни и учении сютяевцев. Именно сообщалось там, что в 1876 году, по доносу местного священника, возникло дело по обвинению сектанта крестьянина Василья Сютяева в том, что он отказывается крестить своего внука. На допросе Сютяев показал, что не крестит внука потому, что в Писании сказано: «Покайтесь и пусть крестится каждый из вас», а ребенок каяться еще не может.

Окружный суд, в который поступило дело, нашел, что Сютяев не подлежит уголовной ответственности (по 1004 ст. уст. угол. суд.), а только назиданию и увещанию со стороны духовного начальства. Но в 1877 году тот же местный священник делает новый донос по-

лиции, в котором пишет, что Сютяев распространяет свою ересь, и что секта эта — «не евангелисты, а социалисты», которые не признают властей.

Началось новое следствие, при чем оказалось, что семья Сютяева прежде была дурного поведения и пьянствовала, а теперь направилась к добру, что в доме у него и других службах нет никаких запоров, а имущество остается в сохранности и соседи уважают его за то, что он старается помочь каждому бедному. Один из последователей Сютяева, отставной солдат К.*), рассказывал о себе, что прежде был он торговцем-кулаком, при чем не считал грехом обвесить и обмануть покупателей; но, как только из чтения Евангелия познал Бога и истину, бросил торговлю и занялся хлебопашеством, в котором нет греха. «В раскол его никто не совращал, но по случаю отказа священника крестить младенца сам крестил его,

*) Здесь, очевидно, ошибка: солдата, о котором идет речь в корреспонденции, зовут Сергеем Матвеевым Луневым.

а после такого же отказа в похоронах сам похоронил свое дитя. От церкви отстал потому, что там — стяжание, а не любовь».

Вот и все, что появилось до сих пор в печати относительно новой секты. Но как ни отрывочны эти сведения, тем не менее они вместе достаточны для того, чтобы заинтересовать но-

вою сектой каждого, кого только занимают вопросы о том, что всего более волнует и мучит современную нам народную мысль, о чем страдает, о чем болеет народное чувство в переживаемую нами тяжелую, трудную пору...

II

На пути к сектантам

16-го мая я приехал в Тверь. Здесь первый визит — к известному знатоку местных условий края, В. И. Покровскому. С самою любезною готовностью сообщил он мне все, имевшиеся в его распоряжении, сведения и данные о местности, где возникла новая секта, и о тех условиях, среди которых живет тамошнее население*).

По отношению к сютаявцам

*) Считаю при этом своим нравственным долгом гласно выразить признательность за оказанное мне содействие в моих исследованиях г. губернатору Афан. Ник. Сомову, В. И. Покровскому, В. Н. Линде и барону фон-Мирбах.

меня прежде всего интересовал вопрос о том, насколько было самостоятельно возникновение новой секты и не имели ли при этом место какие-нибудь посторонние, случайные влияния, а также не играли ли при этом какой-нибудь роли существующие в крае разные раскольничьи учения и толки. О последних я думал найти хотя какие-нибудь сведения и указания в «Трудах» местного статистического комитета, но, к сожалению, совершенно ошибся в своих расчетах, так как в изданиях комитета не нашлось решительно никаких данных по этому вопросу, за исключением обыч-

ных ведомостей о числе раскольников. Тверской статистический комитет, руководимый г. Покровским, сделал весьма много для серьезной разработки вопросов, относящихся до экономического положения края и отчасти его истории, но до сих пор оставлял в стороне исследование местного раскола.

Производивший следствие о сютяевской секте следователь по особо важным делам, г. Губченко, в разговоре с нами, высказал предположение о возможности влияния штундистов и пашковцев на возникновение новой секты.

«Жители деревни Шевелина, — говорил г. Губченко, — по ремеслу каменщики; ежегодно они уходят на заработка в разные концы России, между прочим бывают и в Киеве, а, бывая там, они легко могли встретиться со штундистами и заимствовать от них главные основания их учения... Затем они бывают в Петербурге, знают о Пашкове... Пашковцы не раз присылали в Тверь разные книжки для передачи сютяевцам».

Из всего, что говорил мне г. Губченко о новых сектантах,

было ясно, что у него сохранилось доброе, хорошее воспоминание о Сютяеве и его ближайших последователях. Все, что он рассказывал мне о жизни этих людей, — все это рисовало их в самом привлекательном свете. Мне казалось даже, что он чересчур увлекался и заметно идеализировал сютяевцев. Передаю кое-что из его рассказов.

— Во время своих приездов в Торжок, я обыкновенно останавливался у одной мещанки, шапошницы (бедная, пожилая баба, которая живет шитьем шапок). Как-то раз она, в присутствии Сютяева, пожаловалась на свое одиночество, на бедность, на то, что у ней нет никого, кто бы помог ей... «Вот теперь крыша течет, поправить надо, а тесу нет и купить не на что». В первый же базарный день после этого разговора у ее ворот останавливается воз с тесом: это Сютяев привез, сложил доски во дворе и, не говоря ни слова, уехал домой. Хозяйка в недоумении... Встречает она как-то Сютяева и говорит ему: «Чего это ты тес-то привез? Нешто я тебя просила? У меня

денег нет тебе платить». — «А зачем мне деньги? — говорит тот. — Мне денег не нужно, для меня их хоть во век не будь». — «Да как же без денег-то? Чем я заплачу тебе? Ведь не даром же ты привез мне свой лес». — «Зачем даром... Когда мне шапка понадобится, ты мне тапку сделаешь, ведь ты — мастерица на это... Вот тебе и плата!»

— Сютаев не запирает своих амбаров: и днем, и ночью у него все открыто. Этим воспользовались соседние мужики, приехали тихонько на нескольких подводах, вошли в амбар и давай нагружать телеги мешками с хлебом. Живо весь амбар очистили, и хотели уже ехать, но вдруг откуда ни возьмись Сютаев.

— Что-жь он?

— Он входит в амбар, а там всего-на-все один мешок лежит, берет этот мешок на спину, выносит из амбара и кладет на телегу. — «Коли вам нужда, берите, Бог с вами! — Мужики взяли, уехали, а на другой день снова приехали, привезли хлеб обратно, говорят: «мы раздумали», и Христом-Богом просили Сютаева принять от них назад

его хлеб.

— А каких лет Сютаев?

— Вероятно, около 55 лет, но он хорошо сохранился и выглядит моложе.

— Большая семья у него?

— Да, у него несколько сыновей и дочь, красавица в полном смысле этого слова. Сыновья женаты, имеют детей. Один из них, Дмитрий, самый упорный из всех; это, можно сказать, фанатик до мозга костей.

— Есть ли последователи у Сютаева?

— О, конечно, и число их постоянно растет. Я не могу определить вполне точной цифры его последователей, но думаю, что теперь их не менее тысячи человек.

В числе сведений, полученных мною в Твери, были между прочим и официальные данные о числе сектантов Тверской губернии. По этим сведениям «раскольники разных сект» следующим образом распределяются по городам и уездам Тверской губернии:

В городе Корчеве — 2 чел. (1 муж. и 1 жен.), заштатном г. Красном-Холме — 32 чел. (7 муж. и 25 жен.), Твери —

44 чел. (21 муж. и 23 жен.), Весьегонске — 44 чел. (13 муж. и 31 жен.), Вышнем-Волочке — 56 чел. (26 муж. и 30 жен.), Кашине — 56 чел. (7 муж. и 49 жен.), посаде Погорелое-Городище — 81 чел. (30 муж. и 51 жен.), Торжке — 787 чел. (310 муж. и 427 жен.), Ржеве — 13.159 чел. (6.259 муж. и 6.900 жен.).

В остальных городах нет ни одного «раскольника», — так по крайней мере стараются уверить нас официальные данные... А вот распределение сектантов по уездам:

В Осташковском уезде — 1 чел. (какая, подумаешь, точность!), Старицком — 59 чел. (30 муж. и 29 жен.), Тверском — 68 чел. (32 муж. и 36 жен.), Кашинском — 128 чел. (30 муж. и 98 жен.), Зубцовском — 161 чел. (63 муж. и 98 жен.), Бежецком — 190 чел. (42 муж. и 148 жен.), Корчевском — 234 чел. (74 муж. и 160 жен.), Ржевском — 342 чел. (158 муж. и 184 жен.), Вышневолоцком — 583 чел. (245 муж. и 338 жен.), Калязинском — 677 чел. (235 муж. и 442 жен.), Новоторжском — 775 чел. (330 муж. и 445 жен.),

Весьегонском — 1234 чел. (277 муж. и 957 жен.).

Кроме раскольников в официальных сведениях значатся еще единоверцы: в Твери — 277 чел., в Ржеве — 905 чел. и в Торжке — 2.194 человека. В уездах единоверцев нет. Сведения эти заимствованы мною из данных тверского губернского статистического комитета; но сам комитет не производит счислений раскольников, — он получает эти сведения готовыми от местной духовной консистории, которая, в свою очередь, основывается на донесениях благочинных, а эти последние на донесениях приходских священников. Добытые таким путем сведения входят и во всеподданнейшие отчеты губернаторов и доставляются в синод и во все высшие правительственные инстанции.

Когда я потом в уездах показывал эти сведения исправникам, становым, земцам и другим обывателям, — все они в один голос смеялись над этою статистикой.

— Семьсот семьдесят пять человек раскольников во всем уезде, — говорили они. — По-

милуйте! Да у нас в одном селе Б. вдвое больше раскольников.

Получивши необходимые предварительные сведения и сделавши некоторые официальные визиты, я выехал в Торжок.

Моими соседями по вагону оказались какие-то — не то мелкие провинциальные купцы, не то богатые торгующее крестьяне. Они, очевидно, продолжали прерванный разговор.

— Недавно здесь по близости, — рассказывал один из них, — в селе Ильинском, какой случай был. Приходит мужик к священнику и просит повенчать.

«Десять рублей!» — Начинают торговаться. — «Ну, так и быть, говорит, возьму пять, а меньше — ни копейки». Мужик дает три, — бедный мужиченко, бобыль, — но поп не соглашается. Долго он водил мужика; тот не сдается, не прибавляет, — известно, не из чего прибавить-то: сам гол как сокол. Ну, хорошо, проходит этак с неделю времени. Видит поп, что мужик не в силах дать больше трешницы, соглашается венчать. Ладно, хорошо; начинает венчать. Обвел раз вокруг налоя

и довольно. Жених и говорит: «Батюшка, кажись, ведь три раза кругом-то обводят, а не один». — «Это за три-то рубля, говорит, три раза?.. Нет, брат, шалишь, довольно с тебя и одного». Видит опять жених, что поп венцов не возлагает, и говорит: «Батюшка, как же это вы без венцов-то нас венчаете?» — «Это за три-то рубля, говорит, с венцами? Шалишь, брат, — хорошо и так». Так и повенчал и вина испить не дал. Тот было сунулся: «Батюшка, позвольте винца-то?» А тот на него: «это за три-то рубля винца? Ишь ты ловок! Нет, брат, шалишь». Так и не дал ничего.

Слушатели неодобрительно качали головами, приговаривая: «Ая-я-я-я! Вот так батюшка!..»

— Тем дело и кончилось?

— Тем было и кончилось, да барыня про это узнала, — помещица Сверчкова здесь живет, — донесла по начальству. Теперь следствие идет, судебным порядком.

— Нет, у нас в Никольском поп — ничего, — заговорил другой спутник, напоминавший по типу московского мясника, — не больно жмет... Самолюби-

ем этим почитай что не занимается, только...

— А что?

— Рассказчик зажмурил глаза и отчаянно закрутил головой.

— Зашибает, стало быть?

— То есть в лучшем виде!.. И уж запой у него! Этакого злющего запоя я отродясь не видел. И во хмелю — страсть! Чуть напьется, сейчас в драку лезет, а не то штуку какую ни на есть произведет... Намеднясь ночью только легли спать, вдруг тревога: на колокольне набат ударили» Все село высыпало от мала до велика, — думали пожар. Глядим — ни дыму, ни огня нигде не видать... Что за притча такая?.. А колокол гудит... Побежали на колокольню; смотрим, а там батюшка, в одной рубахе да подштаниках, дует что есть мочи. — «Батюшка, говорим, что случилось?» — «Я, говорит, с женой подрался».

В вагоне смеялись.

— Дивлюсь я, — в раздумья говорил один из спутников, — куда это наука-то девается? Ведь, кажись, учат их, учат, а они — во!..

От священников разговор

перешел на раскол. Я спросил о сютаевцах, не слышали ли, мол.

— Как же, было слышно... Сказывали люди, что на Поведи новая вера явилась...

Но никто из моих спутников не знал даже приблизительно, в чем собственно состояло ученье новой секты. Один говорил, что новые сектанты не имеют браков, не венчают, «живут сплошь», не разбирая, жена ли, сноха ли, невестка ли, — для них, мол, все единственно. Другой уверял, что Сютаев избрал себе двенадцать апостолов, которые всюду сопровождают его и с которыми он никогда не расстается.

К вечеру мы приехали в Торжок. Расспрашивая здесь о новой секте, я узнал, что в местном присутствии по крестьянским делам производится какое-то дело, имеющее связь с появлением новой секты. По справкам, наведенным мною, оказалось следующее.

Старшина Поведской (бывшей Шевковской) волости, Павел Елисеев, вошел в уездное присутствие 29 апреля 1881 года с рапортом за № 664 такого содержания:

«Сельским обществом крестьян деревни Удальцова (передаю с буквальной точностью) избран в должность сельского старосты крестьянин Илья Иванов, не признающий христианской веры, а придерживается под названием какой-то сютаяевской. Жена Иванова, Авдотья Андреева, заявила, что муж ее обращается с нею жестоко, а равно и с дочерью, из-за того именно, что они не веруют по его обряду. Иванов переколол все находящиеся в его доме иконы, о нем мною и сообщено полиции. В виду неблагонадежности со стороны избранного сельского старосты, Ильи Иванова, к исправлению им служебных обязанностей, имею честь покорнейше просить уездное присутствие о разрешении уволить его от должности».

Уездное присутствие поручило исправнику проверить донесение волостного старшины. Вследствие этого исправник, отношением от 17 мая за № 1223, уведомил присутствие, что, — как оказалось по дознанию, — в доме удальцовского сельского старосты Ильи Иванова действительно переколоты

образа, а потому, находя его «неблагонадежным», исправник просил присутствие — сельского старосту Иванова немедленно уволить от должности. Присутствие, как я слышал, сделало уже распоряжение в этом смысле.

Далее я узнал в Торжке, что здесь в прошлом году родной сын Сютаяева, Иван, призывался к отбытию воинской повинности и что при этом произошел какой-то скандал. Местный воинский начальник до сих пор отлично помнит Ивана Сютаяева.

— Наделал мне хлопот этот Сютаяев! — говорил нам воинский начальник. — По вынужденному им номеру жеребья он подлежал поступлению на действительную службу. Осмотрели его в присутствии и признали годным. Повели к присяге, но он вдруг упёрся: «Не хочу, говорит, присягать, — Евангелие, дескать, запрещает клясться...» Откуда это он взял, черт его знает! Уж как я его ни уговаривал, как ни убеждал, — нет, ничего не слушает... Хорошо, думаю, я тебя, голубчик, и без присяги заставлю служить. —

Дать ему ружье! — говорю... Что ж бы вы думали? Не хочет ружья в руки брать, наотрез отказался. «Оно, говорит, в крови, кровью пахнет». Слышите?... «Нужно, говорит, вооружиться мечом духовным». Как это вам нравится: духовным мечом?!... Представьте себе роту солдат с духовными мечами!...

И рассказчик весело расхохотался.

— Что же Сютаев?

— Что Сютаев! Он все свое: «не хочу, говорит, на войну!.. Сказано: «не убей»... Это, говорить, грех смертный... Не хочу людей убивать». — Я ему говорю: дурак ты, ведь теперь и войны-то никакой нет, всю службу в казарме просидишь, век пороху не понюхаешь, войны-то и в глаза не увидишь, — из-за чего же ты артачишься?... Нет, как к стене горох! Стоит на своем и дело с концом... Что тут прикажете делать?... Засадил его в карцер на хлеб и на воду. Проходит день. Фельдфебель докладывает, что Сютаев ничего не ест: ни хлеба, ни воды, — словом, ничего в рот не берет. «Ладно, думаю, посидишь, так эта дурь-то с тебя сойдет». Дру-

гой день проходит — не ест, третий день — то же самое... Отощал до того, понимаете, что едва на ногах стоит, с трудом поднимается с лавки, а все на своем стоит... Призвал я священника и говорю ему: «Батюшка, вы знаете Священное Писание, поговорите с Сютаевым, убедите его, внушите ему, что ведь так нельзя же наконец, что ведь это... это черт знает что такое!... Ведь невозможно же в самом деле, чтобы без войска, без солдат, без... Ну, где это видано?» — Священник в полном облачении, с Евангелием в руках, отправился его усовещивать.

— Ну, и что же?

— Ах, лучше не говорите! Священник одно слово скажет, а Сютаев десять... В конце концов он просто рассвирепел и начал ужасно дерзко и грубо поносить священников и духовенство... Я стал не рад, что затеял эту историю, и говорю: «Батюшка, уходите, ради Бога, поскорее!»

— Что же случилось с Сютаевым?

Собеседник мой пожал плечами.

— Приказал выпустить его из карцера, принужден был это сделать, иначе он непременно уморил бы себя голодом... Непременно уморил бы... Фанатик!

В Торжке я узнал между прочим, что последователи новой секты недавно устроили было в Шевелине общину, но что община эта вскоре распалась: участники ее перессорились между собой, и все дело кончилось двумя исками, предъявленными местному мировому судье, А. А. Бакунину.

Мне хотелось поточнее узнать об этом деле и потому я, прежде чем ехать в Шевелино, решил сделать крюк и отправиться сначала к г. Бакунину, который живет в имении своем, в селе Прямухине, чтоб от него получить интересовавшие меня сведения.

Щегольская тройка крепких «вольных» ямщицких лошадей в маленьком, красивом тарантасе с бубенчиками и колокольчиками, бойко понесла меня по проселочной дороге. Погода стояла сырая и холодная; хмурое, пасмурное небо ежеминутно угрожало дождем. Яркая зе-

лень озимых полос резко выделялась на сером неприглядном фоне тощих яровых полей широко расстилавшихся по обе стороны дороги. Изможденные, жалкие лошаденки крестьянские надрывались, таская сохи и взрыхляя крепкий, жесткий суглинок. За сохами двигались какие-то странные, согбенные фигуры: это — бабы, девки-подростки, старухи.

Дело в том, что с ранней весны и до глубокой осени почти все мужское население уходит отсюда на заработки в Питер и другие места. В селах и деревнях остается одно «женское сословие», малые ребята, да старики. Таким образом, вся тяжесть крестьянской страды ложится здесь почти исключительно на одних женщин, — они одни выносят ее на своих плечах. Они пашут поля, боронят, сеют, косят, поднимают новь, рубят лес, — словом, нет такой тяжелой мужицкой работы, которую не исполняли бы здесь бабы.

— В нашем месте бабам жисть чижолая — страсть..., — говорила мне одна старуха, вволю поработавшая на своем веку.

ность и гостеприимство хозяев, какой-то таинственный дух запустения незримо носится в воздухе этих обширных зал и коридоров, а старые фамильные портреты с тихой грустью смотрят со своих стен на то, как новые запросы и волны жизни уходят с каждым днем все дальше и дальше из этих усадеб...

В делах мирового судьи А. А. Бакунина действительно оказались два дела, имевшие тесную связь с появлением новой секты. Оба дела состоят из исков, предъявленных к отставному солдату Сергею Луневу. Крестьянка Василиса Петрова взыскивает с Лунева 150 руб. 50 коп., а крестьянин Евстрат Семенов Королев обвинял Лунева в том, что тот «под видом религиозного учения выманил у него всякого имущества», и ищет возврата денег по стоимости выманенного у него имущества. В первом деле интересно показание самого Василия Кириллова Сютаева, присутствовавшего при разборе дела в качестве свидетеля. Показание это разъясняет причину возникновения исков.

«Лунев, Петрова и ее родители, — показывал Сютаев*) — по учению Св. Писания, согласились, чтобы была у них одна душа и одно сердце, и все свое имущество сложили сообща, чтобы не было между ними никакого ни спора, ни дележа, безо всяких договоров и безо всяких условий. Так у них и было, но Лунев вдруг стал отсыпать от хлеба головню, то есть лучшее зерно, под предлогом будто бы на семена. Я ему сказал, что так делать не следует, потому что нечего делить слабых и сильных, дурных и хороших, а надо смешать, и чтобы всякий брал, сколько кому надо. Лунев мне сказал, что у него на это сердце не лежит. — А коли не лежит, тогда я ему сказал, — чтоб он шел из овина, и выгнал его из овина вон. Это увидели другие и стали требовать, чтобы Лунева отделить и чтоб он разделился с нами».

Помимо этого показания ничего характерного в делах не оказалось. Прошения написаны

*) Показание его привожу дословно, без изменений.

страшно безграмотно, а показания на суде чересчур кратки и сухи. Между истцами и ответчиком Луневым состоялась на суде сделка, соглашение.

По совету Бакуниных, которые, в качестве постоянных обывателей уезда, хорошо знакомы с местными условиями, я решил поселиться сначала в селе Поведи, так как село это является центральным пунктом того района, в котором так или иначе появилось учение новой секты. Ехать же прямо в Шевелино, где первоначально возникла секта и где живет сам Сютаев, я не решился, боясь на первых же порах возбудить подозрение и недоверчивость сектантов. Село Поведь отстоит от Прямухина на расстоянии 35 верст, и такое же точно расстояние считается от него и до Торжка.

Глубокою ночью мы приехали в Поведь. Все спало. Подъезжаем к первой попавшейся избе и начинаем стучать. В окне появляется косматая, всклокоченная голова.

— Где здесь можно переночевать?

— Ступайте к Ивану Зинове-

ичу, — он принимает...

Разыскали Ивана Зиновеича, достучались. После обычных опросов: «Что вы за люди будете, откуда Бог несет?» и т. д. нас пригласили войти. Ощупью вошли мы в темную избу. Огромная семья с детьми, стариками, снохами, невестками помещалась в одной избе. На полу лежат дети и взрослые, одни укутаны полушубками, другие просто в одном белье; с печи слышится чей-то тяжелый храп. Спертый, тяжелый, удушливый воздух «шибанул» в нос, ударил в голову. Я невольно остановился. Хозяин вздул огонь.

— Что, тяжело? — спросил он, заметив мое движение. — А мы окно откутаем, воздух-то полегче будет... Вот вам кровать. Али на печку полезете?

На кровати, скрытой за старым ситцевым пологом, плакал ребенок, а женский голос уговаривал и убаюкивал его. Зная по горькому опыту прелести этих кроваток, я наотрез отказался от предложения и выразил непереносимое желание лечь на пол. Мой ямщик избрал печь.

— На пол! Ну, так ложись сюда... вот сюда, на тулуп... Ба-

ушка, а-баушка! — говорил Иван Зиновеич, потрогивая спящее на полу тело, укрытое целою грудой грязных лохмотьев, — подвинься маненечко, пусти барина... Она у нас древняя, за сто лет... Верно слово: сто

второй год изжила... Дал Бог веку!... Не дослышит малость... Ну, ложись рядом со старухой... Хе-хе-хе... Ничаво, она подвинется, ложись!...

Ш

О чем говорят в деревне

Я поселился в Поведи у одного из родственников Ивана Зиновеича, бедного мужика, изба которого приходилась как раз с краю села, над самыми полями. Мое появление в селе не могло, разумеется, не вызвать среди крестьян множества всевозможных толков, предположений и пересудов.

Очевидно, все были убеждены, что в моем лице они дождались нового начальства, — в этом, по-видимому, никто из них не сомневался. Вопрос состоял лишь в том, какое именно начальство, «по какой части». Они видели, что это — не мировой, не урядник, не становой, не следователь, не исправник, не «член» (земства), не доктор, — кто ж это такой, наконец?

Мужики недоумевали, ломали головы и создавали самые невозможные предположения относительно цели моего проживания в Поведи.

— И все-то он, братец ты мой, испытывает, все расспрашивает, во все вникает: как, что?... Дивное дело!

— Стало быть уж от начальства предоставлено, препоручено.

— Сказывают — из Питера!

— Левизор, должно полагать.

— В Шевелине, бают, скот переписал: у кого сколько коров, лошадей, овец, — все, как есть до-чиста, переписал... Что есть свиней — и тех!..

— Энто уж, видимое дело, для облога... На подать прибавка будет.

— Сказывают, со всего плата положится: с лошади плата, с жеребца, примерно, одна, с кобылы — другая; с коровы — плата, с овцы — плата... То есть со всего, со всего!

— Говорят, все чего-то пишет, все пишет, все пишет.

— Старшина сказывал, насчет будты веры приехал.

— А ты слушай больше старшину-то. Он тебе наскажет.

— Он, може, и сам-то не знает.

— А ты как думал? Так, сейчас ему и доложат?... Как же жди, держи карман-то шире... Нет, брат, такие люди есть, особенные, тайно ездят, испытывают... Об них никто может и не знает...

— А они порядки смотрят: где и как, — до всего касаются...

— Вроде как тайна полиция, к примеру... Чуть что — сейчас и готово!

— Н-да, очень даже просто... Возьмут под секрет и — шабаш.

— А не то в темну карету, да на казенны харчи...

— Да это за што же, примерно?

— А за то, чтобы говорил, да

не договаривал... Больше бы знал-помалкивал... И слышишь, да не слыхал, — и видишь, да не видал...

— Гм... Может и *он* по этой части?

— Кто-жь его знает!?!...

— А може он прямо от царя послан разведать доподлинно, как то есть мужички, примерно, чего им требуется, как достаток, нет ли обиды какой, али чего прочего...

Это последнее предположение, казалось, многим пришлось по душе. Чуть ли не большинство согласилось, сошлось на мысли, что приехавший к ним неизвестный, загадочный для них человек — ни кто другой, как царский посланник. Возникновение таких странных предположений объясняется теми смутными ожиданиями и надеждами, которые живут и бродят в нашем народе. Во многих местах народ ждет, что царь пошлет — и притом *непрерывно тайно* — особых доверенных от себя людей для того, чтоб узнать на местах, как живут крестьяне, не терпят ли они обид, утеснений, нужд и т. п., — словом, узнать «всю прав-

ду». В некоторых местах подобные ожидания высказываются крестьянами вполне определенно. Нынешним летом, например, мне пришлось быть, между прочим, в одном из глухих углов Бузулукского уезда, Самарской губернии. Здесь (в селе Патровке, например) крестьяне прямо спрашивали меня: «Не слышать ли чего насчет кесаревых посланников?.. Не ходят ли, мол, они в народе?»

Как-то раз, вскоре после своего приезда в Поведь, я шел домой из деревни Удальцова, отстоящей версты на три от Поведи. Вижу какой-то старик, копавшийся на соседнем поле, оставляет работу и идет ко мне навстречу. Поздоровались.

— Мне бы охота тебе два словечка сказать, — говорит мужик, останавливаясь.

— Что такое?

— Да насчет, значить, этих самых делов-то...

— Каких делов?

Мужик переминается.

— Да ты говори толком, в чем дело!

Мужик вдруг принимает самый таинственный вид и, понижая голос, чуть не шепотом,

многозначительно спрашивает меня:

— Ты как? От нового царя послан, али ишшо от старого?

Представьте мое изумление!...И вот я вынужден уверять этого чудака, что я никем не послан, что я совсем частный человек, писатель, нигде не служу, приехал к ним для того только, чтоб узнать о новой вере, появившейся в их волости.

Мужик внимательно, почти напряженно слушает все, что я говорю, слушает и поддакивает:

— Так... так... так-с... А ты сам отколь — из Питенбурха?

— Нет, я из Москвы.

— Из Москвы... Так, так... А царь теперь где?

— В Гатчине.

— Где-е?

— В Гатчине. Это город такой есть под Петербургом.

— Зачем же это он туды, батюшка? На жительство, али так, на прохладу?

— На лето, на даче!...

— Гмм... Так, так, на легкой воздух!... Понимаем... А ты вот что скажи нам, — круто повернул старик, — чаво ты пишешь-то? Будет ли нам льгота-то от тебя, али не будет?... Чаво нам

ждать-то велишь?

Через несколько дней мне пришлось снова встретиться с этим мужиком. Поздоровавшись, он опять остановился и, глядя мне прямо в лицо, в упор, с расстановкой произнес:

— Ты что там не говори, только ты меня не обманешь.

— Да разве я тебя когда-нибудь обманывал?

— Не обманешь!... Я вижу, вижу, брат, насквозь вижу...

— Да что ты видишь-то?

— Вижу, друг... Вижу, что ты от высоко-о-кого лика послан, от высокого!... Вижу.

Впрочем, по мере того, как я продолжая жить в селе Поведи, толки о «царском посланнике», о «высоком лике» и т. п. мало-помалу стихали и, наконец, совсем прекратились. Крестьяне видимо разочаровались и успокоились. Этому главным образом способствовало то обстоятельство, что я почти все свое время начал проводить в обществе Сютяева и его последователей. До крестьян доходили слухи, что я обыкновенно записываю все то, что говорит Сютяев, и вот новое решение созрело в их голове.

— За Сютяевым приехал! — порешили они. — Сютяева возьмут, Сютяева угонят, — заговорили мужики.

— Прощай Сютяев! — говорили бабы. — Бедный ты, бедный Сютяй!... И снова всплыли сначала неясные, туманные намеки и толки о «темной карете», а затем уже более определенные — о «казенных харчах».

Интересно было бы проследить, откуда и когда зародилось в народе представление о «темной карете». Что это представление существует в народной массе, не подлежит никакому сомнению. В первый раз мне пришлось слышать от крестьян о «темной карете» в одной из подмосковных деревень. «Приедет, мол, темная карета, посадят и — был таков!... Столько, мол, тебя, голубчика и видали». Затем почти те же самые толки я слышал в Кемском уезде, Архангельской губернии, и, наконец, вот теперь в третий раз здесь, в Тверской губернии.

Вообще едва ли когда-нибудь ходило в народ столько всевозможных слухов и толков, как ныне, Бог весть, откуда нахлынули они; Бог весть, ка-

кими путями проникают они в деревню... К сожалению, по многим причинам мы не имеем возможности поведать на этот раз о многих весьма интересных народных толках и чаяниях. Но мы приведем хотя кое-что из того, что нам удалось слышать во время пребывания в Поведской волости.

— Люди сказывают, подушного не будет.

— Как так?

— Да так, не будет, да и все тут... Нешто душу-то можно облагать? — Она, чай, Божья!

— Эх сказал!... Мало ли што Божья!... Все Божье, иначе оброк идет.

— А таперь отменят.

— Хто отменит-то?

— Хто!... Известно хто — начальство!

— Ладно. Ври больше.

— Право слово говорят!.. Чудак, не верит!..

— Ты бы сказал: царь отменит, — дело-то было бы в строку, — а то начальство!... Ишь...

— Мало ли чаво зря болтают.

— Не зря, а до самого дела. Хорошие люди сказывали... Не будет, бают, подушного, не будут больше с души брать...

— С души не будут, а с чего же будут?

— С капиталов.

— С капиталов?!

— Да, с капиталов... Чего ты дивишься-то?

— Гм... Хорошо у кого капиталы-то есть, а у кого их нет, с того как?

— У кого капиталов нет, с того ничего и не возьмут.

— Вот так!... Ловко рассудил!

— Уж куда бы лутче!...

.....

— Говорят, новый царь ста-
ловеров похвалил.

— За што так?

— За то, будты лутче за царя Богу молились.

— Пустое!...

— А може и правда!?...

— Нет, вы послушайте, говорят, за пачпорты-то будут по двадцати рублей брать.

— С человека?

— Известно с человека. А ты думал с барана, што ли?

— Полно зубы скалить, говори дело-то!... Что так больно много — двадцать рублей?!

— Затем, чтобы хрестьяне больше дома сидели, землей за-

нимались, на сторону бы не ходили... Царь заприметил, что народ землю начал покидать, весь в Питер вдарился... Ему это не полюбилось...

— Другой и рад бы землей-то заняться, да не с чего...

— То-то и беда-то наша.

И разговор незаметно перешел на большое место деревни — на аграрный, земельный вопрос. За время моего пребывания в Поведской волости (я прожил в ней две недели) мне пришлось два раза вести беседы на эту щекотливую тему.

Однажды я ехал в Шевелино с одним знакомым стариком из Поведи. Толковали о том, о сем. Мало по малу разговор принял «душевный», интимный характер.

— А что, спрошу я вас, А. С., — начал старик и голос его как-то вдруг изменился: какая-то новая нота — не то нерешительности, не то таинственности послышалась в нем, — спрошу я вас: как то есть насчет земли?

— Какой земли, Иван Михайлыч?

— Примерно, есть слухок... Известно, люди болтают... Должно зря, али до самого де-

ла?

И он с напряженным вниманием смотрел мне прямо в лицо.

Я догадывался, в чем дело; но, желая, чтобы собеседник мой определеннее высказался в этом случае, я делал вид, что не понимаю, о чем идет речь.

Иван Михайлович снова начал длинную дипломатическую канитель, которую окончил так:

— Люди бают, будто, значит, нарезки будут хрестьянам, — значит, прибавка землицы выйдет... Правда, али нет?

— Где же земли-то возьмут для новых нарезов.

— Это точно, где ж ее возьмешь!... Известно, с глупости болтают... Н-ну, ты, одер! — и Иван Михайлович без всякой видимой нужды вытянул кнутом буланую кобылу, бойко втаскивавшую на горку нашу телегу.

Помолчали. Но минуту спустя Иван Михайлович, перегнувшись через телегу и наклонясь к моему лицу, произносит:

— Будто, значит, от богатых... Маненичко этак... То есть чтобы всем значит хрестьянам...

— Как же это так: от одних

отобрать, а другим дать? Да разве это справедливо?

— Где ж тут справедливо!... Что говорить! — немедленно соглашается Иван Михайлович, а кобыла получает новый удар вожжей. Но, помолчав немного, он уже снова поясняет мне: — Говорят, что господам али купцам, значит, деньги за это самое выдадутся, что стоит, примерно, по оценке...

Я долго доказывал всю несообразность и нелепость этих слухов, ссылаясь на известный циркуляр бывшего министра Макова. Чем больше я говорил, тем все чаще и чаще поддакивал мне Иван Михайлович; но когда я кончил и заглянул в лицо своего собеседника, я понял, что речь моя пропала даром. Иван Михайлович, помолчав немного, — очевидно, из приличия, — круто перевел речь на «корма» и заговорил о сене, соломе, овсе.

Другой раз такой случай был. Мужик, который говорил мне о «высоком лике» (без сомнения, простоватый, наивный мужик), как-то в разговоре со мною спрашивает меня:

— А что на счет пустошей...

как это дело будет?... Идет слухок, али нет?

— Каких пустошей?

— Известно, какие пустоша бывают... — И мужик подмигивает мне с добродушно-хитрою усмешкой.

— Я не понимаю, о каких ты пустошах говоришь.

— А о тех, что богаты мужики завладели... об энтих самых...

— Что же о них слышать-то?

— Отойдут они к нам, али нет?

— С чего это ты взял, что они отойдут к вам? — резко спрашиваю я.

Мужик, видимо, озадачен, — он недоверчиво смотрит на меня.

— Нешто нарезок-то не будет? — удивленно спрашивает он.

— Да откуда ты взял, что они будут-то?

— А то как же?... — И старик растерянно и вопросительно смотрит на меня... — А ведь мы... того... в ожидании...

Много вопросов назрело, и копошится, и роится в мужицких головах целая куча различного рода недоумений, мучит мужицкую душу. Едва ли когда-

нибудь жизнь среди народа могла представлять такой огромный, захватывающий интерес, как именно в настоящее время. Каждый, кому только удавалось за последнее время близко становиться к деревенской среде, вероятно, согласится с нами, что теперь, на наших глазах, в массе народа происходит какое-то смутное, глухое, сдержанное брожение. Несомненно, что мысль народа сильно возбуждена; этому способствовали весьма многие условия, многие события последнего времени. В воздухе деревни носится что-то новое, мало знакомое, что-то напряженное, недоумевающее и вместе тревожное... Деревня чего-то ждет... Но это не то пассивное, вялое, инертное ожидание, которое с удобством может тянуться долгие годы, целые века, — нет, в теперешнем ожидании деревни бьет напряженное,

страстное чувство; в нем кроется давно затаенная активная сила. Старые устои жизни шатаются, а новых нет: жизнь должна их создать и выработать...

Мы не знаем, разумеется, и не можем указать даже приблизительно, чем разрешится это брожение, в какую форму отольется оно... Знаем только, что теперь подобного рода брожение весьма часто отливается в форму особого рода учений, в основу которых обыкновенно принимается тот или другой тезис Св. Писания, говорящий о правде, любви и добре, и который обыкновенно служит для народа исходным пунктом для критики современных порядков, современного строя жизни...

Одно из таких учений и рассмотрим мы в этом очерке.

IV У батюшки

Исследователю сектантства по необходимости приходится сталкиваться и иметь дело с

местными священниками. В самом деле, кому, как не им, духовным пастырям, должно быть

ближе всего знакомо настроение прихожан, их духовных овец?

Село Яконово, служащее резиденцией приходского священника, по здешнему месту большое, богатое село. Да и самый приход считается одним из самых «хлебных» и доходных в благочинии.

Я постучал у крыльца большого церковного дома.

— Кто там? — сурово окликнул голос из комнаты и вслед затем из окна выглянуло жирное, рыхлое, лоснящееся лицо, принадлежавшее, по всем видимостям, матушке-попадье. При виде культурного человека, голос матушки вдруг смягчился и она вежливо-слащавым тоном проговорила:

— Вам кого угодно?

— Батюшка дома?

— Кажись, дома... Пожалуйте...

Я вошел в залу, для деревни весьма прилично убранную: крашеный пол, тюлевые занавесы, хорошая мебель.

Батюшка, как оказалось, «отдыхал», то есть попросту спал. Его разбудили, и он вышел ко мне заспанный и всклокочен-

ный. Передо мною стоял длинный, костлявый, но жилистый и еще крепкий старик, лет под шестьдесят, с крохотною головой, с красноватым крайне помятым, дряблым лицом и шершавою, тощею растительностью на подбородке. Маленькие, жидкие, торчащие в разные стороны косички, мутные, испещренные мелкими кровяными жилками, глаза, большой, широкий, беззубый рот и какой-то шрам на носу — делали наружность батюшки далеко не презентабельною. Движения его были медленны и неуклюжи; говорил он глухо, неразборчиво, шамкая, постоянно останавливаясь и подыскивая слова. В довершение всего, от него сильно пахивало тем специфическим «душком», который обыкновенно является у людей, сделавших постоянною привычку «к чарочке»; а его старый, на вате, казинетовый подрясник, неуклюже сидевший на его нескладной фигуре, казалось, весь был пропитан запахом тютюна*).

Отрекомендовавшись, я по-

*) Табака — прим. ред.

просил было его рассказать все, что ему известно о состоянии сектантства в его приходе, но тот час же должен был убедиться, что батюшке не под силу сколько-нибудь связный, последовательный рассказ. Пришлось задавать отдельные вопросы.

— Староверы есть в вашем приходе?

— Староверы!... Какие они староверы?... Наша вера — православная — самая старая, старее ее нету.

Наконец, с немалым трудом мне удалось добиться следующих данных. В Яконовском приходе староверы живут в четырех деревнях: в Бавыкине, Сельце, Насывкине и Головорезове. О сектах и толках, на которые распадаются староверы, батюшка имел самые смутные представления. По некоторым признакам, однако, можно было заключить, что в двух первых деревнях, Бавыкине и Сельце, живут беспоповцы, а в остальных двух — Насывкине и Головорезове — последователи поповского толка. На мои расспросы о жизни и учении староверов батюшка категорически

заявил, что он ничего по этому предмету не знает, так как никогда не бывает у них и «совсем не знается» с ними.

— Ведь теперь им свобода! — с недовольною миной говорил мой собеседник. — Что хотят, то и творят: сами крестят, сами венчают, сами хоронят... Нас не зовут... Все разрешено, все!... С 1867 года дозволение вышло... Бумагу подавали, — ну, их и отписали от церкви. С этой поры мы их и не касаемся... А прежде и крестили, и хоронили все мы, — без нас они ничего не могли: хоть и крестили они, и венчали по-своему, да все тайком, тихонько, крадучись, а уж теперь — въявь стали, никого не боятся, ни-ко-го!

— А много ли староверов в этих деревнях?

— Бавыкино как есть все заражено. Я туда и не езжу никогда, — ну их!... Каждый раз мимо проезжаю, как от зачумленных все равно... В других деревнях поменьше.

— А что вы скажете о новой секте, появившейся у вас?

— Это о сютяевской-то?

— Да, о ней... Что эта за секта?

— Это-то?... — Батюшка с минуту помолчал. — Да это... это уж прямо сказать — нигилисты!

— Как нигилисты?

— Н-ни-гилисты, как есть настоящие нигилисты!... Ни Бога, ни царя — никого нет, никого знать не хотят... Вот такая это секта!

И батюшка раздраженно поднялся с места и направился в соседнюю комнату. Через минуту он явился оттуда, держа в руках старый, засаленный кисет, сшитый из разноцветных ситцевых лоскутков. Развязавши кисет, батюшка начал дрожащими руками свертывать «цыгарку» из обрывка какой-то ученической тетради.

— Не потребляете? — спросил он меня, кивая на кисет.

— Нет.

— Корешки... От них вреда человеку нет... Может, папиросы уважаете?

Я отказался и постарался направить разговор на интересовавший меня предмет.

— Разве сютаевцы не признают Бога?

— Как они признают? — снова загорячился, батюшка, —

Все, все превратно, все по-своему... Зачем, — спрашиваю намеренно Сютаева, — зачем ты в церковь не ходишь? — «А зачем, говорит, я пойду в церковь?... Я сам — церковь!» — Вот ты и поговори с ним... Кресту не верует, святых икон не почитает... «Это, говорит, идолы, которым вы поклоняетесь... Стану, говорит, я вашим кумирам кланяться, — как же, ждите!»... Одно слово — отступник и еретик!

Батюшка усиленно затянулся, и густые струи махорки закружились в комнатном воздухе.

— А относительно власти?...

— Не признает, — перебил батюшка, — государственной власти, совсем не признает... — «Земля... — говорит: — да нешто она царская?... Земля, говорит, Божья: Бог нам дал ее, мы и должны владеть...» Понимаете, к чему это он клонит-то?... Да уж что и говорить о властях, коли он закон Божий отверг, а ведь царская власть у нас на законе Божиим основана.

— А я слышал, что эта секта власти признает, — попытался возразить я.

— Лицемерие!... Одно лицемерие, поверьте... Как же он власть признает, когда подати не платит, оброков не платит?

— Теперь они платят все. За Сютаевым, как я слышал, нет никакой недоимки.

— Да, это теперь, когда он увидел, что ничего ему не поделаться... А прежде что? — Ни копейки не давал. Бывало старшина придет за оброком, так он ворота запрет, калитку на запор. «Не пущу, — говорит, — не будет тебе ни гроша!... Какой такой оброк? Катая подати? Куда он идут? На кого? На какие надобности?...» — Ведь вот что он затевал... Прямо сказать — бунт!

Батюшка усиленно засосал «цыгарку».

— Бывало старшина честью ему говорить: «Чудак ты, Василий Кириллов, как же без податей-то? Нешто это возможно? Нешто начальство-то может без жалованья-то служить, а?... Или члены там разные, при разных местах, без жалованья-то, а?... Али опять войско, министры?... Что они даром, что ли, будут тебе служить-то, суконное твое рыло, а?»

— Что ж он?

— Он все свое: «По мне, — говорит, — хоть век их не будь... Зачем, говорит, нам войско, зачем членов?» Слышите?!... «Прежде, говорит, безо всего без еного жили... Нам, говорит, все это без надобности...»

Батюшка бросил окурок, сердито плюнул на него и придал ногой.

— Право, я уж и не знаю, как это гражданское начальство может терпеть такую... этакую зловредную секту!

— Но теперь они платят подати и оброки исправно?

— Еще бы им не платить!... Сколько раз у них старшина-то ворота ломал, сколько раз имущество их с аукциона продавал... Видят, небось, теперь, что невыгодно, да-а!... Корова-то у него может двадцать рублей стоила, а старшина-то ее за десять продает; лошадь-то сорок стоит, а продают за пятнадцать, — поневоле будешь платить... Только все это лицемерие... Сын его теперь на службу не хотел идти: хоть что хошь с ним делай, хоть до смерти запори, — не присягает и дело с кон-

цом... Так и теперь без присяги служит. Одно слово — бунтовщики, смугу затевают!... И то сказать: может ли быть что доброе от человека, который... который святые церкви не признает, святые иконы всячески поносит?...

— Говорят, у него иконы стоят в избе?

— Стоят... Что ж из того, что стоят?... А если кто войдет да перекрестится, Сютаев сейчас же и смеяться: «Ну, кому ты, говорит, кланяешься-то? Доскам-то?... Ведь это малеванные доски!» — Вот какой грубиян, богохульник!

— Таинства признают сютаевцы? — спросил я.

— Ни-икаких! Никаких не признают. К причастию не ходят, к покаянию тоже... К священному сану никакого уважения не имеют, — даже, напротив, всячески издеваются и поносят... Брак отрицают, — живут все равно, как скот... «Любовь, говорят, должна быть со всеми... Нечего, мол, разбирать, сноха ли, жена ли, — все, дескать, равно».

— Правда ли это?

— Гм... Доказать этого нель-

зя, только люди говорят... Уж коли Сютаев дочь свою прямо, можно сказать, в разврат отдал, так чего тут путного ждать?

— Что же он сделал с своей дочерью?

— Взял парня из Удальцова, сына Ильи Иванова, — слышали, может, тоже по его вере? — взял, привел его к себе и говорит дочери: «Вот тебе, Домна (Домной дочь-то зовут), муж, ложись с ним, живи...» Почитал чего-то из Евангелия... «любите, говорит, друг дружку, почитайте, — да и шабаш... «Ступайте, говорит, с Богом, — будет с вами любовь супружеская...»

— А давно ли Сютаев отпал от церкви?

— Да лет шесть уж будет.

— А прежде как он жил?

— Прежде? — Прежде был христианин ревностный, да и к церкви у него усердие было большое... Можно так сказать, что он ревностнее всех был к церкви... А потом стал отпадать, да отпадать, и совсем отшатнулся, вовсе совратился...

— Как же он совратился-то, где?

— Я и сам добивался, где это он почерпнул эту самую ересь,

и дознался-таки.

— Где же?

— В Питере, от барона...

— От какого барона?

— Этого я уж не могу сказать... Только верно знаю, что от барона; а уж какой барон — Бог его ведаёт... Сютаев у этого барона шесть лет работал, монумент делал... А теперь-то оказалось, что барон-от — нигилист!

— Как же это оказалось?

— Люди говорят. Доказать этого, разумеется, нельзя... Слышал я только, что этот барон Евангелия рассылает по деревням.

— А есть ли последователи у Сютаева?

— Как не быть!... На худое у нас всегда много охотников. На доброе-то нет, а на худое — всегда!.. Теперь так можно сказать, что вся деревня Шевелино погибает, — вся заразилась его лжеучением. Никто почти и на исповедь не ходит... Прежде эта деревня самая лучшая была по усердию к церкви, первая можно сказать из всего прихода, а теперь стала последней... В нынешнем году из всей деревни всего-на-все

два человека на исповеди были: две старушки — больше никого... С крестом в праздник придешь, почти никто и не молится... Бросят тебе пятнадцать или двадцать копеек, — как бы отвязаться поскорее... А другие и вовсе не принимают с иконами, а коли и примут, так сами норвят уйти из избы-то куда-нибудь на это время, пока пропоешь, что следует... И не смотрят, и не глядят на священника-то...

Затем батюшка, по моей просьбе, перечислил все те семейства, которые, по его мнению, приняли учение Сютаева. В этом перечислении ему не мало помогала матушка-попадья, сидевшая в другой комнате и оттуда подсказывавшая батюшке имена и фамилии отступников от церкви. Но при всем этом батюшка мог назвать только восемь семейств, члены которых, по его уверению, всецело приняли учение Сютаева. Семейства эти распределяются между тремя деревнями: Шевелином, Удальцовым и Запольем.

— Он хотел было и у нас в Яконове свою ересь завести, — повадился сюда ходить... Есть

тут одна вдова и у ней сын молодой мужик, и мужик хороший... К ним-то он и зачастил, и зачастил... И что же? — ведь он этого мужика совсем было с толку сбил, да и старуха-то дасдури на старости лет приняла его учение... Задумали уже бросить село и ехать в Шевелино, чтобы там, значит, жить всем вместе, устроить этакое... все общее, в роде как... в роде — эх, забыл слово-то! — вот в газетах пишут... Эх, чтоб ему!...

— Коммуна, что ли?

— Вот, вот, она самая!... Ну-с, хорошо. Пришел он как-то раз сюда великим постом и сидит у вдовы... Народ и говорит: «Пойдем, ребята, Сютаева слушать, — что он там проповедует?» — Приходит в избу. А он сидит да свинину ест, — это ему нарочно на закуску дали.

— К водке, что ли?

— Нет, водку они за грех считают. Окромя чаю ничего не пьют... Как увидели мужики свинину, — «бей, говорят, его, ребята, — что это он постов не соблюдает?!...» Вытащили его из избы и давай лупить, и давай тузить, кто во что!... Смеху тут было. Ха-ха-ха!... «Крестись! —

говорят ему, — крестись, такой-сякой!» А он упирается, не хочет креста положить... Они ведь кресту не веруют: «в душе, говорят, должен быть крест, в сердце...» Хорошо. Притащили его к ручью. Может заприметили на выгоне ручей у нас?... Глубокий, большой ручей... А стояла ростепель, — ручей шумит, вода так и хлещет... Притащили его к воде. «Крестись, — говорят, — такой-сякой, а не то — в воду!...» И начали его в воду окунать... Он рвется от них, а они его в воду, а вода-то холодная...

Он брыкается руками, ногами, а креститься — каналья — не хочет... Народ-от смотрит, помирает со смеху, хохочет...

Батюшка совсем развеселился.

— С тех пор полно сюда ходить, — ш-а-а-бат, — как рукой сняло!... Это, как-то на Пасхе, был я с иконами в Шевелине. Иду по деревне, а Сютаев у ворот стоит. — «Что, говорит, сборщики, ходите?...» Ведь как ков грубиян!... — «Нет, мол, мы не сборщики: мы — видишь с чем — со святыми иконами». — «Зайди ко мне поговорить». —

«Нет, говорю, лучше ты к нам в Яконово приходи... Помнишь, мол, как тебя поучили там? Какое выкупали-то? Здорово, небось, а? Ха-ха-ха!... Помнишь, говорю, али забыл?... Приходи, так, мол, еще не так выкупают!...» Ему не понравилось, отвернулся и говорить не стал...

И батюшка снова смеялся тем тихим, довольным смехом, каким смеются люди при воспоминании о чем-нибудь очень приятном, отрадном.

— Правда, что Сютаев не запирает своего имущества и что у него совсем нет замков?

— Нет, теперь он эту самую глупость уж оставил, — запирает, а прежде, действительно, никаких замков у него не было, все было открыто...

— Отчего же он стал запирать?

— Красть стали... Сначала баба в амбар залезла... Баба-то, правду сказать, зашибает, захотела опохмелиться, а где взять? Знает, что у Сютаева все настезь, — ну, и идет туда. Забралась в амбар, набрала две мерки ржи, да и в кабак. А за ней и другие повадились... За-

пер, небось...

— Не знаете ли вы, из-за чего распалась община, которую устроили было сютаевцы?

— С Луневым поссорились... Из-за этого и распалась. Лунев жил исправно, торговал хорошо, деньжонки имел и вдруг все оставил: это его Сютаев совратил. И ведь через него Лунев чуть всего не решил, право! Он его до суммы чуть не довел... Ну, только жена его поддержала. А теперь он и сам за ум взялся: «нет, говорит, полно тебя слушать», — и, кажись, опять начал поторговывать полегоньку... Теперь у Сютаева большая дружба с Ильей Ивановым, и хоть они вместе не живут, однако я слышал, что у них все сообща, все общее. Жена Ильи рассказывала мне, что как-то Сютаев пришел к ним и говорит: «дай, брат, мне телку, — нужна, мол, мне». А тот, Илья, и говорит: «что ж, брат (у них все *брат* — любимое слово), обирай коли нужна», и пошел за телкой. Только тут жена вступилась. — «С чего, говорит, тебе телку? Я поила-поила, да и отдай? Да ни за что, говорит, ни в жисть не отдам! Ишь что вы-

думали...» Так и не дала. От этого больше у них и раздор-от идет в дом.

— Говорят, Илья жестоко обращается с женой... Может быть, он бьет ее?

— Нет, этого у них нет... Как же, ведь они все-таки того... по духу... Хе-хе-хе! Она часто ко мне ходит, жалуется, только о битье никогда слова не говаривала.

— На что же она жалуется?

— Теснит, говорит: иконы все переколол, молиться стало не на что. Все неудовольствия... Опять же на счет постов. *Они* не разбирают: среда ли, пятница ли, чистый ли понедельник, — для них все равно. У них круглый год масленица, каждый день молоко... А она этого не может. Вот у них и идет раздор.

— На каком же основании они отрицают посты?

— Гм... основание!... Захотели вы тоже от этих людей оснований! Одно они толкуют: у Бога, мол, все дни одинаковы: что суббота, то пятница — все равно; значит — ешь что хочешь! Тогда постись, когда нет ничего... Вот они так-то обо всем рассуждают. Все-то есть неле-

по, все нелепо... Кто понимает, тот и говорить-то с ними не станет.

— Что, они грамотны, или нет?

— Сютаев с грехом пополам читает, а Илья — тот ничего не смыслит. Однако книги тоже имеет... ка-ак же! Жена рассказывала: возьмет, говорит, в руки Евангелие, развернет его и смотрит, смотрит, как будто понимает что, — перелистывает, а сам ведь ни аза в глаза не знает!... Вздохнет, говорит, и опять на полку положит, как будто и начитался... Просто смех с ними!.. Смех и горе.

Батюшка помолчал.

— Да и то надо сказать, что от этих самых книг немалый вред идет в народе.

— Как так? — изумился я. — От каких книг?

— От Евангелий, от этих самых дешевых изданий, от Нового Завета на русском языке. Кабы они могли понимать, что к чему значит в слове Божиим, тогда так, а то ведь они все по-своему, все превратно понимают, все вкривь... Вот поэтому ко вреду все и идет... Уж я, грешный человек, когда случится,

отбираю у них эти самые книжки-то. «Дай-ка, мол, мне почитать, — я что-то этакого-то не видел...» А у меня их пятнадцать штук!... Возьму да и оставлю у себя, — соблазну меньше... Да, большое зло от этой секты... И она не выведется так... Что ж!... Преследований на нее никаких нет, никто их хорошенько не пугнет, — вот они и колобродят... Да-а, без правительства ее не искоренить...

— Какие же меры, по вашему мнению, следовало бы предпринять относительно этой секты?

— Гражданская власть может скорее прекратить... Писал я об этом преосвященному, а он отписывает: «словом, говорит, Господним, убеждением... Словом Господним!... Да ведь это легко говорить тому, кто не знает. А попробуй-ка на деле, так и увидишь, что словом-то Господним ничего не поделаешь с этими народами... Да, ничего не прекратишь с «убеждением»-то... Назначили благочиннический совет «для увещания»... Приехал благочинный, священники... Привезли Сютяе-

ва, семейных его, еще кой-кого... Что же? Часа три с ними бились, а толку никакого. Каждый свое, кто во что горзд... Пришли все с книжками — с Евангелиями... Бабенки — и те как кричат — беда! Благочинный их увещевает, а они и слушать его не хотят, кричат: «мы теперь новая тварь, обновленная тварь. Прежде блуждали, теперь познали...»

— Обращался я как-то к помощнику исправника. Зачем, говорю, вы позволяете в подполье хоронить? Сютяевцы хоронят где попадется: на огороде, в избе под полами, — для них все равно... Послали урядника. Тот приехал, чаю у Сютяева попил, взял с него десять рублей, да с тем и уехал. А начальству доносит, что искал тела, но ничего подозрительного не отыскалось... Ну, слыхано ли дело, чтобы тела не найти? Ведь это не иголка. Какой же он после этого урядник? Как же начальство-то не вникнет в это дело?...

Ну, возьми мать: она должна знать, где дите схоронено... Взять ее, засадить, давать ей только чтобы не околела с голоду!... Небось, скажет... Нет,

это что? — Поблажки!... У меня бы она заговорила! Дали бы мне жезл власти, как примерно становой, так я бы живо открыл, я бы раскопал, я... я бы им показал!... Я.. я...

И в сильном раздражении ба-тюшка снова берется за кисет, снова начинает крутить «цыгарку» на этот раз еще более дрожащими руками... Я начинаю прощаться *).

*) Долгом считаю сделать здесь оговорку, что вскоре по напечатании настоящего очерка, священник, описанный в нем, был уволен от должности и на место его назначен новый, молодой и — как писали тогда — образованный и доброй нравственности.

V

Первые знакомства

На другой день моего приезда в Поведь в этом селе был какой-то местный праздник и вместе базар. Устроившись на новой квартире, я зашел к Ивану Зиновеичу. Вся семья сидела за самоваром и усердно занималась чтением. Кроме своих тут было несколько человек гостей, дальних родственников, приехавших в Поведь на базар и праздник.

Иван Зиновеич рассказывал об Илье Иванове.

— Урядник его спрашивает: «Зачем ты, Илья Иванов, образа расколол?» — А он говорит: «я им молился-молился, они меня не милуют, я взял да и расколол

их, а сын в печку бросил».

При этом рассказе одни рассмеялись, другие же, большинство, сурово-неодобрительно покачивали головами. Но в хозяйке, жене Ивана Зиновеича, рассказ этот видимо взволновал всю желчь.

— Ишь какой богохульник! — горячо заговорила она, — ишь!... Нет, эту веру надоть прекратить, а то беда... Избави Бог, — и она посматривала на всех, ожидая поддержки.

Однако никто не спешил становиться на ее сторону, и Иван Зиновеич своим всегдашним тоном «полированного» человека мягко замечает:

— Не наше дело, матушка!... Это уж начальству виднее.

Он, как и большинство наших мужиков, недолюбливал, когда жена слишком резко и самостоятельно выступает в каком-нибудь важном, серьезном деле.

— Насильно, матушка, ничего не спасешь, — внушительно заявляет один из гостей.

— Он (Сютаев) как быть худого ничего не производит. Все старается как ни на есть лучше, чтобы все, значить, по правде было... в мире, в согласии.

— Это верно, он правды желает, правды добивается.

— Какая тут правда, коли человек креста не несет! — возмущалась хозяйка. — Спроси ты его: есть ли у него крест-от за пазухой? Ведь у него нет креста-то!

Но Иван Зиновеич и тут не сдался.

— Да это што, — снова начал он своим примирительным тоном. — Не надо этого говорит: мало ли людей креста не носят, а закон все же исполняют. Это што! Не в этом сила.

Эти доводы однако несколько не убеждали его жены, —

она не унималась.

— Дядя Михайла рассказывал, — повествовала она, — что это, говорит, Василий Кириллович у тебя икон-то нет в избе? Божница-то говорит, никак пустая стоит? — «Были говорит, иконы-то много было, да все, говорит, признаться, вылиняли».

Хозяйка с негодованием оглядела всех присутствовавших. — Я дивлюсь, как у него язык-то не отсохнет. Вылиняли!... Ведь этакое слово сказал!

Она на минуту остановилась, чтобы разлить чай в чашки, который ежеминутно опоражнивались гостями; но, покончивши с чаем, тотчас же снова разлилась:

— Великим постом говядину трескает!.. Дивлюсь, как у него брюшина-то не лопнет!

В сущности это была женщина необыкновенно добрая, внимательная, даже, если хотите деликатная; вообще она была крайне словоохотлива и говорлива, но ее болтливость всегда была самого безобидного и добродушного свойства... А тут вдруг — негодование, желчь, чуть не свирепость. Ясно, что

вопрос, о котором шла речь, затрагивал больное место.

На этот раз она даже не замечала или вернее не хотела замечать косых, недовольных взглядов своего мужа, которого вообще заметно побаивалась и который давно уже поглядывал в ее сторону, как бы желая сказать: «полно тебе, прикуси язык-то, — не твоего ума тут дело».

— Мы почитай что суседями будем с Шевелиным, — начал один из гостей, хранивший до тех пор молчание. — Видим *его* жисть...

— Ну, и что же? — спросил я.

— Ва-а всем поступает как следыть быть, то есть как нельзя лутче делает. Одно худо...

— Что такое?

— Иконы нарушил, посты нарушил. Кабы не это, прямо сказать — первый бы человек был по жизни.

Я спросил, начитан ли Сютаев и каково он говорит.

— Говорит он... одно слово — четко говорит и от Святого Писания начитан в избытке, можно сказать.

— Резонисто говорит, — ав-

торитетно подтвердил «сусед».

Не желая откладывать в дальний ящик, я решил в тот же день начать свое знакомство с сютаевцами и на первый случай выбрал Илью Иванова. От Поведи до Удальцова, где живет Илья, как я уже заметил, не более трех верст. Дорога веселая и красивая: по высоким зеленым берегам речки Поведи густо разбросались деревеньки: Житниково, Головорезово, Удальцово и проч. Местность привольная, слегка холмистая, поля сменяются рощами и перелесками. Белая поведская церковь, стоящая на высоком берегу Поведи, ярко светлеется далеко во все стороны. Кругом, куда ни посмотришь, всюду сочная, свежая, весенняя зелень, кажется, так вот и прыскает из земли.

Я иду по гладкой, ровной дороге, что желтоватую полоской перерезывает зелень лугов и полей и змейкой бежит по холмам. День выпал теплый и хотя беловатые тучевые облака по временам набегают целою гурьбой и закутывают солнце, но вскоре снова проносится и снова синее небо приветливо сверкает с вышины и солнце снова

тает в огненных снопах своих лучей.

Вот и Удальцово. На бревенчатом углу избы висит белая дощечка, на которой черными буквами написано: «сельский староста». Я подхожу к избе и осторожно, как это обыкновенно делают странники, стучу палкой в ставень.

— Хозяйка, а хозяйка!

— Кто там? Чаво ты? — слышались вопросы и несколько женских лиц показалось в окнах.

— Нельзя ли молока испить?

— Молока-то?.. Да, вишь, топленого-то нет.

— Да мне топленого и не надо. Небось с устоем есть?

— Как не быть... Ну, что же, ступай в избу.

Я, разумеется, не заставил себя задать. Вхожу. Самая обыкновенная крестьянская изба; вся обстановка ясно доказывает, что владелец этой хаты отнюдь не может похвалиться своим достатком. Голые, темные, бревенчатые стены, лавки вокруг, огромная закоптелая печь, низкие палаты, с которых в одном месте свесилась пола старого, грязного полушубка;

маленькие окна с зеленоватыми стеклами. Но есть в этой хате одна особенность, которая невольно бросается в глаза и поражает каждого входящего в эту избу: это — полное отсутствие икон. Правда, в переднем углу, где всегда ставятся иконы, виднеется большая полка, но на ней нет ни одной иконы; вместо них тут лежит несколько книг.

На лавках, идущих вдоль стен, сидят две красивые молодухи, хозяйка, пожилая, высокая баба, одетая вся в темном и повязанная черным платком, и сам Илья Иванов. Одна из молодух, как после оказалось, была Домна, дочь Сютаева, вышедшая замуж за сына Ильи Иванова, другая — гостья, соседка. На широкой скамейке, приставленной сбоку печки, сидит дряхлая-предряхлая старуха, мать Ильи Иванова; она сидит, спустивши ноги к полу и прислонив туловище и голову на грудь грязного тряпья, заменяющего ей подушку. Вся высохшая, сморщенная, с слабыми, трясущимися членами, полуглухая, полуслепая, она походила скорее на какую-то замогильную тень, чем на живого

человека; казалось, в этом, высохшем, как мумия, теле не оставалось более ни одной капли живой крови. По временам она приподнимала голову, дрожавшую на тонкой, морщинистой, худой шее, неподвижно вперяла то на одного, то на другого из нас свои тусклые, слезящиеся, с красными орбитами глаза и издавала какие-то странные, стонущие звуки. Бог весть что означали эти звуки; сначала мне казалось, что она хотела выразить этими стопами ужас, который, по всему вероятно, должны были вызывать в ней вольнодумные речи ее сына; но затем я убедился, что это — не то; скорее всего эти стоны были просто жалобами на судьбу, пославшую столь долгую жизнь, что она обратилась, наконец, в тяжкое бремя. Жутко было смотреть на этот заживо разлагающийся организм.

Сам Илья Иванов — высокий, крупный, широко-костный человек. Меня поразил цвет его лица — бледный, чуть не матовый, с легким землистым оттенком; такие лица бывают у людей, которых долгое время держат в тюрьме, без свежего воз-

духа, без движения. Очевидно, прежде он был брюнет; но теперь обильная седина густо забелила волосы и особенно окладистую бороду и необыкновенно большие брови. С бледного лица вдумчиво и несколько грустно смотрят большие, выразительные глаза; на лбу глубокие морщины. Движения его медленны, лицо серьезно, в общем вся фигура весьма внушительна.

Поздоровались; меня попросили сесть к столу. Вскоре передо мной появилась корчажка с густым, цельным молоком и деревянная ложка, носившая несомненные следы долгого употребления. Затем предложили, не нужно ли хлеба, соблазняли «мягким караваем»; все это делалось и предлагалось как-то особенно радушно, любовно.

Разговор шел о только что оконченных посевах. Но затем незаметно и мало по малу перешел на веру, церковь и священников. Сколько помнится, началось с праздников. Жена Ильи укорила мужа, что он праздников не почитает, в праздники работает.

— В работе греха не бывает,
— возразил Илья. — А таких праздников, чтобы напиться, наесться — я не почитаю. В праздники нужно добрые дела творить, беседовать, советовать. А мы вина накупим, напьемся. Спор, ругань... Пересужаем друг дружку, скверные песни...

— У вас никак икон-то нет?
— спросил я, взглянув в передний угол.

Все вдруг замолчали, а Илья Иванов коротко проговорил: «Нету... Не держим».

Домна, которая, сидя на лавке, вполголоса переговаривалась о чем-то с гостьей, вдруг смолкла.

— Ты в избу-то вошел, небось креста не положил, — посмеиваясь, сказала она мне, — а тоже икону спрашиваешь!..

Я только что хотел ей возразить, но меня перебила жена Ильи. Она вдруг заговорила порывисто, спеша, и в тоне ее голоса ясно слышались и прорывались то раздражение, то насмешка.

— И хотел бы перекреститься, да не на што! Может и хотел бы помолиться, да не кому, — угол-то пустой стоит... Ни од-

ной-то святой иконы нет во всем доме... На што нам иконы? Каткая от них польза есть? Мы их лутче на истопку изведем, по крайней мере дровам замена... А иконы нам не нужны, — на што оне?!

Все время, как говорила жена, горькая улыбка бродила по лицу Ильи. Но он и не думал перебивать ее; когда же она замолчала, он начал:

— «Поклонитесь единому Богу... *Единому* Богу», сказано в Писании, — медленно, с чувством произнес он. — А народ-то иконы зовет Богами... Поклоняется им... Чаёт от них зашшиту себе получить... Сколько у них богов-то, подумаешь... Это уж прямо идолопоклонство выходит. В Писании сказано: «деревянные, каменные, серебряные — не боги, а идолы».

— Когда это мы Писанию-то обучились? — перебила жена. — Кажись, аза в глаза не знали, а тоже о Писании рассуждаем... Все люди, выходит, вишь глупее нас: все иконам поклоняются, одни мы не хотим... Этакие мы особенные, уж видно и в правду умнее нас на свете нет... Все в церковь ходят, а мы не

хотим... Зачем туда идти? Там зло, — передразнивала она кого-то.

— Да што такое церковь-то?... Ты об этом-то посуди.

— А по-твоему што? — вызывающим тоном перебила жена.

— Человек — вот что! Люди. В нас самих церковь-то... А ты как думала? Мы сделали церковь-то вертепом: идолов там наставили, торгуем в ней... А не для торговли она дадена, а для праведности, чтобы любовь в ней была... А у нас у всех корысть, а у священников-то вдвое.

Жена вступилась за священников.

— Ты пить-ись хочешь, а им, небось, голодом жить? Надо и им как ли питаться... У них расходу-то, может, побольше твою... Пословица говорит: купец — торгом, мужик — горбом, а поп — горлом... Всякому свое.

— Видно, ты, Авдотья, забыла, как лонись батюшка-то о прибытках своих говорил?... Кажись, при тебе разговор-от был. «Вот, говорит, у меня подрядчик, — а сам на крест указывает, — не надо его лучше:

махну им, и есть двадцать копеек!»

Домна и гостья смеялись.

— Как шибай кнутом, — продолжить Илья, — все равно и поп крестом... Стало быть они слепые вожди, стало быть надо оставить их, не ходить следом за ними, — тут добра не будет: слепец слепца ведет, оба в яму упадут.

Все молчали; только хозяйка что-то бормотала про себя.

— Без покаяния человеку спасения не будет, — слышалось по временам. — Других осуждаем, а сами закона не исполняем. Ты скажи лучше, давно ли ты на исповеди-то был? Чай, забыл уж.

— Давно не был, что и говорить... Да дасть Бог и совсем не пойду. А отчего? Я тебе скажу, — обратился Илья ко мне. — Не говел я как-то, за недосугом больше, хоть и в ту пору в мыслях-то у меня уж пошло энто сумление. Год не говел и другой не говел. Священник и пристаёт: «Чего ты, говорит, к исповеди не идешь? Без покаяния, брат, не спасешься, говорит, не думай, а душу, говорит, непременно загубишь, коли на ис-

поведь не сходишь. Прямо, говорит, в огонь кромешный уговашь». — Да вот, говорю, батюшка, недосуг все, ужо соберусь. — «А мы за вас, говорит, ответ должны держать и перед Богом и перед начальством. Начальство-то, говорит, ведь тоже о вас попечение имеет: отчего говорит, такой-то Илья Иванов в исповедной не записан, а? Вот тут и отвечай, говорит, за вашего брата... А было бы ише за што. Ты не придешь на исповедь, другой не придет; ты ничего не принесешь, другой не принесет, а ведь мы энтим только и живем». Вижу я, куда это он клонит-то, и говорю ему: Ну, што же, батюшка, извольте, мол, получить с меня, я, дескать, не прочь, — и даю ему двадцать копеек. Он сейчас мягче стал и говорит: — «Ладно, брат, я тебя запишу, что мол был у исповеди... не беспокойся, говорит». И пошел дальше. Только я этак остановил его маненько да и говорю: — «Стало быть, батюшка, я теперь получил прощение в грехах своих? Душу-то свою теперь уж я не погублю, стало быть?» — Он как глянет

на меня, смотрел-смотрел, погрозил этак пальцем и говорит: — «Ты смотри у меня, того... не заговаривайся больно! А не то, говорит, я найду на тебя расправу!» И пошел. С энтих самых пор я уж больше не хожу на исповедь. Бог с ними!

— Хоть то хорошо, что не дорого берут за спасение-то: всего-то двадцать копеек, — говорила, смеясь, Домна.

— Уж чего дешевле! — вторила ей гостыя. Но она сейчас же спохватилась. — Ох, согрешила я с вами! — и стала собираться домой.

Старуха, мать Ильи, вдруг заохала, застонала. На этот раз в ее столах можно было явственно расслышать слова: — «Смерти... смерти Бог не дает».

Обыкновенно положение таких старух и стариков в крестьянской семье весьма незавидное; семья всегда тяготится ими, так как они требуют за собой слишком много ухода. Нам случалось даже нередко встречать случаи замечательно бессердечного отношения родной семьи к своим одряхлевшим сочленам. Но, — с удовольствием отмечаем это, — ничего подоб-

ного не встретили мы здесь, в семье Ильи Иванова; напротив, как он сам, так и его жена да и остальные члены семьи относились к этой развалине-старухе с полною заботливостью и вниманием, вслушивались в ее стоны и старались угадать ее желания.

Старуха, наконец, успокоилась и разговор снова возобновился. Авдотья, жена Ильи, снова начала толковать об иконах, настаивая на том, что «нигде не показано, чтобы рубить да колоть иконы на дрова».

— Нигде не показано, чтобы и поклоняться иконам, — возражал муж. — Ты веришь попам, а слову Господню не веришь, Евангелию не веришь.

— Сютаяевскому евангелию не верю, — с насмешкой говорила Авдотья, — да и верить избави Бог.

— Сютаяевскому!... Нешто его Сютаяев писал? Евангелието, брат, одно для всех, — апо-

столы писали. Там об иконах-то прямо обозначено, не помню только твердо — где, в каком месте...

Он полез на полку, достал оттуда Новый и Ветхий Завет на русском языке и положил передо мной.

— Не знаешь ли ты, — спросил он меня, — где это показано, что деревянные и каменные — не боги?

Для меня было ясно, что он говорит о тексте, столь распространенном среди молокан, штундистов и тому подобных сектантов, это именно — о двадцатом стихе девятой главы «Откровения Иоанна».

— «Чтобы не поклоняться бесам и золотым, серебряным, медным, каменным и деревянным идолам, которые не могут ни видеть, ни слышать, ни ходить», — сказал я наизусть. — Это что ли?

(Окончание следует).

Илл.: картина И. Е. Репина «Сектант» (1882), написанная с В. К. Сютаяева в доме Л. Н. Толстого в Москве. **(Картинная галерея Альманаха, № 5)**

В. Адаменко

Газета «Альтернативщик»

История газеты началась в 2006 году с того, что на казанский пороховой завод стали присылать молодых людей для прохождения Альтернативной гражданской службы (АГС) взамен обычной военной, по призыву. Альтернативщики, как и большинство наших граждан, плохо знали законы и свои права, поэтому из казанского Центра миротворческих и правозащитных действий к ним постоянно приходил правозащитник Герман Николаевич Алёткин и отвечал на их вопросы. Ситуации были однотипные, поэтому вскоре у него появилась мысль: вместо того, чтобы по многу раз рассказывать об одном и том же, выпускать газету по этой же теме.

«Альтернативщик», № 1. Обращение от главного редактора:

Здравствуйтесь, друзья!

Практически со всеми вами я знаком, мы достаточно часто видимся. Но альтернативщиков в Казани становится все больше, и уже не получается просто собраться за столом в 11 блоке и обсудить вопросы. А вопросы есть, и их тоже все больше.

Поэтому я решил сделать этот информационный бюллетень. Для вас, для себя.

Думаю, вам интересно будет узнать, какие перспективы имеет альтернативная служба в России, что происходит в мире. Какие проблемы и победы у ваших коллег здесь и за рубежом.

Ваши вопросы зачастую повторяются. Думаю, будет полезно на этих страницах размещать мнение экспертов, чтобы вы могли квалифицированно защищать свои права, не забывая об обязанностях.

Полагаю, вам также будет интересно узнать, чем занимается Коалиция неправительственных организаций «За демократическую

альтернативную гражданскую службу!»), куда входит наш Центр. Не секрет, что правозащитное движение не слишком известно. Расказы о наших делах, надеюсь, помогут вам лучше понять, что такие правозащитники, чем они занимаются, чего от них ждать и с какими вопросами обращаться.

Если у вас появятся какие-то предложения, замечания — я с удовольствием их выслушаю и приму к сведению. Давайте рассматривать эту газету как наш совместный проект.

Вы всегда можете ко мне обратиться:

8-917-857-36-57; 277-39-73

Алёткин Герман.

Сначала газета представляла из себя 4 страницы формата А4 (альбомный лист) и выпускалась тиражом 100 экз. Выходила она не совсем регулярно, один раз в два-три месяца. Постепенно тираж увеличивался, и в ней было уже 8 стр.

...и пережить меня свои на града, и копы свои на серпы не подвинет народ на разгиб neck, и не будет более кутежа владык (Бродский)

АЛЬТЕРНАТИВЩИК

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРА МИРНОПРАВЩИКОВ В ПРАВОВОЗАЩИТНЫХ ДЕЯТЕЛ

№ 1

Здравствуй, дружок!

Приветствую со своим номером в номере, но достаточно часто издавать. Но альтернативщик в Казани совсем еще совсем молодой, и не имеет возможности издавать в объеме и в темпе, который хотелось бы.

Почему и решил сделать этот информационный листок. Да не, да не! Делать это мне совсем не хочется, но мне нравится видеть, как развивается этот альтернативщик.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

Ваше мнение важно! Пожалуйста, дайте мне знать, что вы думаете о моем издании, чтобы я мог его улучшить.

В Челябинской области растет число желающих служить альтернативно

С 1 января 2010 года в Челябинской области растет число желающих служить альтернативно. По состоянию на 1 января 2010 года 18 человек Челябинской области подали заявления о желании служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

Как сообщает пресс-служба администрации Челябинской области, в Челябинской области в настоящее время работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

В настоящее время в Челябинской области работают 18 человек, желающих служить альтернативно вместо военной службы по призыву на альтернативной службе.

АЛЬТЕРНАТИВЩИК

Центр мирноправщиков и правозащитных действий №49
Правозащитная группа «Гражданские Друзья» сентябрь 2015

ПРАВОВОЗАЩИТНИК АЛЕКСАНДР ПЕРЕКУРОВ: ЛЮДИ ИМЕЮТ ПРАВО ПРОЙТИ СЛУЖБУ БЕЗ ОРУЖИЯ В РУКАХ И ПРИ ЭТОМ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМИ СВОЕМУ ГОСУДАРСТВУ

В сентябре правозащитник Александр Перекуров посетил Челябинск, чтобы пообщаться с местными активистами. Перекуров рассказал о своей работе в правозащитной организации «Гражданские Друзья» и о том, как он помогает людям, желающим служить альтернативно вместо военной службы по призыву.

Почему возникла необходимость в альтернативной службе? Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

Вместо этого люди начинают искать альтернативные способы службы. Перекуров рассказал, что в России существует проблема с набором молодых людей в армию. Многие молодые люди не хотят служить в армии, и государство вынуждено искать альтернативные способы набора солдат.

было довольно разнообразно: юридические советы, новости о развитии АГС в России, странах СНГ и дальнего зарубежья. Сообщения из регионов о тех, кто выбрал альтернативную службу и о том, в каких условиях ее сейчас реально проходят. Позже появились статьи по истории пацифизма и отказов от службы в армии, теоретические статьи о ненасилии и миротворчестве. Спонсорами были: сперва немецкий фонд им. Г. Бёлля, два номера оплатила Московская Хельсинкская Группа, а последние годы стабильно — Московское собрание квакеров (Дом Друзей). В декабре прошлого года мы выпустили последний 49 номер. Это единственная газета в нашей стране, целиком посвященная теме АГС и пацифизма.

Цифры и факты

Первые эксперименты по созданию альтернативной службы в России были еще XIX веке. Но в абсолютном большинстве случаев отказ от службы в армии жестоко карался как в царское, так и в советское время. Тысячи людей прошли через места лишения свободы, оставаясь верными своим убеждениям, многие там и погибли. В свое время Л. Н. Толстой и его единомышленники делали все, чтобы защитить таких религиозных пацифистов.

В новейшей истории нашей страны право на сознательный отказ от службы в армии теоретически появилось уже в 1989 г., и тогда же первый человек, Александр Пронозин из «Антимилитаристской Радикальной Ассоциации», добился для себя такого права. В Конституцию оно было внесено в 1992 году: *«Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение воинской службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену её альтернативной гражданской службой»* (ст. 59, ч. 3).

Люди, в основном через суд, теперь могли добиться признания за собой такого права на сознательный отказ. Но "патриотически настроенные" депутаты старались как можно дольше не принимать закон об АГС, поэтому люди, добившиеся признания своего права,

многие годы вообще не проходили никакой службы, ни военной, ни альтернативной. Первый призыв, с которого призывные комиссии стали направлять на реально действующую АГС, стал весенний призыв 2004 года.

В 2005 году желание пройти АГС высказали 854 человека, в 2006-2008 годах — около 400 человек в год. Всего за 4 года подали заявления на АГС 3855 человек. Призывные комиссии приняли положительное решение в 2917 случаях; из них около 600 человек получили отсрочки. Всего за 4 года от АГС уклонилось 315 человек. По статистике, из направленных на АГС, около 80% граждан получили право на замену военной службы по вероисповеданию, около 5% — в связи с их принадлежностью к коренным малочисленным народам, остальные — по убеждениям.

Вакансии для выбравших АГС, распределяются в соответствии с образованием, квалификацией, опытом предыдущей работы, состоянием здоровья, потребностью организаций в трудовых ресурсах и предоставляются Рострудом. Количество свободных мест в 2005 году составляло 3136, в 2008 году — 9209. Выбравшие АГС в 2008 году могли пойти по одной из 202 профессий, реестр которых был утвержден Минздравсоцразвития, в 716 организациях, подведомственных федеральным органам исполнительной власти (172) и органам исполнительной власти субъектов РФ (544). Однако лишь в 9% случаев имеется возможность предоставления жилья, поэтому принцип экстерриториальности АГС на практике зачастую не соблюдается.

Представители коренных малочисленных народов направляются в оленеводческие бригады и предприятия, занимающиеся традиционными промыслами. Остальные направляемые на АГС служат, в основном, санитарями и почтальонами. Также наиболее востребованными являются специальности строительной отрасли (каменщик, дорожный рабочий, электрогазосварщик). Разброс зарплат: от 3 800 руб. до 20 000 руб. К сожалению, 55% направляемых на АГС вообще не имеют специальности, а 15% имеют такие, которые ра-

ботодателями не востребованы.

Ещё одной проблемой является направление желающего пройти АГС на работу на оборонные предприятия, что оказывается несовместимым с его убеждениями.

Газета «Альтернативщик», № 18 и № 19.

Рассылка

Лично я узнал об этой газете и присоединился к ней в начале 2008 года. Первым номером, в котором были напечатаны присланные мной материалы, стал № 14. Это были краткие фрагменты из разных книг об отношении к военной службе первых христиан, история первых отказов от военной службы в России, прощальные письма толстовцев, расстрелянных за отказ от службы в армии в годы гражданской войны и т.п. С тех пор в каждом номере две страницы, отведенные под статьи по теории и истории ненасилия и пацифизма, наполнялись моими материалами.

Впоследствии я взял на себя обязанности корректора, печатника и распространителя нашей газеты. То есть договаривался с типографией, вел учет постоянных подписчиков, отправлял им новые номера по почте. При мне тираж вырос с 200 до 999 экз.

В 2009 году мне подумалось, что у нас в стране есть множество людей, которые потенциально нуждаются в нашей газете, как источнике информации по АГС, но просто не знают, что такая газета существует. В первую очередь, это члены протестантских общин. Они хотя бы смутно понимают противоречие между христианством и военной службой. Они многочисленны, живут во всех городах и селах, столь же малограмотны юридически, как и все остальные граждане нашей страны. Кто-то из них слышал, что существует в стране АГС, но не знает, как получить к ней доступ; не знает, какие права и условия работы у таких альтернативщиков. А кто-то даже не знает, что такая служба вообще существует. Власть нисколько не заинтересована в том, чтобы информировать нас о наличии такого права. Напротив, в небольших городах и селах за-

частую представители военкоматов ложно доказывают, что в стране никакой АГС нет, что нет такого выбора у граждан РФ.

Мы разработали план большой рассылки. Нашел я в интернете списки адресов общин Адвентистов Седьмого Дня, баптистов, пятидесятников, методистов, молокан, меннонитов Оренбургской области, Церкви Последнего Завета (т. н. «виссарионовцев»), Общества Сознания Кришны и ряд других, общим числом несколько тысяч. Им отправлялся набор, состоящий из нашей газеты, письма с предложением стать нашими подписчиками, информации о положении АГС в нашей стране. И так два года в среднем по 100 наборов в месяц.

Сопроводительное письмо:

Здравствуйте!

Как представитель газеты «Альтернативщик» предлагаю вам номера этой газеты. Газета выпускается Всероссийской коалицией «За демократическую альтернативную гражданскую службу!» и посвящена альтернативной службе. Возможно, она будет полезна и вам. Если вы захотите и в дальнейшем бесплатно получать номера этой газеты, я буду их вам отправлять. Если вы захотите только просматривать её в электронном виде, то зайдите на страницу в интернете:

http://www.army-hr.ru/library/category/izdanie_alternativschik

С уважением, Адаменко Виталий Владимирович

Мой адрес: (...)

Эл. адрес: adamenko77@gmail.com

Каковы итоги этой рассылки?

У нашей газеты появилось несколько десятков новых постоянных подписчиков. Это весьма скромно. Но могу предположить, что очень многие, не становясь нашими подписчиками, стали читать эту газету через интернет, или даже просто узнали, что такое право у них есть, и в нашей стране есть люди, а теоретически, а совер-

шенно реально добившиеся для себя признания такого права. Позднее я прочитал такое сообщение:

«13 июля 2011 года в Пресс-центре «Интерфакс» состоялась пресс-конференция, в ходе которой заместитель руководителя Федеральной службы по труду и занятости А. Вовченко подвел итоги направления граждан на АГС в весенний призыв 2011 года. (...) Если в период с 2007 по 2009 годы количество граждан, изъявивших желание проходить АГС, колебалось около показателя 450 человек в год, то в 2010 и 2011 годах их количество увеличилось приблизительно в 1,7 раза. «Мы сами удивляемся немного этим цифрам, потому как по сути в законодательстве ничего не поменялось, сроки снижены еще в 2008 году. Может быть, это запоздалая реакция какая-то, может быть, все-таки что-то меняется в убеждениях молодых людей относительно военной службы по призыву. Прямых причин, нормативных, правовых, еще каких-то мы не видим в этой связи. Люди просто больше узнают об этом», — прокомментировал эту тенденцию заместитель руководителя Роструда А. Вовченко» (<http://www.rostrud.ru/press-centre/45/xPages/entry.15415.html>).

Не могу целиком и полностью приписать такие результаты нашей рассылке, но не сомневаюсь, что она стала одним из факторов развития института АГС в нашей стране и распространения знаний о ненасилии и принципиальной несовместимости христианских взглядов с военной службой.

Напоминаем нашим читателям, что все номера газеты «Альтернативщик» и ряд материалов об АГС можно найти на сайте сообщества правозащитных организаций **«Гражданин и армия»**: http://www.army-hr.ru/library/category/izdanie_alternativschik и в библиотеке **«Вне насилия»**: <http://antimilitary.narod.ru/ags/prensa/alternativschik.htm>.

Отклики на рассылку

На свою рассылку я получил целый ряд откликов, как по электронной почте, так и в виде обычных писем. Почти все — с благодарностями; одно письмо — о том, что в нашей газете не нуждаются, и одно — резко негативное. Привожу здесь всё, наиболее заинтересовавшее меня, без указания адресов и фамилий.

2009

Религиозная организация Христиан Веры Евангельской (пятидесятников), Самара, 25 февраля 2009 г.

Получили Ваше письмо, признательны Вам и принимаем Ваше предложение о получение газеты через почту. Кроме того, хотела узнать, возможно ли через вас, как представителя газеты, получать какую-либо консультацию.

С уважением (...)
администратор церкви.

Добрый вечер, уважаемая (...)!

К настоящему времени уже выпущены 18 и 19 номера нашей газеты, которые я Вам и отправлю по почте в ближайшее время.

По поводу юридических консультаций могу Вас перенаправить к главному редактору газеты — Герману Алёткину: antimil@riseup.net

Правда, он находится не в Самаре, а в Казани, зато он в курсе всех юридических и практических вопросов.

С уважением,

Адаменко Виталий Владимирович,
представитель газеты "Альтернативщик" в Самаре.

Десять дней назад отправлял к вам 18 и 19 номера нашей газеты "Альтернативщик". Если по прочтении у вас будут какие-нибудь предложения, вопросы, замечания по содержанию газеты, пишите. Нам будет интересно узнать мнение тех, кому эта газета в первую очередь и предназначена.

Игорь (Свидетель Иеговы)

(...), прохожу альтернативную службу в Самаре. Хочу получать вашу газету "Альтернативщик". И, если возможно, вышлите мне, пожалуйста, прошлые выпуски газеты до 15 номера. Мой адрес: РСО Алания, г. Владикавказ, (...)

Татьяна (Московский центр Церкви Последнего Завета — т.н. "виссарионовцы"), 6 мая 2009 г.

Спасибо! Я переправила Ваше письмо в Обитель Рассвета. Вероятно, они с Вами свяжутся. obitel@vissarion.ru

С наилучшими пожеланиями, (...)

Церковь Христиан Адвентистов Седьмого Дня, Кировская область

16 сентября 2009 г.

Спасибо вам Виталий за высланную посылку по поводу альтернативной службы (...). Мы всё получили и это была ценная информация.

И я рад, что наша рассылка оказалась полезной.

Уточню Ваш адрес: (...)

Если адрес правильный, и если Вы не против, я буду отправлять Вам и следующие номера газеты со свежими новостями и обсуждением юридических вопросов. Хотелось бы, чтобы и Вы писали, что понравилось в газете, что — нет, что можно изменить или добавить. Нам всегда интересно мнение наших читателей.

Андрей (баптист), Алтайский край, 17.10.09.

Здравствуйтесь, Виталий Владимирович, мир дому вашему.

Мы получили от вас газеты «Альтернативщик» и очень благодарны вам за эту помощь, так как у нас не было на руках «закона» об альтернативной службе, а он так нужен был, так как у нас есть сыновья, внуки. Один молодой человек взял это и показал это в военкомате, они забрали у него этот цветной буклет об альтернативной службе, у них на местах видно нет ничего конкретного и они действуют по своему усмотрению, попирая закон и права граждан. Нам бы очень хотелось получать вашу газету, но в нашей земной жизни нет ничего бесплатного и поэтому мы просим вас присылать эту газету и пожалуйста ещё этот цветной буклет, где всё описывается и даже образец заявления. Если нужно мы можем немного денег пожертвовать на вашу газету.

С уважением, (...)

В вашем г. Самара есть «Дом молитвы» нашего дорогого братства. В христианской библиотеке должна быть книга «Великое пробуждение XX века» 1961-2006 г. (...)

Прочитайте ее обязательно.

Здравствуйтесь, уважаемый (...)!

Мир Вашему дому.

Очень рад, что наша газета Вас заинтересовала.

Как, всё-таки отличается жизнь у вас, в алтайском селе и у нас, в Самаре, пусть даже и не столичном городе. В первый же год, как только началась альтернативная служба, у нас в городе её выбрали

23 человека и только одному отказали — не вовремя подал документы. Закон один во всей стране, но на местах нарушений много. В военкомате, конечно, не имели права отбирать этот буклет.

Сообщил обо всем главному редактору газеты. Он спрашивает, есть ли у Вас возможность выхода в интернет или хотя бы сотовая связь? Пишите нам, как дальше развивается дело с призывником.

Отправляю Вам три экземпляра буклета — благо, пока что у меня есть запас — и ещё некоторые материалы. Газету я Вам пришлю попозже, как только будет напечатан очередной номер.

За предложение финансовой помощи нашей газете большое спасибо. В принципе, пока что деньги есть и на саму газету и на почтовые расходы, а рассылкой я занимаюсь бесплатно, но, если хотите нам помочь, то перечислите сколько считаете нужным мне почтовым переводом.

Обязательно соберусь пойти в "Дом молитвы" и прочитать указанную Вами книгу. (...)

Сергей (толстовец), г. Вольск, 11 апреля 2009

Здравствуйтесь Виталий

Я так понял что "Альтернативщик" рассылается желающим по E Mail. Я хотел бы получать в формате html.

Газету могу прислать в формате PDF — для ее чтения нужна программа Acrobat Reader. Или, если вы дадите свой почтовый адрес, могу прислать в бумажном виде.

Спасибо за ответ

Конечно присылайте "альтернативщик" в pdf ! ..., просто не все файлы pdf корректно открываются, и иногда плохо управляемы, бывает на месте всех букв стоят пробелыПрограмма acrobat reader у меня конечно есть.

Читателями, кроме меня, будут мой сын, и, по обстоятельствам,

знакомые баптисты и Свидетели Иеговы.

Сейчас скачал номер 22 за март 2009...

Знакомый Свидетель Иеговы сказал мне что у нас в Вольске два альтернативщика в этот призыв, что с ними разговаривали психологи и т. д.

Удачи!

Так как предполагается несколько читателей, то Вы мне напишите, сколько экземпляров газеты потребуется — я столько и пришлю, когда они будут напечатаны.

Напечатанный на бумаге экземпляр прошу один. Я его буду показывать, и если кто заинтересуется и захочет другие номера, то ... договоримся.

Сообщите номер своего сотового, я могу зная этот номер, положить на телефон деньги в счёт стоимости газеты.

На днях я вам газеты отправлю. В принципе, номер моего сотового есть в самой газете, но денег никаких не нужно. Газета не предназначена для продажи — газету и ее рассылку оплачивает спонсор — международный фонд им. Генриха Бёлля — все это тоже есть в газете. (Одно время спонсорами газеты были представители квакеров в Москве)

Если по поводу прочитанного у Вас (или у кого-нибудь еще из читателей) возникнут какие-нибудь вопросы или предложения, чтобы Вы хотели, или не хотели видеть в газете — обязательно пишите.

Церковь Христиан АСД, Архангельской области, 08.11.09.

Здравствуйте

Виталий Владимирович!

Получили ваше предложение по отправке газеты «Альтерна-

тивщик».

Посоветовавшись с братьями и сестрами нашей церкви, решили просить вас отправлять номера этой газеты для нас.

Благодарим вас за это предложение и пусть Господь благословит вас во всяком добром деле.

Наш адрес: (...)

С уважением братья и
сестры церкви Христиан
Адвентистов Седьмого Дня.

2010

Виктор (толстовец), г. Кумертау, 25 апреля 2010 г.

Александр Васильевич упоминал ещё о журнале "Альтернативщик", в создании которого Вы принимаете участие. Если я правильно понимаю, речь идёт о деятельности, направленной на агитацию молодёжи не принимать участие в военной деятельности?

Не совсем так. Во-первых, это не журнал, а 8-страничная газета. Во-вторых, у создателей и спонсоров не было намерений создать газету, пропагандирующую антимилитаризм и отказ от службы в армии. Это — информационное, правозащитное издание, оно, в общем, не агитирует, а дает юридические знания для тех, кто уже выбрал вместо обычной службы в армии — альтернативную, гражданскую.

Если нужно, как сотрудник газеты, я могу внести Вас в список постоянных подписчиков и присылать свежие номера газеты в обычном бумажном виде.

Буду очень признателен, ведь, как я понял, кроме информации, непосредственно касающейся АГС, есть и другой интересный ма-

териал на страницах этой газеты.

Виталий, получил сегодня Ваше письмо, благодарю и сердечно рад, что есть ещё люди, которым не безразлично учение Христа. Очень буду признателен если есть ещё информация такого рода.

Вячеслав (АСД), г. Балтийск, 22 июня 2010 г.

Виталий Владимирович, церковь Адвентистов Седьмого Дня г. Балтийска, благодарит вас за газету "Альтернативщик".

Присылать следующие номера не нужно, т.к. мы можем скачивать её с официального сайта и сами распечатывать.

Ещё раз примите благодарность, и Божьих вам благословений.
пастор (...)

Рад, что наша газета "Альтернативщик" оказалась для вас полезной.

Спасибо за добрые пожелания. И вам всего наилучшего.

Западно-Российский Союз Церкви Христиан АСД, г. Климовск, 30 августа 2010 г.

Уважаемый Виталий Владимирович!

От имени руководства Западно-Российского Союза позвольте поблагодарить Вас за материалы по альтернативной службе. Нам безусловно было бы интересно сотрудничать с вами, регулярно получать от Вас информационные издания «Альтернативщик». В нашей Церкви есть молодые люди которые проходят эту службу или собираются ее проходить. Желаем Вам обильных благословений в вашей работе, надеемся на дальнейшее сотрудничество.

С уважением, директор отдела Общественных Связей Западно-Российского Союза Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня,
пастор (...)

Добрый день, уважаемый (...)!

Спасибо вам большое за теплые слова в наш адрес и благие пожелания. Мы тоже рады сотрудничеству с Вами и желаем Вам всяческих успехов в Ваших делах.

Вчера я посоветовался с ответственным редактором нашей газеты, Германом Алёткиным, по поводу Вашего письма. Полагаем, что мы вполне можем обеспечить вашу Церковь газетами "Альтернативщик", буклетами про АГС и другими соответствующими материалами в том количестве, которое будет необходимым. Нам нужно только выяснить, сколько экземпляров газеты вам потребуется? И как будет удобнее их отправлять: все сразу по одному адресу, и по какому именно, или по конкретным адресам церквей или молодых людей, проходящих или собирающихся пройти альтернативную службу?

С уважением, Виталий.

Виталий Владимирович!

Благодарим за столь быстрый ответ. Давайте сделаем таким образом. Вышлите мне пожалуйста в электронном виде вашу рекламу газеты. Я в свою очередь отправлю эту рекламу нашим организациям. Если они пожелают получать газету, то я сообщу вам адреса для рассылки. Пока могу сказать только за наш офис Западно-Российского! Союза, адрес вы уже знаете. Мы будем благодарны если вы будете высылать два экземпляра на наш офис регулярно.

Желаем Божьих благословений

С уважением, пастор (...)

Добрый день, уважаемый (...)

Специального рекламного буклета нашей газеты нет. Все номера в электронной форме, в формате PDF, можно взять по адресу: <http://ags.demokratia.ru/library/?content=dir&id=8>

Здесь нет только последнего, 27 номера, который я Вам и отправляю вместе с письмом. В нем, как Вы уже, наверное, читали,

содержится статья Даниэля Хайнца "Адвентисты Седьмого Дня и отказ от участия в военных действиях: историческая перспектива". Этот номер, в принципе, можно использовать и как рекламу.

Скоро выйдет следующий, 28 номер газеты и я отправлю к вам в офис два экземпляра. Только хотел бы уточнить, по какому адресу их лучше отправлять: (...)

Церковь Христиан АСД, Липецкая область, 19 октября 2010 г.

Пишет Вам пастор общины церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня, г. (...), Липецкой области.

Благодарю Вас за служение, которое Вы совершаете. Получил Ваше письмо и газету "Альтернативщик".

Желаем получать газету по почте. Ещё просьба: у нашей сестры из города Липецка сын с июня сего года, проходит альтернативную службу под Москвой. Возникли проблемы с соблюдением субботы. Мать просит сообщить Ваш контактный телефон на мой адрес, а я сообщу ей и она поговорит с вами.

С уважением (...).

Добрый вечер, (...)!

Спасибо и Вам. Рад, что наше издание оказалось востребовано. Обязательно включу вас в список постоянных подписчиков нашей газеты.

Что касается второго вопроса, то, к сожалению, я занимаюсь только рассылкой газеты и не смогу оказать реальной юридической помощи. Поэтому передаю Ваше сообщение главному редактору нашей газеты, Алёткину Герману Николаевичу, и предлагаю Вам написать ему по адресу:

ankaz antimil@narod.ru телефон: 8-917-857-36-57 (с 11 до 20)

Всего Вам наилучшего

С уважением, Виталий.

Николай (баптист), Воронежская обл., 03.12.10

Здравствуйте!

Получил номера вашей газеты: «Альтернативщик». Благодарю. Информация в газете действительно интересная и полезная. Если будете высылать в дальнейшем буду благодарен. Стоимость газеты и пересылки я готов оплатить почтовым переводом.

С уважением и наилучшими пожеланиями (...)

Игорь (баптист), Белгородская обл., 28.12.10.

Уважаемый Виталий Владимирович!

Благодарю Вас за газету «Альтернативщик», она как нельзя кстати: сын, как человек верующий, готовится к такому виду службы. Весной обещают предоставить такую возможность. Мы вместо неопределенности получили такую возможность познакомиться с условиями прохождения альтернативной службы. Просим Вас регулярно высылать нам её по тому же адресу: или на имя (...), нашего пастора, либо на моё имя, либо на мой адрес. Я отнесу её в Молитвенный Дом. На сегодня больше всего она нужна нам. В дополнение мой адрес: (...).

Заранее благодарен Вам.

Добрый день, уважаемый (...)

И мы со своей стороны рады, что наша газета Вам пригодилась. Внес Ваш адрес в список постоянных подписчиков.

Отправляю Вам два экземпляра последнего, 28-го номера газеты: лично для Вас и для вашего Молитвенного Дома. А также еще некоторый материал по данной теме – может быть, пригодится.

С уважением,

Адаменко Виталий.

2011

Анатолий (баптист), г. Остров.

Уважаемый Виталий Владимирович! Сегодня я получил от Вас письмо, за которое благодарю. Мне не известно, откуда Вы взяли мой адрес, я Вас не знаю, потому, что не встречался с Вами, поэтому попрошу Вас, чтобы Вы не затрачивали средств и времени для подобных писем — мне их не присылайте. В своё время, мне пришлось отслужить в Авиации ВМФ 21 год, и я не умер от каких-то проблем. Думаю, что сам призывник должен решать: как и где ему служить. Являясь служителем Церкви ни я, ни другие члены Церкви решать вопрос службы в ВС не могут, а право выбора методов службы принадлежит будущему призывнику, и членам его семьи. Простите меня за то, что высказал своё мнение может не в корректной форме. Да благословит Вас Бог! (...)

Добрый вечер,
уважаемый (...)!

Мне известно, что, в отличие от Свидетелей Иеговы и квакеров, у протестантов вопрос о службе в армии не регламентируется Церковью, а отдан на рассмотрение и окончательное решение самому призывнику. Но получить адреса всех призывников, задумывающихся над этим вопросом, и членов их семей совершенно нереально.

Наша газета носит не пропагандистский, а информационный характер: каждый молодой человек имеет право знать о своем праве на альтернативную службу и условиях ее прохождения, так же, как каждый работник — о праве на оплачиваемый больничный лист, а каждая женщина — о праве на декретный отпуск, независимо от желаний или нежеланий работодателя.

Получив за год целый ряд положительных писем, как в электронном, так и в обычном виде, собираюсь продолжить свою рассылку по имеющимся у меня адресам, но именно к Вам ничего по-

добного присылать не намерен.

С уважением, Адаменко Виталий.

Владимир (баптист), Новосибирская обл.

Уважаемый Виталий Владимирович!

Мы благодарны вам за присланное письмо с газетами «Альтернативщик».

Наш сын осенью этого года подлежит призыву в армию. Он, и вся наша семья, баптисты. Сын хочет служить альтернативно. У нас, в Сузуне, таких случаев я не знаю. Как проходит эта служба, какие трудности и какие права у альтернативщиков мы не знаем. В военкомате нам ничего конкретного не могли сказать, даже срока службы.

Ваше письмо дало нам много полезной информации.

Если вы сможете присылать эту газету и в дальнейшем, мы вам будем благодарны.

С уважением, (...)

Здравствуйтесь, уважаемый (...)

Хорошо, что наша газета оказалась вам полезной. Действительно, чем дальше от столицы, тем меньше возможности для призывника и его родителей получить информацию об альтернативной службе.

Включаю вас в свой список постоянных получателей газеты «Альтернативщик» и отправляю вам последние вышедшие номера.

Лидия.

Могу стать дистрибьютором «Альтернативщика» в Ижевске.

Е. Н. Любич

Затосковал

I

О сенью рабочие экономии Корбина были изумлены, заметив, что их кухарка Марфа Горбатая, прозванная так за свою сутуловатость, толстеет в талии не по дням, а по часам. До сих пор Марфа, несмотря на то, что ей стукнуло 36 лет, считалась девственницей. Сухая, длинная, с сутуловатою спиною и продолговатым бесцветным лицом — кому она могла приглянуться? Дня два пошутили, посмеялись над ней, а потом привыкли, тем более, что в экономиях подобные случаи заурядны. Только невольно сам собою у каждого возникал вопрос: кто это позарился на нее?

А случилось это просто. Марфа брала в стирку белье у конторских служащих. По весне

как-то она понесла вымытое белье одному из них...

Конечно, потом она еще несколько раз носила ему белье. Она нисколько не жалела о случившемся; сначала боялась затяжелеть, но когда почувствовала, что тяжела, приняла, как необходимое, и это спокойно. Так же спокойно она сносила и насмешки рабочих.

— Марфо! а, Марфо! скоро позовешь на крестины? — спрашивали ее уже зимою рабочие.

— А идите вы все к чертовому батьку! Да если бы вы были путные люди, так и говорить об этом посоветились бы; а то, сказано: „поганому выду ны срама, ны стыду!“ — отвечала им резонно Марфа.

Марфа говорила это спокойно, считая себя в праве не только не стыдиться, а даже стыдить этих мужчин за то, что они го-

ворили о том, о чем, по ее мнению, им не следует говорить. И, как это ни покажется странным, рабочие поняли, что действительно смеяться над этим стыдно, и уже до самых родов деликатно обходили в разговоре этот предмет.

В одну из ночей Марфа окликнула кого-то из рабочих и попросила его разбудить других и выйти их хаты. Тот с готовностью исполнил ее просьбу.

— Вставай! — тормозил он спящего.

— Чего?

— Да Марфа...

— А! Сейчас!.. — догадывался каждый.

Поспешно все кое-как оделись и вышли в сени. Кто-то спохватился сбегать за бабкой; а то „одной — как же: одной нельзя!"

И все эти, смеявшиеся над Марфой, люди степенно дрогли в холодных сенях и с сожалением вздыхали, когда в хате слышались стоны.

— Вот оно, как тяжело матерям дети достаются.

— Э, не дай Бог!

— Нашему брату что — ничего, а им вот отдувайся!

— Да!

Так шепотом перебрасывались они, сбившись в кучку подальше от наружных дверей, где не дуло.

— Слышали? Есть!..

— Ну?

— Тсс! Стойте! А вот...

— Хи-хи-хи!.. Горластое! Дочку или сына Бог дал?

— А кто ж его знает.

Теперь все начали говорить громче, как будто то, что могло быть оскорблено громким разговором, прошло.

— А промерз я, хлопцы, здорово! — гудел, уже не стесняясь, один.

— Да вот бабка скажет, когда можно будет в хату, а я тем часом пойду посмотрю на зорьки; много ли ночи осталось?

Стучали ногами, кашляли. Наконец приотворилась дверь, и бабка весело сказала: „Ну, теперь идите, теперь можно".

— А кого Бог дал?

— Сына, сына, мои голубята!

— Так пускай же растет да счастлив будет! — нестройным гулом ответили все; некоторые перекрестились...

Мальчика окрестили и назвали Тимофеем. Когда он был в

люльке и кричал — его забавляли все рабочие и все пихали ему в рот постоянно вываливавшуюся соску из черного хлеба; стал ползать — опять, когда хотели утешить его — совали ему в ручонку кусок хлеба; с этим хлебом он заползал под лавку и там съедал его, предварительно выкачавши в грязи и пыли. Рубашонка на нем была всегда грязная и мокрая. От хлебной соски и затем от хлеба у него сделался большой живот. Несмотря на все это, он был здоровый ребенок и плакал редко.

С комично-серьезным выражением на грязном личике он вылезал во время обеда из-под лавки, мимо ног рабочих пробирался под стол и давал о себе знать звуком „у". Если рабочие, заговорившись, долго не замечали его присутствия, он так же серьезно возвращался на свое место.

— Ты куда же это, Тимох? — иногда спрашивали его.

Он приостанавливался на середине дороги и снова повторял свое „у". Его брали на руки и угощали борщом или иною снедью.

Полною самостоятельностью он стал пользоваться с тех пор, как научился ходить и держать ложку в руках. Три раза в день в обломок черепяного горшка ему наливали пищи, давали вдоволь хлеба — в остальном он предоставлялся самому себе. Прибор его стоял под лавкой; там он ел, деля свою трапезу с котом, радушно угощая его из своей ложки, там он душил этого же кота и там он засыпал одиноким к вечеру. На ночь кот уходил на печку, а заснувшего Тимофея мать брала и укладывала подле себя.

Время шло; рабочие менялись; Тимофей рос. У него уже был целый запас слов, которыми он выражал то, что ему было нужно. Скучная была его жизнь и скудный запас слов, но все же он знал хорошо, как позвать мать, как — кошку, просил хлеба, пить и знал, что всякий человек называется „дя".

Как-то раз после обеда Тимофей обратил на себя общее внимание.

— Гляньте, Тимох Богу молится! Посмотрели — так и есть: стоит малыш, неумело

ручкой как будто крестится и головою кивает.

— Так, так, Тимох, молись Бозе! — одобряли его рабочие: — „сказано, дитя — и то Бога чувствует“.

После этого стали уже следить за Тимофеем, и если он забывал после обеда переkreститься, его уже укоряли:

— Э, а Бозе чего же ты не молишься? — И ребенок серьезно мотал ручкою и кивал головою.

— Да не так, не так крестишься; вот как надо! — Ему складывали пальчики и с расстановкою говорили: „Сначала на лоб, потом вот сюда, потом сюда и сюда. Вот так! Ну, теперь сам!“

Сам Тимофей крестился по-своему, но вскоре незаметно он научился креститься, как и все. Рабочие же потом, когда мальчик стал довольно сносно говорить, выучили его произносить „Отче наш"... Это не было то „Отче наш“, которое знают все грамотные; рабочие читали его так: „Оче наш еже есы на небесы“, и т. д. Редкое слово произносилось правильно, и с первого же слова молившийся не по-

нимал смысла этой великой молитвы, исключая моления о хлебе. „Проказывали“ Тимофею „Отче наш“ рабочие по очереди, и часто „проказывавший“ в середине молитвы терял следующее слово, останавливался, шепотом про себя начинал сначала, но через четыре-пять слов конфузливо умолкал, заявляя, что „про себя“ он твердо знает, а „проказывать“ не может. Долго Тимофей пользовался подсказыванием, но в конце концов одолел эту молитву — и ежедневно по утрам слышался великий завет Великого Учителя, произносимый детскими устами с трогательной простотой. И по праздникам, когда рабочие могли слышать, как Тимофей молился, они простодушно радовались тому, что это они его научили.

— Молодчина Тимох! — хвалили все его по окончании молитвы и гладили по голове.

Много тоже грубого и скверного мальчик слышал в казарме, и он часто говорил скверные слова, не понимая их значения. Иногда рабочие напивались пьяными, кричали, дрались, лезли с кулаками к Марфе, тогда мальчик пугался и кричал

не своим голосом, чем обращал на себя внимание пьяных.

— Ты, дурень, чего кричишь? — говорили тогда ему. — Ты не бойся. Ты молодчина: „Оче наш" знаешь! „Оче наш, хлеб наш засушный дай нам... вот; дай нам, значит, хлеб сухой... Говори, дурень: засушный... Ну, говори: засуш-ный.

— На-су-сны! — всхлипывая, произносит Тимофей.

— Вот и молодчина!

II

Незаметно, как незаметно появляется на голове первый седой волос, который виден всем, когда он совсем уже сед, так же незаметно в табуне экономических мальчишек явился новый товарищ Тимофей, когда у него явилась потребность в общении с себе подобными.

Ничем не занятая орда мальчишек похожа на воробьев, те же у них крикливость, драчливость, желание разгрести, раскидать, разорить и так же, при первом окрике, провинившись, они стайей куда-то исчезают на время, чтобы потом, когда ми-нет опасность, явиться снова и

продолжать начатое. Весною маленькие разрушители отправлялись в лес „выдирать" гнезда, и сороки, раньше других пернатых несущие яйца, несколько дней после нашествия летали по верхушкам деревьев, беспокойным, жалобным стрекотом оглашая полусонный лес. Летом страдала экономическая конопля, в которой мальчики играли в прятки. Появлялись в саду плоды — сторожа проклинали жизнь: как раз тогда, когда нельзя было ожидать, и именно так, где никогда никому и в голову не могло прийти — оказывались струшенными яблоки или груши. Если ловили преступников — жестоко пороли, рвали уши, но и преступники потом мстили с неменьшей жестокостью. Зимой старый дед, стороживший гумно, тщетно пытался на своих дрожащих, подогнутых ногах догнать кого-либо из шустрых плутов, портивших скирды хлеба и соломы. Часто в экономическом дворе не досчитывались саней, которые потом находили у реки спрятанными в камышах.

Продолжалось так года два. За это время малыши подросли,

и число их понемногу стало уменьшаться: тех, у кого родители были побогаче, засадили за книгу, беднейших — рассовали по местам. Тимофея отдали в подручные к телятнику. Телятник, как и вообще почти все пастухи, был лядаший мужик с козлиной бородой. Выгнавши телят на пастбище, он или спал, или плел лапти. От него Тимофей научился делать длинные пастушьи кнуты, узнавать по солнцу — время, по крику и полету птиц — будущую погоду. Разговоры между телятником и Тимофеем были преимущественно делового содержания.

— Ну, и телятки, чтоб их волки поели; ишь куда, ишь куда их несет! А ну, чтоб вы „повыздыхали!“ — проклинал пастух телят, спокойно усевшись и принимаясь за лапоть. — О! как раз так: топчите, топчите панский хлеб! А, проклятая скотина!

Телята выбивали хлеб; пастух — сидел и ругался. Тимофей бегал, как угорелый, стараясь „заверотить“ и выгнать стадо из хлеба. Телята, поставив колом хвосты, убегали, наконец к лесу, и мальчик, запыхавший-

ся и раскрасневшийся, садился отдыхать. Через четверть часа лапоть бросается и снова слышится:

— Я же говорю, что каторжная моя жизнь: смотри, нет, ты посмотри, куда, чтоб они трижды прокляты были, куда их чертяки прут; а не нападет на вас немочь лихая! Вот, беги теперь за ними. Эге! как же! Не дождетесь, чтобы я бегал за вами...

Опять Тимофей, схвативши кнут, бросается к стаду и водворяет порядок.

К полдню наевшиеся телята от жары впадали в сонное состояние; одни лежа, другие, оставаясь на ногах, замирали, только виднелись ленивые взмахи хвостов. В траве на лугу стоял сухой треск от пения кузнечиков, а из прохладной тени леса неслись сочные, сильные звуки голоса иволги.

Пастух прятал лапоть в сумку, выбирал уютное мягкое место и сладко засыпал. Тимофей усаживался подле и тоже дремал под тихий шелест листвы и вкусное посапыванье спавшего. Спадавал жар, телята начинали оживать и расплзаться;

проснувшийся пастух широко зевал и ругал их; Тимофей опять бегал „заворачивать“.

В дождливые дни, когда пастуху нельзя было плесть лапти и не за что было ругать телят, мокрых и понурых, в такие дни они с Тимофеем прятались под ветвистыми деревьями и отсиживали до боли ноги, боясь пошевелиться. Непрерывно тоскливо шумел лес; горизонт, скрытый дождем, не развлекал взора, и только листва дерева, под которым они сидели, время от времени, не будучи в силах удержать накопившуюся на ней влагу, встряхивалась, обдавая землю, как из ведра, и заставляя укрывшихся сжиматься еще более.

Подпаском Тимофей проходил четыре лета. Знаний за это время он приобрел немного: научился ухаживать за молочными телятами, с которыми возился зимою, сносно плесть лапти и... только. Из того, что не ценится людьми, он, правда, знал много: он знал каждую травку, каждую птичку и мышку, знал, когда и какая птица несется... Бессознательно он любил природу и по весне за-

слышав высоко на небе трубный крик журавлей, изо всей силы своих здоровых легких, радостно кричал им, задрав голову: „журавли, журавли, колесом!“ Тем же криком приветствовал он их и осенью, но только тогда в голосе его уже слышалось сожаление. Весною журавли возвещали ему тепло, приволье полей и лесов, осенью — холод, жизнь в избе для телят.

С людьми до сих пор Тимофей знал мало, но знал, что есть три сорта людей: одни такие, как он, которые все делают, называются они мужиками; другой сорт — те, что одеваются и говорят иначе, чем он, и все где-то в конторе пишут — паны, и, наконец, третий сорт людей, всегда куда-то торопящихся, продающих что-то и что-то покупающих, — это евреи. Мужиков он видел всюду: в поле, в лесу, в гумне, в дороге, почти всегда что-нибудь делающих. Этих он не чуждался и всегда при встрече разговаривал. При виде пана он старался куда-либо спрятаться; если же этого сделать было нельзя, снимал шапку и кланялся, как де-

лали все; и пан видел это и проходил мимо. Евреев он видел на улице, и затруднялся, как тут быть с шапкой: снимать или не снимать, и решил, что еврею это все равно, ибо тот никогда его не замечает. Еще был один самый большой пан, с которым мужики зимою разговаривали, держа шапки в руках, и при котором остальные папы не ходили, а бегали, но тот пан появлялся редко, и Тимофей видел его только издали.

В первый раз Тимофей познакомился с панской работой, когда его как-то позвали в контору. Слово „контора" он слышал часто, но бывать в ней не бывал и представлял ее себе чем-то не похожим на все остальное, что он видел до сих пор. Когда он вошел в нее, там стояло чинно, как в церкви, несколько мужиков. За перегородкой за столами сидели паны и писали в больших книгах. Один считал деньги, лежавшие кучкой на столе, отворял сундук с тяжелой крышкой и клал туда отсчитанные деньги. Долго паны писали, как будто не видели вошедших мужиков; наконец,

один из них перестал писать и взглянул на стоявших.

— А этот, Марфин Тимофей? — спросил он: — пришел?

— Пришел, — ответил Тимофей.

— Да где же он?

— Да это ж я самый и есть.

Спрашивавший долго смотрел на Тимофея и, обратившись к другому пану, смеясь, сказал: „Узнаете, Григорий Васильевич, не знаком ли вам сей молодой человек? Это Марфин сын".

— Перестаньте говорить глупости... — пробурчал тот, которому говорили, человек плешивый и седой. Это был отец Тимофея, теперь давно женатый; его дети от теперешней жены учились в гимназии. Тимофей не понял, чего это один пан смеется, а другой сердится, и вопросительно глядел на обоих.

— Ну, так вот что, Тимофей *Григорьевич*...

— Дурацкие шутки! — вскипел снова плешивый седой человек.

— Ведь Григорьевич ты, кажется? — все так же с усмешечкой говорил первый: — Ты до сих пор телят пас и на ко-

ровничкой был, ну, а теперь будешь возле коней. Жалованья тебе прибавим рубль в месяц.

С переменной службы жизнь Тимофея мало изменилась. С утра он пас так называемых „гуляк" — жеребых кобылиц и молодежь, еще не пробовавшую хомута. К заходу солнца пригнал табун во двор.

Когда становилось совсем темно, к табуну присоединялись рабочие лошади; их вначале подкармливали мешкой, а затем выгоняли на луг на всю ночь. С Тимофеем на ночь ехал еще один человек с ружьем. Луг отводился большой, так что травы на нем хватало надолго, и потому пастухи строили там себе соломенный курень. Пригнав лошадей, пастухи сейчас же зажигали костер.

Товарищ Тимофея, наработавшийся за день, засыпал, как убитый, а сам Тимофей садился на корточки у огня, ковырял, как это казалось нужным, головни, смотрел на темное звездное небо и напевал какую-нибудь бесконечную песню. В воздухе стоял шорох, производимый сотнею лошадиных ртов, рвущих траву, и фыркание. Кое-

где, надрываясь, выкрикивали коростели, били перепела. Изредка издали, с самого края табуна, несло долгое-долгое веселое ржание, на которое сейчас же отвечало несколько лошадей с разных концов. Темнота ночи постепенно таяла; серело; становился виден дым от костра, огонь бледнел. Видны были дремлющие лошади. Около часу все безмолствовало. Ночь уходила все дальше, уносимая предрассветным ветерком; с опушки далекого леса в омытом ночью влагою воздухе звонко раздавался крик проснувшейся ранней птички. Тимофей будил товарища, и к восходу солнца лошади были уже во дворе.

На подножный корм лошадей выгоняли раннею весною, и так продолжалось до глубокой осени, иногда до первого снега. Зимой в длинных „кошарах" работы было вволю: кормить и поить лошадей, чистить навоз, переменять подстилку.

Время летело быстро. Горбатая Марфа давно лежала в могиле. Утрату матери Тимофей перенес легко: жизнь его текла по-старому. Только прежде рубахи ему мыла мать, теперь —

другая кухарка, заступившая ее место. К 21 году Тимофей вытянулся, выровнялся и смотрел молодым дубком: такой он был высокий, крепкий, свежий. Умом он остался тем же ребенком: ту же молитву читал он, ложась и вставая, так же мало знал людей и так же с суевренным страхом встречал крестом грохотание грома, думая, что это Илья пророк ездит в колеснице по небу и стреляет чертей.

Наступала осень. Парубки начинали волноваться: скоро Кузьмы-Демьяна, набор...

— Тебе, Тимох, разве не этой осенью в солдаты? — спрашивали его, видя, что он покоен.

— Не знаю! — отвечал Тимофей и продолжал делать то, за чем заставлял его вопрос.

III

Высокий, худой старшина в дубленом полушубке, без шапки, стоял на крылечке и, держа в зябнувших руках бумажку, пронзительно, так что голос его был слышен на весь обширный двор, переполненный молодыми хлопцами, выкрикивал:

— Иван Антонов Певень!

— Певень, петух отзовайся!
— пугливо подхватывали хлопцы.

— Да замолчите, черти! — ругался старшина: — Иван Певень!..

— Ось я!

— Какого ж ты черта молчишь? Откликайся, кого я вызываю! Тимофей, незаконно-рожденный, Головка!

К крыльцу подошел Тимофей. Его крупная фигура вызывает среди хлопцев шутки: „Ну, это, братцы, не Головка, а целый голован! Вырос до неба!..“

— Степан Сидоров Вовк! — вопил старшина. Вызвав таким образом десять человек, он пропустил их мимо себя в сени и затем вошел сам. В маленькой настуженной комнатке он приказал хлопцам раздеваться.

— Совсем, совсем раздевайся! — говорил он Тимофею, видя, что тот, оставшись в одном белье, прекратил раздеванье.

— И штаны?

— Совсем, только сорочку не скидай. Ну, скорей, скорей, хлопцы! — торопил он.

Из дверей, на которые выжидательно поглядывал старшина, быстро выскочил парень в од-

ной рубаше, красный, с растерянным лицом.

— Гож! — зачем-то крикнул вслед ему солдат, показывая из-за дверей широкое упитанное лицо и черную, низко остриженную голову. — Входи, кто там еще?

— Ну, иди ты! — толкнул слегка в спину Тимофея старшина.

Оттягивая вниз обеими руками короткую сорочку, Тимофей вошел в приотворенную дверь. Когда, войдя, он увидел полдюжину панов в шитых золотых мундирах, ему стало стыдно своей наготы, и он долго не мог понять, чего хочет от него солдат, и все крепче оттягивал сорочку вниз, меж тем как солдат тянул ее за воротник вверх.

„Пусти, дубина!“ — озлобленно шипел солдат, а господа улыбались. Наконец, перед господами стал совсем нагой Тимофей. Глупо он смотрел на всех, не видя никого. Солдат поставил его сначала в станок и крикнул таким же голосом, как кричал „гож“ — „два одинадцать“ (2 ар. 11 вер.). После этого к Тимофею подошли два

пана. В то время как один спрашивал Тимофея, другой, мягко, чтобы не мешать, ходил вокруг и все говорил: — „Вот молодец! Этакое еще не было! Грудь-то, грудь-то какова! А?“

— Ничего не болит? — спрашивал первый, трогая рукою то там, то здесь тело Тимофея и заставляя его вздрагивать, как от укусов иголкой. — Что говоришь?.. Раскрой рот! Тяни а-а-а!

Грудь, на которую не мог равнодушно смотреть тот пан, который ходил вокруг, выгнала из горла еле слышный звук „х-а-а!“

— Да что у тебя голосу нет? Громче! — прикрикнул сердито пан. „А-а а!“ застонал Тимофей.

— Да годен, Боже мой! Что вы его осматриваете и расспрашиваете! А руки-то, руки-то!.. Конечно, годен!..

Затем, оба пана подошли к тем, которые сидели за столом, пошептались, отметили что-то каждый в своей книжке и сказали солдату: „Впускай следующего!“

— Гож! — крикнул солдат, пропуская Тимофея.

На ходу натягивая на себя рубаху, брошенную ему на голову солдатом, Тимофей вышел в настуженную комнату. Торопливо, под покрикивания старшины, он натянул на себя одежду и вышел во двор. Холодный ветерок ласково скользнул по его разгоравшимся щекам.

— Гож? — спрашивали его окружившие хлопцы, когда он сошел с крылечка.

— Гож!

— Забрили! Видно, не миновать и мне! — с напускным удалством воскликнул один.

Другой, взявший далекий „жеребок" и потому спокойный, по-стариковски протянул: „А не без того, хлопче, кому-нибудь да нужно же идти Царю служить!"

— Это и без тебя знаю; возьмут — пойдешь, не откажешься! — оборвал первый, холодно взглянув на резонера. — Куда это девались наши хлопцы? — продолжал он, ища вокруг себя глазами: — Иван, Петро!

— Да чего там? — лениво отозвался голос.

— А идите сюда! Давайте утнемо абы якои, чи що!

— Нет, брат, что-то охоты... Не то на думке.

— Ты думаешь, от думок легче будет?

— Не легче, а все ж таки...

Ух, матери его бес!.. — И только что сказавший это, молодецки сдвинув на бок высокую барашковую шапку, приготовился петь, с высоты крылечка снова, сквозь гул голосов толпы, послышались резкие выкрикивания старшины:

— Откликайся, кого я вызываю, и подходи сюда! Егор Степанов Шаповал!

— Меня, хлопцы, меня! — как-то испуганно говорил, расталкивая стоявших по пути, один из хлопцев.

— Шапова-ал! — сердился старшина.

— Я! — крикнул тот уже у самого крыльца.

IV

Тяжело отдуваясь, старый, закуренный, на низких массивных колесах паровоз медленно подтащил к станции длинный ряд коричневых товарных вагонов, на площадках которых кое-где виднелись закутанные в

башлыки и склоненные в сторону станции головы немногочисленной поездной прислуги. Немного погодя брякнула упавшая цепь, и паровоз, радостно взвизгнув, сам перешел на другой путь и быстро задомнаперед побежал мимо привезенных им вагонов, равномерно стуча по рельсам и шипя особенным звенящим шипением. Этот поезд привез, в числе прочего груза, и новобранцев. Прежде всех их из вагона выскочил „партионный“, солдат, в потертой шинели, с сумкою через плечо.

— Вылезай и становись в затылок! — солдатски-начальническим тоном прикрикивал он на новобранцев, и без того вылезавших и вытаскивавших на платформу сундуки и котомки. Среди новобранцев были русские, малороссы, латыши и евреи; взясь с вещами, они перекликались друг с другом, — и этот разноязычный говор молодых голосов как будто делал светлее серые стены вокзала и нес с собою тепло. Луч этого света и тепла упал и на землистое, худощавое лицо длинноусого поляка, станционного

сторожа, — и ему захотелось сказать хоть что-нибудь ласковое этим молодым ребятам, языка которых он не понимал.

— Москали, панове? — спросил он их, смеясь глазами и усами. — О, Матерь Божья и пан Иисус! Да какие же вы все молодые! — говорил он, любясь ими. — Совсем еще хлопчики! А какой этот хлопчеч высокий да статный! О, святая Матерь Божья! — по-детски изумлялся он, увидев фигуру Тимофея.

— Становись в затылок! — кричал нетерпеливо солдат.

Холодный ветер пробирал его, и солдат, уже несколько раз тер рукавицами уши, топал, как застоявшаяся лошадь, ногами и двигал плечами.

Новобранцы, насколько им позволяли сундуки и котомки за плечами, выстроились в две шеренги в затылок. Солдат, дотрагиваясь пальцем до груди каждого из стоявших в первом ряду, пробежал линию раз, другой, — по счету были все. „Шагом марш!“ скомандовал он, окончив счет, и новобранцы, громко стуча каблуками по асфальтовому полу платформы,

стали по одному протискиваться в зал III-го класса, цепляя вещами друг за друга и за вздрагивающую от толчков нераскрытую половинку дверей. Пройдя насквозь вокзал, толпой повалили по улице. Впереди всех, немножко в стороне, шел партионный, по-солдатски, то есть зорко испуганно поглядывая кругом себя и покрикивая на отстающих. Новобранцы еле попевали за ним, идя каждый свойственной ему походкой, с любопытством рассматривая незнакомый город, переговариваясь свободно, не сдерживая голосов. Пока — каждый из них был сам собою. Прошли одну улицу, свернули в другую, из той — в третью; навстречу стали попадаться солдаты.

— У-у! Серых-то, серых сколько! — насмешливо говорили они, останавливаясь. — А откуда будете, землячки?

— Всякие есть. Тебе каких надоть? — также насмешливо отвечали новобранцы.

— Калуцкие есть?

— Надо быть есть.

И встречные солдаты приставали к толпе новобранцев, ища между ними земляков.

Вскоре подошли к длинному двухэтажному зданию, у ворот которого рябела будка и стоял дневальный солдат в накинутах длинном до полу тулупе и в сапогах, всунутых в безобразно большие валеные кенги.

— Черниговские есть, землячки? — выговаривая „го" похощаючи, спросил дневальный.

— Черниговских багацько! — крикнула какая-то смущенная шапка.

— А нет ли... — еще что-то хотел спросить дневальный, но новобранцы почти все уже прошли во двор, и он остался на месте, нетерпеливо ожидая смены.

В громадном уютном дворе новобранцев построили в затылок. Партионный ушел в здание и вскоре вышел с писарем. Писарь по бумажке сделал перекличку, причем несколько раз выругался, потому что новобранцы держали себя свободно, переговаривались и заставляли по несколько раз повторять фамилии, а он к этому не привык, и это его сердило. По окончании переклички всех прибывших проводили в пустое помещение, разделенное в длину на

две равные половины рядом голых деревянных нар. Прибывшие сейчас же заняли места, каждый стараясь быть поближе к своим: русский к русскому, латыш к латышу, еврей к еврею. — И не успели они еще разместиться, как в казарме стали появляться солдаты, разыскивая земляков.

— Тамбовские где тут? — кричал один.

— Признавайся, землячки, не бойсь, не будет! — шутил другой.

Понемногу разбились на кучки; начались разговоры; солдаты, нашедшие земляков, расспрашивали про родных и знакомых. Стемнело, зажгли огонь. Тимофея никто не спрашивал, и он, присев на нары, глядел на лица, окутанные табачным дымом, и вслушивался в жужжащий говор. Горнист проиграл во дворе. Солдаты начали расходиться по ротам. Много ног затопало по потолку. Утихло, и смутно откуда-то донеслось пение многоголосого хора. Еще раз приходил писарь и делал перекличку. Мало-помалу говор стихал, новобранцы, зевая, раздавались, шептали мо-

литвы и ложились спать, пряча сапоги под головы. Совершенная тишина, только поскрипывали доски потолка под чьими-то ногами. Успевшие уснуть громко дышали, храпели, стонали. Пришел солдат в шинели с заправленным башлыком при штыке. Звякая ослабевшей подковой, он обошел вокруг нар, уменьшил свет в лампах и, мурлыкая под нос, ушел.

Тимофей повернулся на один бок, на другой и заснул.

Утром, совсем еще темно было, новобранцев разбудил крик: „Будет спать, пора вставать! Подымайся, молодцы!“ И все быстро поднимались и одевались, настолько непреклонно-повелительно и в то же время надоедливо звучал голос будившего.

— Одевайся и выходи во двор, на разбивку! Живо! Не копайся! Выходи! Вещи пушай здесь остаются — целы будут!

Было мглистое, безветренное утро. По слегка затянутым узорами мороза стеклам освещенных казарменных окон ходили тени, поминутно визжали блоки наружных дверей. Через двор, перебегали серые фигуры сол-

дат в шинелях в накидку. Откуда-то доносился запах распаренной кислой капусты и свежеспеченного хлеба. Выстроенным в одну линию новобранцам сделали перекличку и долго, как будто потому, что делать было больше нечего, выравнивали; при чем, так как выравнивавшие не знали фамилий, раздавались приказания:

— Эй, ты, там, который в сивой шапке, подбери брюхо!

Сивых шапок оказывалось несколько, и все они подбирали брюхо, чем, конечно, расстраивали равнение. И выравнивавший бежал на середину линии, ругаясь, устанавливал порядок и, возвратившись на правый „фланок“, прищурился левый глаз и выглядывая правым из-за груди крайнего новобранца, кричал:

— Ну, вот, стой так, как стоите!

Совсем стало светло. Во дворе появлялись офицеры. Безучастно они оглядывали выстроенных новобранцев, и вытягивавшихся солдата и проходили в казармы. Около восьми часов, в сопровождении нескольких офицеров, прибыл

полковник. Молча, он прошелся перед фронтом, и было видно, что он оглядывал не лица стоявших перед ним, а фигуры; затем он, все так же безмолвно и так же глядя, мелком, предупредительно поданным ему одним из офицеров, стал писать на рукавах новобранцев цифры. Остановится перед новобранцем, окинет взглядом его рост и небрежно наметит цифру: 1, 2, 3 и т. д. до 16, смотря по тому, в какую роту по росту годится новобранец. По этим цифрам всех новобранцев, предварительно приказав им забрать с собою вещи, развели по ротам. Тимофеем попал в первую роту, ибо в нее, как известно, обыкновенно выбирают самых рослых.

V

— Будет спать, пора вставать! Вставай, молодцы, на учение!

Такой крик дежурного по роте изо дня в день будил молодых солдат и потому, что он прерывал сладкий предутренний сон и возвещал им наступление дня, похожего, как две

капли воды, на вчерашний, с теми же маршировкой, словесностью и гимнастикой, он действовал на них раздражающе. Вставали, выбегали в коридор, ополаскивали лица холодной водой, затем мыли пол. Некоторые успевали пожевать немного хлеба. И опять крик дядек:

— Одевайся в шинели и выходи во двор!

Под властный крик проходит вся маршировка.

— Левой! Левой! не дроби! Шире шаг!.. Левой! Левой! — покрикивает, подав голову назад и выпятив грудь, дядька и, далеко — далеко отпустив от себя гуськом уходящих солдат, возвращает их назад воплем: „Кру-э-гом... арш!“ И неловко болтая руками, неестественно сильно, до боли в коленях, ударяя ногами о камни мостовой, приближается вереница. „Рота! — подготавливает дядька: — стуй!

Следует наставление всем и тычки плохо марширующим.

— Оправьсь!

Солдаты сморкаются и кашляют, даже те, которым это вообще не нужно, и встряхиваются.

— Закури! — снисходит дядька. Покурили. „Смирна!“ И опять: „Левой, левой! Не дроби!“ К семи часам молодые солдаты уже опять в казарме. Только успели сбросить шинели, покурить — „становись на гимнастику“.

— Поворачиванье головы справа налево и слева направо... начинай! ра — а — а — з! — тянет дядька. „Раааз“... как овцы, блеют за ним все.

— Приседание!.. Выбрасывание рук!.. Вращение туловища!.. — Приседают, выбрасывают, качают, вращают.

Вначале молодым солдатам заняты казались и маршировка и гимнастика — было все это ново и смешно. „Приседание!“ — командует дядька, и лица солдат расползаются в улыбки. „Ра — а — а — аз!“

— Раааз! — дрожащим от сдерживаемого смеха гулом вторят они дядьке, и приседают; смешно им, людям, привыкшим к серьезной работе, приседать, то есть делать то, что прилично разве малым детям; они не понимают, что все это важно и нужно...

Но день за днем, видя, как серьезно относятся к гимнастике и дядьки и офицеры, понемногу переставали улыбаться и они, и то, что раньше вызывало улыбки, исполнялось ими уже с серьезным видом.

Труднее всего казалась молодым солдатам словесность, то есть изучение воинского устава; трудно казалось по двум причинам: во-первых, содержание устава изложено книжным языком; во-вторых, говорится в уставе о вещах, знать которые человеку на воле нет надобности. Усядутся солдаты рядом на краешке нар и следят глазами за дядькой, как он, заложив руки назад и глубокомысленно смотря на ярко вычищенные сапоги, ходит перед ними. Дядька понимает, что он в некотором роде кладезь премудрости, солдаты — что они в сравнении с ним полные невежды.

„Наммер, значит, до сего вы жили, — начинает дядька голосом истого профессора: — которые в селе, а которые в городе. Теперича, значит, взяли вас в солдаты, и называетесь вы солдатами. Наммер, и нужно вам знать, что такое есть солдат.

Теперь слушай все, что я буду говорить. Наммер, Головка!

— Я! — подбрасывается с места Тимофей.

— Скажи, что такое солдат? Не знаешь?.. — допытывается дядька, хотя мучительно сморщившееся лицо Тимофея и без того показывает, что он не скажет того, что нужно. „Никто не знает?“ победоносно спрашивает дядька. „Ну, слушай все: звание солдата высоко и почетно: он есть защитник Государя и Отечества от врагов внешних и внутренних. Повторяй за мною все!..“ Бесконечное число раз, до усталости языка, трубят дядька, „что есть солдат“, и проходят недели, пока все это зазубрят твердо. Несколько дней дядька терпеливо переносит тупость своей аудитории, затем начинает раздражаться и изливать свой гнев руганью, в конце концов, потихоньку он привыкает давать волю рукам. За определением „что есть солдат“ следует много других: что такое знамя, что такое присяга, титулование начальников, начиная с высших и кончая дядькой, караульная служба и т. д. и т. д. Книжные, твердо зазубренные, без пони-

мания их смысла, слова путаются в головах молодых солдат, и получается кавардак. А тут еще дядька раздражен и, того и гляди, поймает за нос, или за ухо.

— Будете вы, например, как и я, дядьками, — с насмешкой, видно не веря, что это может когда-либо случиться с такими тупицами, говорит дядька: — как вы будете учить молодых солдат? Слушай: обучающий от обучаемого должен стоять на три шага и поправления делать словами, но отнюдь не руками. Повторяй за мною все! — Дядька с особым эффектом произносить слово „отнюдь“ именно потому, что не понимает его. Повторили раз и еще раз.

— Петров, повтори то, что сейчас говорили!

Петров схватывается и молчит. У дядьки начинают чесаться руки, но он удерживается.

— Головка!

Встает Головка и тоже молчит. Дядька решительно подходит к Тимофею, ущемляет его нос двумя пальцами и говорит: „повторяй за мной и заруби на носу: обучающий от обучаемого... словами, но отнюдь не ру-

ками!“ — обрывает дядька и выпускает несчастный нос.

— Но отнюдь не руками! — повторяет покрасневший от боли Тимофей, глядя полными слез глазами на всплывшего дядьку.

Вид плачущего товарища окончательно сбивает с толку „обучаемых“, и они на вопросы начинают городить околесицу, что еще более злит дядьку — и в результате с красными носами и ушами оказываются несколько солдат.

Когда молодые солдаты немного пообтерлись, им роздали винтовки. Теперь маршировали уже с ружьями, занятия же словесностью и гимнастикой шли своим чередом. К этому времени успели определиться и способности молодых солдат: одни из них уверенно барабанили на всякий вопрос и выглядели и вообще в строю молодцевато; другие по словесности отвечали плохо и смотрели всегда пришибленно.

Пришибленнее всех их казался Тимофей, и это при его большом росте особенно ярко бросалось в глаза. Дядька без скрежета зубов не мог видеть

его длинной фигуры; офицеры часто делали выговор и учителю молодых солдат и фельдфебелю, выражая неудовольствие за то, что у них правофланговый (Тимофеи стоял на правом фланге) портит своим видом всю роту.

И все старания начальства хоть немного придать Тимофею молодцеватости — пропадали напрасно: и шапку ему надвинут на правую бровь, и выровняют, и прикажут смотреть веселее — кажись, орлом должен бы глядеть такой богатырь, а тут, напротив, получалась такая карикатура, что офицеры, стараясь скрыть улыбки, отворачивались, а учитель молодых солдат метал из-под бровей молнии и, подойдя к Тимофею, незаметно для офицеров, толкал и щипал его. На словесных занятиях Тимофей тоже служил посмешищем; хохотали даже молодые солдаты — настолько глупы были его ответы. И, в конце концов, в обращении с ним выработался у всех, и у молодых солдат тоже, презрительно снисходительный тон. А, между тем, как товарищ, он был редок:

„Головка, дай, братец, маненько сальца!“ „Головка, одолжи гривенник; пришлют из дому — отдам“. „Головка, помоги протереть винтовку!..“ И Головка всегда даст, одолжит, поможет.

VI

Наступила весна. Молодые солдаты, присягнув во второй раз, стали уже настоящими солдатами: вместе с старыми они становились во фронт, вместе ходили за город в поле на прицелку и, возвращаясь оттуда, весело отчеканивали такие песни, что встречавшаяся женщины и девушки не знали, куда даваться со стыда. Между солдатами шли разговоры о лагерях, о предстоящих больших маневрах. Дядьки стали в ряды, как и их бывшие ученики; на учении на дядек фельдфебель и офицеры покрикивали так же, как и на остальных солдат, и при всякой ошибке им выговаривали: „А еще дядькой был! Стыдился бы!“ Дядьки краснели, молодые солдаты в душе были очень довольны этим: через две недели с дядек сошла

вся спесь, и в роте установились между всеми солдатами чисто товарищеские отношения. С Тимофеем обращение стало мягче: все равно, решено было, что в строй он не годится, и перед выступлением в лагерь его хотели перевести в нестроевые. Но вышло совсем не так, как думали люди. Однажды в ротную канцелярию, где за столом у окна, как кот, жмурился на солнышке ротный, вошел фельдфебель. Видно было, что он что-то хочет сказать.

— Позвольте доложить, ваше вы—дие!..

— Ну?! — встряхнулся пригретый ротный.

— Так что, ваше вы—дие, с Головкой у нас что-то неладное деется.

— Как не ладное? — совсем уже встревожился ротный.

— Возле цехауза он, значит, на посту стоял и так что теперь совсем не может.

— Он еще в роте?

— Так точно, ваше вы—дие!

— Пошли его ко мне. — Ротный сразу потерял благодушное настроение; он был на редкость добрый человек и заботился о своей роте.

— Что с тобою, братец? — участливо спросил он вошедшего и вытянувшегося у дверей Тимофея.

— Не могу знать, ваше вы—дие! — усталым голосом ответил тот.

— Болит что? А? Ты говори. Гм! Нет, жару нет... — говорил сам с собою ротный, приложив руку ко лбу Тимофея. — Ну, а ешь хорошо?

— Ест он здорово! — подхватил фельдфебель.

— Тогда, значит, болит так что-нибудь? А?

— Никак нет, ваше вы—дие, у меня ничего не болит, а я весь „нездужаю“.

— Хм! ест и болен и не болит ничего! Странно. Отправь его в лазарет, — приказал ротный фельдфебелю.

— Слушаю.

— Ты ступай; в лазарет сегодня пойдешь.

Тимофей ушел. Нахмутив брови, ротный озабоченно посмотрел на фельдфебеля.

— Ты как думаешь, что с ним?

— Не могу в толк взять, ваше вы—дие, потому ест здорово и болен говорит.

— Да, он в самом деле, плохо выглядит: прежде свежий такой был, а теперь, вон, бледный. Может быть, обижали его крепко? А? Он ведь тупой?

— Как всех, ваше вы—дие, не без того, чтобы не толконуть иной раз. А потом сказали, что в нестроевые его, так уж строго и не взыскивали.

— Ну, ты все-таки опроси его.

— Слушаю.

Ушел в казарму фельдфебель, за ним вышел и ротный. Солдаты делали ружейные приемы. При виде ротного подтянулись: с отрывистым побрякиванием ряд штыков то грозно выставлялся щетиной вперед, то миролюбиво прилегал к плечам солдат. А ротный ходил по казарме, взглядывая по временам на сиротливо сидящего в сторонке на нарах Тимофея и думал: „Что же это с ним?“

VII

Тимофей почувствовал себя странно, как только его приняли. Когда он после осмотра в присутствии вышел на крылечко и увидел несколько сот пар

глаз, устремленных на него, он понял, что с ним случилось что-то очень для него важное. Бросилось ему в глаза и то, что когда он вернулся на несколько недель в хутор и сказал, что он принят в солдаты, все стали смотреть на него и говорить с ним с нескрываемым соболезнованием и жалостливою ласковостью. И в то же время, не смотря на выказываемое к нему расположение, он чувствовал, что между ним и этими людьми и этим хутором прежняя связь уничтожена. Заходил он к лошадям, которых он так любил, с которыми сжился больше, чем с людьми, и опять мысль, что ему скоро надо уходить отсюда, а лошади и без него будут так же вот стоять себе в теплом загоне, так же по весне они будут пастись на приволье, — не давала ему покоя. Не сознавая этого ясно, Тимофей побывал в тех местах, где когда-то ходил с телятами и лошадьми; грустными глазами осматривал он давно знакомые места и почему-то думал, что не увидит их уже больше. И все время до его окончательного ухода Тимофея бросало с места на место; в ка-

зарме ему было тесно, шел к лошадям — не оставался долго и там: тянуло в лес. Стоя в замершем, мрачно шумящем лесу, где-нибудь на опушке, он смотрел в покрытую снегом даль и у него являлось желание взять да и пойти так „свит за очи“, только бы избавиться от этого тяжелого чувства.

Но он не уходил, а возвращался назад, в хутор, и опять бесцельно, как потерянный, бродил, чувствуя только одно, что тесно ему, что то, с чем он сжился, ушло, а на смену ему явилось новое, пугающее своею неизвестностью... Тимофей старался не думать о том дне, когда ему придется проститься со всеми и всем, и потому только и думал о нем; хотел, чтобы день этот наступил не скоро, и потому время летело невозможно быстро.

— Что, Тимох, завтра совсем уйдешь уже от нас? — спросили его. И он заметался, как будто кто смертельно ранил его, побледнел, детски испуганно взглянул на спросившего, но не ответил, потому что ему сдавило горло и стало трудно дышать.

А вот он уже идет, одетый в короткий полушубок, какие носят новобранцы, с котомкой за плечами — и чем дальше отходит от родного гнезда, тем тяжелее становится у него на душе; остановился, посмотрел на темневший вдали хутор, глухо застонал и, желая хоть немного утушить внутренний огонь, начал зачерпывать рукою снег и глотать его... И никто не видел этой страшной муки. Мутно было низко нависшее небо; пустынна и угрюма — твердо укатанная дорога, далеко впереди упиравшаяся в сосновый лес...

Тимофей никогда не видел железной дороги, но, увидав ее, ничуть не удивился, как не удивился бы, если бы его посадили на воздушный корабль — не все ли равно, как его увозят; необычайно это, но еще необычайнее то, что его сорвали с места, на котором он вырос. В каком-то полусонном состоянии он двигался туда, куда двигались остальные новобранцы, вслушивался в приказания партиянного...

И когда его поставили в первый раз на гимнастику и заставили делать приседания и вы-

брасывание рук и ног — он делал, но думал, что все это не то, что ему нужно. То, что ему нужно, осталось там, далеко, далеко, в хуторе, с его полями и лесами, с лошадиным загонем, с людьми, которые звали его просто Тимохом, а не как здесь — Головкой.

На словесных занятиях дядька объясняет значение и высоту звания солдата, — а у Тимофея перед глазами, как живой, стоит хутор, загон, лошадиные головы с гордыми, черными, блестящими очами.

— Головка, повтори, что есть солдат! — слышен голос дядьки. Хутор и все уплывает, — Тимофей вскакивает и видит подходящего сердитого дядьку; потом болит ущемленный нос. — „Садись, дубина!“ И невольно, чтобы отдохнуть и скрасить тяжелую действительность, Тимофей с головой уходит опять в свои мечты... Толкает, щиплет дядька — это не хорошо, но все это не то... В строю выправляют его, как на чем-то неживом поправляют фуражку, заставляют смотреть молодцом — и никому не приходит в голову, что человек в забытьи и что никакими

мерами сонного человека нельзя заставить смотреть молодцом.

Самое хорошее время для Тимофея был вечер, когда все укладывались спать. Он знал, что никто теперь не помешает ему думать — и он думал и до галлюцинации ярко восстановлял пред собою все далекое и дорогое. Он часто видел один и тот же сон: снилось, что хутор здесь совсем близко, виден, как на ладони, но возвратиться в него что-то мешает...

„Будет спать! Пора вставать!“ — кричит дежурный по роте. Снова начинается обычный солдатский день.

Душевная болезнь заметно стала отражаться и на физическом здоровье Тимофея: все больше и больше впадали щеки и глаза, слабели и ссыхались мускулы, острее выдавались под мундиром кости. А время шло. Уже начали посылать молодых солдат на посты. И Тимофея как-то тоже назначили в караул. Под руководством разводящего он принял пост у цейхгауза от старого часового, по уставу осмотрел целость печатей у дверей и, выслушав

наставление разводящего, как вести себя, в случае явится офицер и будет о чем-либо спрашивать (что часто делают офицеры с молодыми солдатами, стараясь уяснить им важность караульной службы), принялся шагать по протоптанной дорожке вдоль длинного серого здания цейхгауза. Цейхгауз стоял за городом, на возвышенном месте, покрытом бархатной, дружно тянувшейся, травкой; вдали на солнышке переливалась волнующаяся озимь; мягкий, теплый ветерок, налетая, обвевал лицо и дышал в уши. И эта зелень, и этот шепчущий ветерок, и эта ширь поднебесья опьянили Тимофея; ему захотелось сесть на солнечном пригреве у цейхгауза и отдохнуть. Сидеть часовому строго воспрещается, под суд за это отдают, но ведь как он истомился, устал!.. Тимофей сошел с протоптанной дорожки, прислонил винтовку к стене, и, безмысленно улыбаясь, сел, с наслаждением вытянув ноги. Хорошо: тепло, тихо, покойно! Сколько времени он так сидел — неизвестно; он блаженно улыбался и глядел кругом

взглядом выздоравливающего... А ветерок шептал, и сверху, с синего неба, как напоминание о давнем времени, падал на землю трубный крик журавлей...

— Ты что же это, братец, с ума сошел? А? Вставай, подлец этакий! — И еще что-то кричал пришедший офицер; и Тимофей отлично понимал, что это — офицер, что сидеть на посту строго воспрещается, но чувствовал, что все это не то, что ему нужно. Ему нужно сидеть так вот, как он сидит, и нужно, чтобы его никто не трогал. А офицер трогает его, схватывает за рукав, поднимает. Вид у Тимофея был странный и жалкий — и офицеру стало стыдно, что он так грубо поднял его.

— Ты нездоров, что ли? Что с тобою? Да винтовку-то хоть возьми. Чего же ты не сказал, что ты нездоров, тебя не послали бы в караул...

Поднявшись, Тимофей понял, что действительно ему плохо: голова кружится, ноги в коленях дрожат, усталость страшная; и ему было все равно: офицер ли это говорит с ним или другой кто, и будет ли ему что за то, что он сделал страш-

ный проступок, поставив ружье и сев на посту...

Его сменили с поста и послали в роту; а на другой день произошел известный уже разговор между ротным и фельдфебелем.

VIII

Старший врач лазарета, пожилой человек, с настолько добродушной физиономией, что даже золотые очки не могли придать ей строгого вида, сидел в тесной комнате у окна и осматривал „слабых“, то есть солдат, заявивших себя в ротах больными, когда вошел Тимофей в сопровождении солдата с книгой. Пред врачом стоял красный, толсторожий солдат и силился представиться больным. Ждавшие очереди солдаты, несмотря на то, что некоторые из них были не на шутку больны, не могли удержаться от улыбок, вслушиваясь в то, что говорил веселый доктор.

— Что же у тебя болит?

— Так что, ваше вы—дие, шум в ушах.

— Ага, шумит, значит?

— Так точно, шумит.

— Ну, и когда вот по утрам на ученье становиться надо, тошнота, наверно, является?

— Так точно, тошнит! с готовностью соглашается солдат, радуясь, что доктор облегчает ему вранье.

— Значит, в лазарет хочешь?

— В лазарет желаю, ваше вы—дие.

— А если я возьму да ротного попрошу, чтобы он тебя за то, что ты меня надуть хотел, строгим этак суток на пять посадил — ты как: этого желаешь?

Влопавшийся солдат еще более краснеет и виновато хлопает глазами.

— Так вот что, голубчик, иди-ка в роту и служи с Богом. На этот раз я тебя прощаю... Ты посмотри, товарищи смеются над тобою. Стыдись! — Солдату действительно до слез стало стыдно, а доктор продолжал: — Посмотри ты на себя и ну хоть вот на этого! — указал он на бросавшееся сразу в глаза бледное лицо Тимофея: — От твоего здоровья ему можно половину отдать и то с тебя хватит. Ступай-же, ступай!"... И солдат ушел, сопровождаемый

насмешливым шепотом товарищей.

— Ну, ты, гренадер, подойди-ка ближе! — позвал доктор Тимофея. — Ты отчего это такой бледный и вялый? Что у тебя болит?

— Ничего не болит, ваше вы—дие.

— Как же так ничего не болит?

— Я весь нездужаю.

— Ага, это другое дело; так и говори. Тогда обожди немного. Стоять можешь?

— Могу, ваше вы—дие.

— Так вот постой там. Я тебя потом осмотрю. — И веселый доктор продолжал весело осматривать и расспрашивать других больных. Осмотренные выходили по одному, и скоро в комнате остался только Тимофей.

— Этого проводи в незанятую палату, — сказал доктор щеголеватому фельдшеру, — а мне надо в аптеку на минутку зайти.

По уходе доктора фельдшер величественно бросил Тимофею: „ступай за мной“, и, топорща плечи и высоко неся старательно расчесанную голову,

скорым шагом провел его чрез несколько коридоров в палату, в которой не было больных, а только стояли аккуратно прикрытые койки.

Вскоре пришел доктор. Он долго и тщательно выстукивал, осматривал и расспрашивал раздетого Тимофея и долго не мог догадаться в чем дело. Наконец, по-видимому, ему пришла в голову какая-то мысль; но то, о чем он подумал, казалось ему маловероятным настолько, что он не удержался, чтобы не проговорить: „Неужели? Гм! Но тогда это очень редкий случай“.

— Слушай, братец, — после долгого раздумья сказал доктор, пытливо всматриваясь в лицо Тимофея: — тебе домой очень хочется? — И видя, что тот не понял или не расслышал вопроса, повторил: — Ну, в село свое, откуда ты родом, тебе очень хочется вернуться совсем?

На этот раз Тимофей понял. Так же, как когда-то отражалось на его лице и на всем существе невыразимое горе при напоминании о скорой разлуке с хутором, точно так же теперь от предчувствия чего-то радостно-

го он задрожал, побледнел и вместо ответа из горла, сдавленного спазмой, послышалось свистящее судорожное дыхание.

— Ну, успокойся, голубчик! — опять уже по-прежнему весело проговорил доктор, радуясь и своей догадливости и радости этого бедного крупного солдата. — Поживешь немножко у нас здесь, а потом пойдешь себе с Богом на родину.

Доктор ушел, говоря сам с собою: „Редкий, очень редкий случай! Хм! У такого, по видимому, крепкого малого и вдруг — тоска по родине! Редкий, очень редкий случай!“

IX

Лето было в полном разгаре. Пассажирский поезд, то скрываясь в тенистых лесках, то вырываясь на ярко освещенные солнцем поля, шел быстрым хо-

дом. В одном из вагонов сидел Тимофей в своей старой свитке и высокой барашковой шапке. Мысль, что он едет домой навсегда, доставляла ему несказанно легкую радость, какую человек может испытывать в сновидении или в раннем-раннем детстве; в свистках паровоза, в дрожании вагона, в быстром ходе поезда — ему чудилось что-то мягкое, ласкающее и, как ребенку на лоне матери, ему захотелось спать.

Солнце заглядывало в вагон то с одной, то с другой стороны, а Тимофей все спал; его коротко остриженная голова вспотела под теплой шапкой; пот градом катился и по слегка покрасневшему лицу, — а Тимофей, вероятно, и во сне видел что-либо радостное и часто, как это бывает с спящими спокойными и здоровыми детьми, тихо улыбался.

Затосковал. Рассказ Е.Н.Любича. М., тип. Вильде, изд. Посредника, № 523, 1905. Серия «Против войны и военщины»

Любич, Ефим Николаевич (1867-?).

Христос и Иуда

Текст Л. Н. Толстого к картине «Тайная вечеря» Н. Н. Ге.

Иисус сказал: «Вы слышали, любите ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю, любите врагов ваших»...

На последней же вечери Иисус делом явил это.

Омыв ноги 12-ти ученикам Своим, Он сказал: «Я дал вам пример, чтобы вы делали то же, что Я сделал».

Что же сделал Иисус, и в чем тот пример, который Он дал ученикам Своим?

Когда после вечери Иисус стал омывать ноги ученикам и Симон-Петр хотел воспротивиться, Иисус сказал ему: «Что Я делаю теперь, ты не знаешь, но уразумеешь после. Вы чисты, но не все».

Ни Симон-Петр, ни другие ученики не понимали тогда, к чему Он говорил это. Один Иуда Искариот понимал то, что делал Иисус, когда, стоя перед ним на коленях, Он омывал но-

ги его.

Омыв ноги предателю Своему, Иисус встал, надел одежду и, опять возлегши, сказал: «Знаете ли вы, что Я сделал вам? Вы называете меня учителем и правильно говорите, ибо Я точно то».

Но они, не зная того, что Иуда был предатель, не понимали того, что Он делал и чему учил их.

Тогда, возмутившись духом, Иисус сказал: «Истинно, истинно говорю вам, один из вас предаст Меня».

И опять не поняли они ни того, что Он сделал, ни того, что говорил им. Они только озирались друг на друга, отыскивая того, о ком Он сказал.

В то время любимый ученик Иисуса лежал у груди Его. Симон же Петр, поднявшись, сделал любимому ученику знак, чтобы он спросил Учителя, о ком Он сказал.

И любимый ученик, припав к груди Иисуса, спросил Его.

Но Иисус не ответил прямо, зная, что если бы Он назвал врага Своего, ученики возмутились бы и захотели бы покарать предателя.

Желая не погубить, а спасти Иуду, Иисус вместо ответа протянул руку Свою, взял кусок хлеба и тихо сказал: «Тот, кому, обмакнув, подам кусок этот». И, подав кусок Иуде, сказал: «Что делаешь, делай скорее».

Ученики, услышав это, подумали, что Иисус посылает Иуду в город купить то, что нужно к празднику.

Но Иуда понял, что Иисус спасает его от гнева учеников, и тотчас же встал.

Это самое изображено на картине.

Любимый ученик Иоанн один знает, кто предатель.

Он вскочил с места и устался на Иуду. Он не понимает, не верит тому, чтобы человек живой мог ненавидеть Того, Кто так любил его: ему и жалко несчастного и страшно на него. Симон-Петр по взгляду Иоанна догадывается и озирается то на Иоанна, то на Иисуса, то на

предателя, и в пылком сердце его загорается гнев и желание защищать любимого Учителя.

Иуда встал, поднял одежду, накидывает ее на себя и ступил первый шаг, но глаза его не могут покинуть лица опечаленного Учителя. Еще есть время. Он может повергнуться и пасть к ногам Его, каясь в грехе своем. Но дьявол уже овладел сердцем его.

«Не покоряйся! — говорит он ему. — Не поддавайся слабости, не подвергайся укоризне гордых учеников. Они глядят на тебя и только этого ждут, чтобы унижить тебя. Иди».

Иисус лежит, облокотившись на руку, не смотрит, но видит все и знает то, что делается в сердце Иуды, и ждет, страдая за него: Ему жалко сына погибели. Иисус Своими руками накормил, Своими руками умыл ноги врагу Своему, спас его от кары людской, до конца любовью вызывал к покаянию и простил его. И все-таки он не вернулся к Нему.

И Иисус, скорбит о Нем и о всех тех, которые нейдут к нему.

Иуда вышел и скрылся в

темной ночи.

Едва затворилась дверь, как все ученики узнали, кто предатель. Они волнуется и негодуют. Петр хочет бежать за ним. Но Иисус поднимает голову и говорит: «Дети, не долго Мне быть с вами. Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга. По тому и узнают, что вы Мои ученики, если будете любить друг дру-

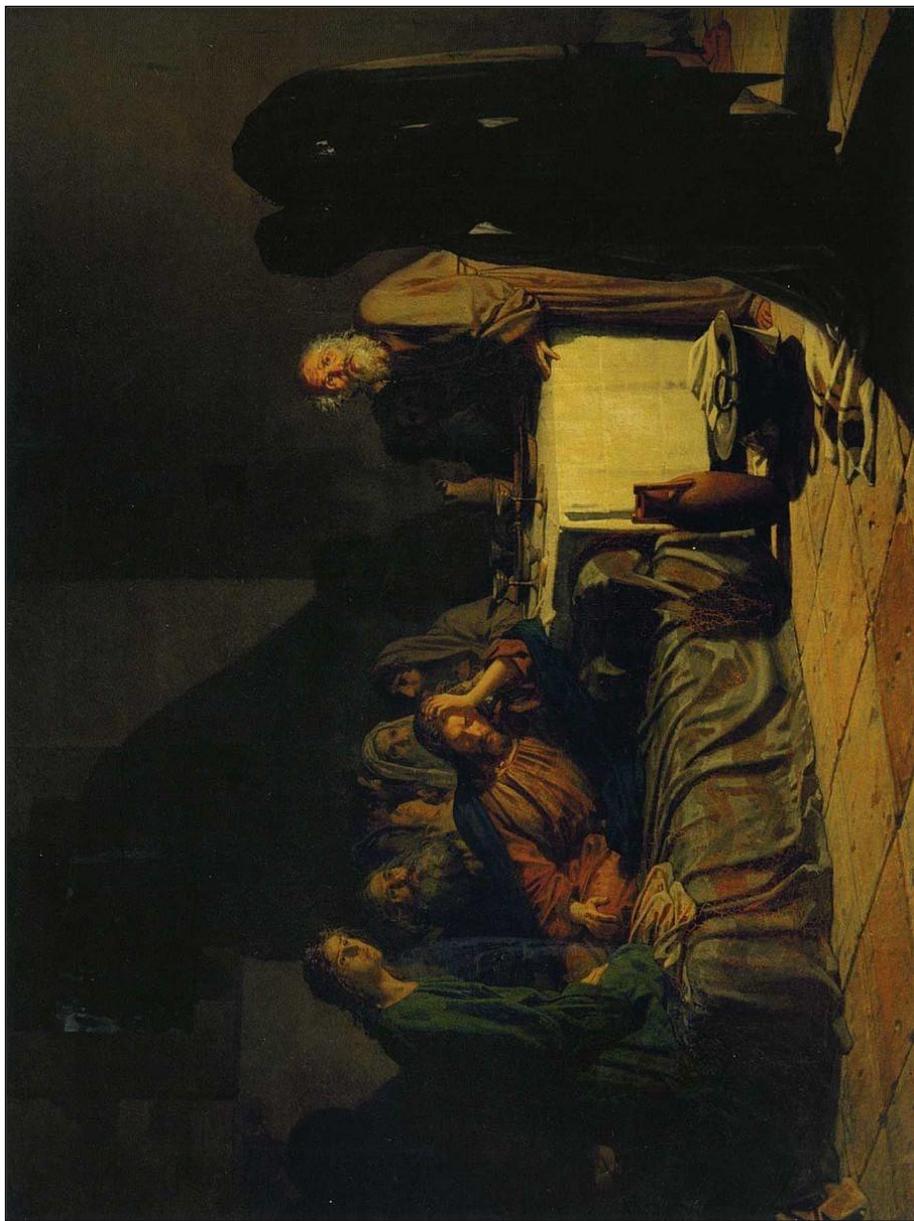
га». И тогда только уразумели Симон-Петр и другие десять, что сделал Иисус. Тогда только поняли они, что, всею жизнью Своею показывая им пример любви к ближним, он теперь дал пример им любви к врагу. Он до последней минуты любил, жалел Иуду, врага Своего, призвал его к Себе и, несмотря на нераскаянность его, все-таки спас его от гнева учеников.

«Единение», № 2, 1916.

Картина «Тайна вечера» была написана известным русским художником Николаем Николаевичем Ге (1831-1894) в Италии, в 1861-63 гг. За основу взят евангельский сюжет, см. Ин., XIII, 21-30.

В 1880-е годы в издательстве «Посредник» были выпущены для простого народа дешевые репродукции картин с текстами пояснений. Л. Н. Толстой высоко ценил Н. Н. Ге как художника и как близкого по взглядам человека, и потому решил издать «самую замечательную» его работу «Тайная вечеря» со своим текстом. Он считал, что «произошла странная вещь: его собственное представление о последнем вечере Христа с учениками совпало с тем, что передал в своей картине Ге». К сожалению, духовная цензура запретила и саму картину, и текст к ней. Впервые текст был напечатан в 1904 г. в Англии В. Г. Чертковым в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России». Воспроизведение картины вместе с текстом Толстого — в журнале «Единение».

Картинная галерея Альманаха, № 6

Календарь литературных дат на АПРЕЛЬ

17 апреля 1877: Закончен роман «Анна Каренина».

23 апреля 1836: В Петербурге А. С. Пушкиным основан журнал «Современник». Здесь были напечатаны первые сочинения Л. Н. Толстого: «Детство», «Отрочество», «Военные рассказы».

1 апреля 1809: р. украинский писатель Н. В. Гоголь (ум. 1852). «Ревизор», «Мёртвые души», «Коляска», «Старосветские помещики»; статьи «О значении болезней», «О том, что такое слово».

2 апреля 1805: р. датский писатель-сказочник Г. Х. Андерсен (ум. 1875). «Новое платье короля», «Девочка со спичками» и др.

2 апреля 1840: р. французский писатель и политический деятель Эмиль Золя, самый популярный представитель школы натурализма в конце XIX века. См. статью «Неделание» Л. Н. Толстого.

2 апреля 1967: С этого дня отмечается Международный день детской книги, приуроченный ко дню рождения Г. Х. Андерсена.

4 апреля 1774: ум. английский писатель Оливер Голдсмит (р. 1728). Роман «Векфильдский священник».

4 апреля 1968: ум. Мартин Лютер Кинг (р. 1929), самый известный афроамериканский баптистский проповедник и лидер ненасильственного Движения за гражданские права чернокожих в США. Выступал против войны во Вьетнаме. Ноб. премия 1964 г.

5 апреля 1940: ум. русский писатель И. Ф. Наживин (р. 1874), долгое время разделявший взгляды Л. Н. Толстого. Роман «Менэ...Тэкел...Фарес...», расск. «Братья», «Забастовка», «В стенах» и др., «Моя исповедь», сб. «Голоса народов», «Кто такие сектанты». Автор ряда воспоминаний о Л. Н. Толстом.

6 апреля 1812: р. А. И. Герцен (ум. 1870), русский писатель,

Календарь литературных дат

публицист, революционер. «Былое и думы» (особенно глава «Роберт Оуэн»), «С того берега», «К старому товарищу», «Поврежденный» и др.

6 апреля 1841: р. русский крестьянский поэт И. З. Суриков (ум. 1880). Основатель известного «Суриковского кружка» — поэтов из крестьян и простонародья. Стих. «Детство», «Вот моя деревня...».

6 апреля 1902: ум. русский писатель Г. И. Успенский. «Разорение», «Власть земли», «Трудами рук своих» (о Т. М. Бондареве).

7 апреля 1780: р. американский писатель и богослов, противник рабства У. Э. Чаннинг (ум. 1842), высоко ценимый Л. Н. Толстым. «О самовоспитании», «О самоотречении», «О духовной свободе».

9 апреля 1966: Ватикан отменил Индекс запрещённых книг, просуществовавший более четырёх веков.

12 апреля 1823: р. великий русский драматург А. Н. Островский (ум. 1886). «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется».

14 апреля 1917: ум. Л. Л. Заменгоф (р. 1859), создатель наиболее успешного искусственного международного языка эсперанто.

15 апреля 1765: ум. русский писатель, энциклопедист, химик и физик М. В. Ломоносов (р. 1711), деятель российского просвещения, основатель современного русского литературного языка.

15 апреля 1888: ум. Арнольд Мэтью (р. 1822) — английский богослов, историк литературы и поэт. «В чем сущность христианства и иудейства?», «Задачи современной критики».

16 апреля 1864: р. И. И. Горбунов-Посадов (ум. 1940) — один из ближайших единомышленников Л. Н. Толстого, русский поэт и педагог, издатель книг для народного и детского чтения, редактор толстовского издательства «Посредник» и журналов «Маяк» и «Свободное воспитание». «Песни братства и труда», «Освобождение человека», «Война войне», «Сострадание к животным и воспитание наших детей», «Освободители черных рабов» и др.

19 апреля 1824: ум. английский поэт-романтик Джордж Байрон (р. 1788). «Шильонский узник».

19 апреля 1885: ум. Н. И. Костомаров (р. 1817), украинский историк и писатель. «Сорок лет» с окончанием Л. Н. Толстого.

20 апреля 1933: Издательство «Молодая гвардия» по инициативе М. Горького начало серию «Жизнь замечательных людей».

22 апреля 1724: р. великий немецкий философ Иммануил Кант (ум. 1804). «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Религия в пределах только разума».

23 апреля 1564: р. английский драматург и поэт Уильям Шекспир. См. «О Шекспире и драме» Л. Н. Толстого.

23 апреля 1616: ум. Уильям Шекспир.

23 апреля 1616 ум. великий испанский писатель Мигель де Сервантес Сааведра (р. 1547). Роман «Дон Кихот».

23 апреля 1803: р. Аддин Баллу (ум. 1890) — американский священник, писатель и глава общины, всю жизнь посвятивший проповеди непротivления, корреспондент Л. Н. Толстого. «Христианское учение о непротivлении», «Катехизис непротivления».

24 апреля 1731: ум. английский писатель Даниель Дефо (р. 1661). Роман «Робинзон Крузо».

24 апреля 1800: президент Джон Адамс основал Библиотеку Конгресса США, вторую по объему собранных книг.

24 апреля 1815: р. английский писатель Энтони Троллоп (ум. 1882). Роман «Премьер-министр» и др., пов. «На морском берегу».

25 апреля 1913: ум. украинский писатель М. М. Коцюбинский (р. 1864). Рассказ «Письмо» на вегетарианскую тему.

26 апреля 121: р. Марк Аврелий, римский император и философ-стоик. Фрагменты «Размышлений» включены в «Круг чтения».

26 апреля 1910: ум. норвежский писатель Б. Бьёрнсон (р. 1832), Ноб. пр. 1903 года. «Перчатка», «Новые веяния», «Король».

27 апреля 1865: р. В. Г. Богораз (ум. 1936), этнограф, лингвист и писатель. Автор статьи «Духоборы в Канаде» (1903).

27 апреля 1882: ум. Р. У. Эмерсон (р. 1803) — американский писатель и религиозный мыслитель-трансценденталист. «Высшая душа», «О доверии к себе».

Сост. В. А. по материалам интернета.

Основные издания «Посредника»

«Посредник», издательство книг для простого народа, было основано Л. Н. Толстым и В. Г. Чертковым в 1884 году. Техническая и финансовая сторона всего предприятия находились в руках известного издателя И. Д. Сытина. К изданию книг для народа охотно присоединились многие русские писатели и художники-иллюстраторы. За первые 4 года выпущено книг суммарным тиражом 12 миллионов экземпляров. Потом последовали гонения со стороны цензуры. С 1897 года издательство стал возглавлять близкий единомышленник Л. Н. Толстого Иван Иванович Горбунов-Посадов. Настоящий расцвет «Посредник» пережил в 1903-12 и в 1917-18 годах. В 1918 году издательство было фактически прикрыто. В 1925-34 вышло несколько десятков книг, в основном детских. Всего было выпущено порядка 1500 различных изданий.

Приводим здесь список основных изданий «Посредника», пользуясь, в основном, каталогом 1914 года. Исключаем сочинения Л. Н. Толстого, так как большая часть их была запрещена, а те, что были напечатаны «Посредником», не вполне отражали все интересы писателя. Сочинения Л. Н. Толстого лучше всего рассматривать по его Полному собранию сочинений (90 тт., 1928-1958)*.

Религия и философия

АВРЕЛИЙ, М. Размышления римского императора Марка Аврелия о том, что важно для самого себя.*

АЛЕКСАНДРОВ, С. Учение Л. Н. Толстого о жизни.

* Часть изданий можно найти в библиотеке «Вне насилия»: <http://antimilitary.narod.ru/tolstoism.htm>.

- АМИЕЛЬ. Из дневника. С пред. Л. Н. Толстого.
- АРНОЛЬД, М. В чем сущность христианства и иудейства?
- БАЛУ, А. Учение о христианском непротивлении злу насилеи.
- БИРЮКОВ, П. Духоборцы.
- БРЮНГЕС, Г. Рёскин и Библия.
- БУЛАНЖЕ, П. Жизнь и учение Сиддарты Готамы, прозванного Буддой (Совершеннейшим). Под ред. Л. Н. Толстого.*
- БУЛАНЖЕ, П. Конфуций, китайский мудрец. Его жизнь и учение. Под ред. Л. Н. Толстого.*
- БУЛАНЖЕ, П. Победа над смертью (Катха-Упанишад).
- БУЛАНЖЕ, П. Ми-ти, китайский философ. Учение о всеобщей любви. Под ред. Л. Н. Толстого.*
- Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избр. Л. Н. Толстым.*
- Изречения Магомета, не вошедшие в Коран, избр. Л. Н. Толстым.
- ГОГОЛЬ, Н. I. Жизнь. II. Христианин идет вперед. III. Светлое Воскресение.
- ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ, И. В чем истина и жизнь. Духоборцы в начале XIX столетия. Записка 1805 г., излагающая основы духоборческого учения.
- КАНТ, И. Мысли, выбранные Л. Толстым. ЛИХТЕНБЕРГ. Избранные мысли.
- КАРПЕНТЕР, Э. Цивилизация. Сб. статей: 1. Эдуард Карпентер. 2. Цивилизация, ее причины и излечение. 3. Современная наука. 4. Наука будущего. 5. В защиту будущего. 6. Обычай. 7. Эксфолиация. 8. Наш идеал. 9. Общественный прогресс.
- КАРПЕНТЕР, Э. «Я есмь».
- КЛАРК, А. Вечный вопрос.
- КРОСБИ, Э. Толстой и его жизнепонимание. Со вступ. Л. Н. Толстого и ст. И. И. Горбунова-Посадова «Эрнест Кросби, поэт нового мира».
- ЛАБРЮЙЕР, ЛАРОШФУКО, ВОВЕНАРГ, МОНТЕСКЬЕ. Избранные мысли.
- МАДЗИНИ, И. Избранные мысли.
- МАЛЕВАННЫЙ, К. Приветствие русскому народу.

Основные издания «Посредника»

МИЛЬТОН, Д. О свободе слова. [Ареопагитика]

МОРЛЕЙ, Д. О компромиссе.

МЮЛЛЕР, М. О материализме.

НАЖИВИН, И. Что такое сектанты и чего они хотят? Вып. I:

1. Не наш. В. Кокосова.
2. Сам по себе. А. Бороздина.
3. Малеванцы. П. Бирюкова.
4. Исповедь сектанта.

Нирвана. Буддийское сказание.

ОЛЬХОВСКИЙ, В. Назарены в Венгрии и Сербии. (Преследования за веру в XIX и XX веке).

ОРЛОВ. Гоголь, как учитель жизни.*

ОРЛОВ. Французский мудрец Паскаль.*

ПЛАТОН. Федон. Разговор.

РЁСКИН, Д. Избранные мысли. Вып. I, II, III.

РУСАНОВ, Г. Душа Гоголя. Избранные места из писем Н. В. Гоголя и его статей автобиографического характера.

РУССО, Ж. Исповедание веры Савойского викария.

СОРОКИН, П. Л. Н. Толстой как философ.

СТРАХОВ, Ф. Дух и материя. (Против материализма).

СТРАХОВ, Ф. Искание истины. Сб. статей и мыслей. С пред. Л. Н. Толстого.

СТРАХОВ, Ф. По ту сторону политических интересов. (Сб. статей и писем).

СЭНДЕРЛЭНД. Библия, ее происхождение, развитие и отличительные свойства.

ТАУБЕ, М. Христианство и международный мир.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. Статьи и сборники мыслей и писем.

ТОРО, Г. Философия естественной жизни. Избранные мысли.

ТОРО, Г. Вальден, или Жизнь в лесах. С биографическим очерком Торо, написанным Р. В. Эмерсоном.

Т. Т. Восточная мудрость. Мысли восточных мыслителей.

Учение 12 апостолов. Недавно открытое сочинение времен апостолов. Пер. с греч. проф. К. Попова.

* Переизданы в 1991 г. издательством «Бук Чембер Интернешнл».

ФИЛЬДИНГ. Душа одного народа. Рассказ английского офицера об его жизни в Бирме.

ХЕЛЬЧИЦКИЙ, П. Сеть веры. С пред. Л. Н. Толстого.

ХИРЬЯКОВ, А. Во что веруют японцы.

ЧАННИНГ, В. О самовоспитании. О самоотречении. О духовной свободе.

ШИЛЛЕР И ЛЕССИНГ. Избранные мысли.

ШПИР, А. Очерки критической философии.

ЭМЕРСОН, Р. Высшая душа.

ЭМЕРСОН, Р. О доверии к себе.

ЭПИКТЕТ. В чем наше благо.

Поучения и избранные мысли из творений духовных писателей и жития.

Душеспасительные наставления Василия Великого. Вып. I. О любви к Богу и о любви к ближнему. Вып. II. О познании себя. Вып. III. Путь жизни. Вып. IV. Об обязанности христианина. Вып. V. 1) О бедности. 2) О молитве. 3) О жизни в настоящем. Вып. VI. О богатстве и любостязании. Вып. VII. О гневе и зависти. Вып. VIII. О гордости и празднословии. Вып. IX. О смирении и покаянии. Вып. X. О пьянстве. Вып. XI. О воздержании. Вып. XII. Гонения, страдания и смерть.

Житие св. Павлина, епископа Ноланского.

Жизнь древних христиан.

Житие св. Варвара, бывшего прежде разбойником.

Житие св. Петра Мытаря.

Житие св. Филарета Милостивого.

Житие преподобного Макария.

Иоанн Воин. Рассказ из времен первых христиан Е. Некрасовой.

Наставления св. Иоанна Златоуста.

Св. мученики, за веру Христову страдавшие.

(Продолжение следует).

Сост. В. А.

Сергей Путилов

ЛЮБОВЬ ПРОТИВ КАРАТЕЛЬНОЙ ПСИХИАТРИИ

В Вопреки положениям международных конвенций и норм, подписанных Россией, в нашей стране тысячи людей находятся на принудительном лечении с нарушением их человеческих прав. На людях без их ведома и согласия испытывают препараты, разрушающие их физическое и психическое здоровье (ксеплион, имеющий массу противопоказаний, обостряющий сердечные болезни, способствующий развитию бронхиальных заболеваний, в том числе связанных с опасностью летального исхода). Люди, обладающие согласно международным нормам такими же конституционными правами, как и «нормальные» граждане, находятся, по сути, в положении бессловесных животных, и условия жизни этих людей близки к лагерному режиму. Антигуманное отношение персонала, штампованные рецепты, направленные не на лечение, а на притупление

жизненных функций человеческой личности, превращение людей в «овощи», — поставлены на поток.

Карательная психиатрия безжалостно ломает человеческие судьбы, бесчеловечно разделяет близких людей. Немалым испытанием жестокая практика принудительного лечения является и для близких человека, оказавшегося в застенках «лечебных» заведений. Почти полгода мне довелось жить с девушкой, которой психиатры поставили официальный диагноз «параноидальная шизофрения». Сейчас она находится на принудительном лечении. Иначе ее заболевание называется манией преследования.

Многие врачи не разделяют мнения, что это болезнь, поскольку признаки ее чрезвычайно разнообразны и порой взаимоисключающи. Многие талантливые люди страдали паранойей — художники Ван Гог, Врубель, что не мешало созда-

вать им мировые шедевры. Недавно умер математик, нобелевский лауреат Нэш, всю жизнь борющийся со своим психическим недугом. Среди ученых до сих пор продолжаются диспуты, является ли «расколотое сознание» (как переводится шизофрения) болезнью или признаком гениальности. Сами страдающие паранойей живут в своем загадочном, сумеречном мире, населенном страхами и потусторонними силами. Но это не мешает им дарить свои яркие, фантастические чувства тем, кто найдет в себе силы смириться с их причудами. Это одна из тысяч историй двух людей, оказавшихся разделенными чудовищной системой, прикрывающей свою антигуманную сущность «заботой о человеке».

Записи свои я вел в форме дневника.

29 июня. Отправил Любимую домой, погостить к предкам. Те сдали ее в психушку. Куда — не говорят. Догадался, что психиатрическая лечебница на улице 8 Марта, где она уже была дважды. Звоню в приемную. В трубке женский голос: «Екатерина N.? Да, поступила такая в

пятницу». Проклиная себя, что отпустил ее, утром еду к ней. Снаружи наивно-русский декор вроде теремов — красные башенки, все бы очень мило, если б не глухие трехметровые стены, тянущиеся на полквартила. Психиатрическая больница. Любимая уже четвертый день там. Непропорциональный масштабному комплексу приземистый сводчатый вход с двусмысленной предупредительной надписью «Берегите голову». Внутри — бетонные корпуса, будто из ужасика «Искатели могил». Накатывают холод, боль, страх. Неопрятно одетые личности сидят на скамейках, два странно улыбающихся субъекта толкают по асфальтовой дорожке тяжело нагруженную немывтыми кухонными бачками скрипучую железную тележку.

Белая дверь со звонком. Медсестра в стерильно чистом халате, спросив фамилию пациентки из отделения, удалилась. Сурикатики. Похудела, слабая улыбка. Обнял, поцелуи. Сидим в комнате для свиданий. Просторный зал с длинным столом в центре. Обшарпанное черное пианино.

Ни слова, только объятья. Ее руки скользят по моим плечам. Глажу ее по волосам, стянутым в узел привычной черной резинкой. Ее детские губы льнут к моим, будто и не было этой адской недели разлуки, поменявшей судьбу обоих. Все так же, как прежде, — тепло ее хрупкого тела, привычные изгибы. Руки узнают все даже с закрытыми глазами. Но разделяет невидимая стена. Кажется, возьми ее за руку, поведи за собой, — и разлука исчезнет как ночной кошмар поутру. Знаю, что не могу забрать ее прямо сейчас. Но, как на автопилоте, веду ее за собой. По темному коридору — наружу. Улица, июльский ветер набегаёт порывами на ее бледное лицо... ступеньки. Доверчиво, будто овечка на привязи, идет за мной, хотя покидать здание и запрещено правилами. Лихорадочно шепчу ей на ухо: «Не бойся, нас никто никогда не найдет».

Робко оглядывается в сторону оставшейся за спиной палаты:

— А за это нас не накажут?

— Здесь же не тюрьма, а лечебно-оздоровительное заведе-

ние. Мы просто уйдем отсюда и будем вместе всегда...

Не дошли всего десятка метров до проходной, выскочила медсестра. Молча, ни говоря ни слова, увела мгновенно сникшую, будто цветок под дождем, Любимую внутрь железобетонного каземата.

8 июля. Навестил Любимую в клинике второй раз. Медсестра подозрительно оглядывает небритого субъекта в шортах и с тряпичной сумкой через плечо:

— А вы ей кто?

— Муж, гражданский. — Привираю на ходу: — Четыре года вместе.

Отпирает тяжелым ключом массивную белую дверь с узким зарешеченным окошком. В длинном коридоре с открытыми настежь палатами эхом разносится:

— Екатерина N, здесь такая?

Сурикатик. Похудела, в чем душа держится. Футболка висит как на вешалке, трусики болтаются мешком на тонких ногах. Бросается в объятья, не успеваю даже поздороваться. На губах едкий вкус нейролептических препаратов, которыми ее пичкают. Концентрация такая, что

аж меня торкнуло — на обратном пути проехал станцию Белорусская и заблудился на пересадке.

Сидим в зале для гостей. Не переставая, порывисто обнимает, целует, пытается шутить. Но видно, как ей фигово. Да и мне не лучше: скоро я выйду на залитую солнцем летнюю улицу, где бурлит жизнь, а ей придется вернуться в свой лечебно-тюремный ад состоящий из четырех стен с видом на окружающий мир через забранное решеткой окошко.

Передал скромные подарки. Пакет любимых ею абрикосов. Говорит, просилась, чтобы выпустили на поруки. Не хотят. После допроса психиатрические эскулапы убедились, что она все еще верит в злые происки врагов. «Молчала бы, дурочка», — проносится в голове. Но она же, как ребенок, доверчивая. Всего-то спросили: «Как там ФСБ — не вредит больше?» И ее понесло... Теперь держать будут минимум месяц. Написал ей на тетрадном листке «Оду нашей безумной любви». То бишь инструкцию для общения с лечащими врачами. Перво-наперво

не поддаваться на провокации. Молчать или отвечать на коварные вопросы про вражьи происки, что она все это лишь придумала. Что это все лишь вымысел и бред. Велел заучить бумажку наизусть. Слабо верится, но во что-то хоть надо верить, надеяться — вдруг отпустят измученную уколами, таблетками, разлукой с любимыми, неволей — на свободу. Сообщил, что смогу навестить ее только на следующей неделе.

— А какой сегодня день?

— Среда с утра была.

Подсчитала. Молчит. «Не волнуйся, не позже понедельника». Снова объятья, поцелуи. Пора уходить. Стучится в дверь с окошком, сжимая в слабой, бледной руке сиротливый пакетик абрикосов. Меня в такую же массивную дверь напротив выпускает плотного телосложения ключница в застиранном халате, очевидно, некогда бывшим белым. Долго возится с замком, пытаюсь попасть в скважину.

— И на замочек, и на крючок? — интересуюсь.

— А то иначе ведь они, миленькие, сразу все разбегутся!

Да, жаль, в прошлый раз не

удалось ушмыгнуть. Дверку-то забыла запереть бабушка. Если б медсестра на улице не отловила, до проходной оставалось-то два шага. А там ищи, свищи... Надеюсь скоро забрать Любимую на поруки. Надо поговорить с юристом. Правда, без согласия родственников — почти безнадега, а они уперлись...

На обратном пути случайно встретил в автобусе ее маман.

— Как Катя, снова к ней ездил? Я же говорила — больше не надо.

— Не скоро отпустят, месяца два-три. В лучшем случае.

Молча грустно качает головой. Понимает, что я со своей сумасшедшей любовью не расстанусь. Никогда.

27 июля. Навестил в который уже — сбился со счета — раз. Видно же, что девочка меня любит. Причем очень сильно. Любовь против карательной психиатрии. Так же сильно, как хочет оказаться на свободе. Медсестра, пока расписывался в больничном журнале (чтобы ее отпустили на прогулку), буквально упрашивала нас не сбегать. А то еще «добавят срок». Та самая, которая, останавливала ее:

«Катя, не беги!» Обколотый успокоительными Сурикатик рванул навстречу по больничному коридору, едва услышав о моем появлении. Эта слабая, даже едва произносящая слова — с большой оттяжкой — из-за принудительных лекарственных передозов девочка находит в себе душевные силы поддержать меня. Утешает, обнимает, целует, гладит по голове, как ребенка, когда сидим на скамейке перед входом в клинику. Волнуется, оклемался ли я после той драки в ресторане.

Все вроде бы как на обычном свидании двух влюбленных. Но окружающая реальность быстро возвращает на землю. Деловито снуют врачи в белых халатах, на соседних скамейках сидят убого одетые другие сумасшедшие, кажется, уже полностью потерявшие интерес ко всему происходящему вокруг. Неподалеку дежурит полицейская машина. Чуть дальше трехметровый красный забор, за которым кипит жизнь. Здесь же, в этой душливой атмосфере страха и безнадеги, мы с ней смотрим лишь в глаза друг другу. «Ты мой любимый человек, мы сно-

ва будем вместе, никогда тебя не брошу и никому не отдам!»

Ее слабая рука обвивается вокруг моей шеи, голова устало падает на плечо. Откуда у нее еще силы во что-то верить? Думаю, без этой надежды она бы давно сдалась. И стала такой же, как те... На соседних скамейках. Ходячим мертвецом. Осторожно, чтобы не причинить боли, целует меня в левый угол губ — вся правая сторона разбита в побоище в «Корчме». В голове отчаянно пульсирует только одна мысль: «Я должен ее навещать и дальше, никогда не оставлю, сколько бы ее там ни продержали». Но много ли нам отведено безжалостной судьбой времени? Не потеряются ли в этих бесконечных больничных коридорах наши чувства, не убьют ли ее хрупкую душу препараты, которые медленно превращают ее в зомби и даже у меня оставляют едкую горечь на губах?

Если я найду другую... Нормальную, не сумасшедшую, как советуют все друзья? Врачи не говорят, сколько еще продлится ее заключение. Она уже месяц

там. Как ее вытащить из этого ада, в который ее безвинно заточили, я не знаю. Бежать — боится. Адвокат обещал помочь, настроен решительно на успех. Но ринется в бой не раньше конца августа. Он уверен, что наше дело правое: если держат больше двух месяцев — то это уже «карательная психиатрия». Отнесся по-человечески, казалось бы, к чужой беде. Надо ее вытаскивать, иначе это просто безумная, бессмысленная попытка. Она уже даже говорит еле-еле, речь нарушена. Запичкали нейролептиками. Душа разрывается слышать вместо ее легких, по-детски задорных интонаций эти вымученные звуки, лишь отдаленно напоминающие человеческую речь. Надо что-то делать. Я не знаю, взять ее на поруки, жениться на ней, если это возможно. Что угодно, лишь бы снова быть вместе. В среду буду говорить с ее врачом. Надежды мало, что пойдут на встречу. Тогда придется вызывать ее по-другому... Так нельзя разделять любящих друг друга людей. Это против самого главного в жизни.

"Неволя", № 47, 2015

Виталий Адаменко:

Журналы "Индекс" и "Неволя" мне знакомы. И когда был в Питере, внимательно посмотрел выставку против психиатрии, организованную ГКПЧ (то есть сайентологами).

Мысль устроителей, что психиатрических болезней нет совсем, что такие болезни выдуманы врачами-психиатрами, чтобы заработать денег, или как инструмент подавления инакомыслящих, мне не совсем близка. Я вполне уверен, что психические заболевания были и до врачей, и они объективно существуют. Эпилепсия точно была тысячи лет и тут сомнений нет.

Другое дело, что психика человека — область настолько сложная и неопределенная, что в ней граница между здоровьем и болезнью проводится субъективно. И в других направлениях медицины тоже много субъективного и тоже выдумывают диагнозы ради прибыли, но в психиатрии это делать легче всего. Признать поведение любого человека ненормальным очень легко.

Во-вторых, человека, который болен, но не так сильно, незачем отрывать от дома, от привычной обстановки и активно накачивать лекарствами. Даже при том, что нет сомнений в его болезни. Если у человека гастрит или близорукость, то это не значит, что его нужно принудительно госпитализировать.

В-третьих, и на тяжело больных нельзя смотреть как на подопытных животных, хуже чем на заключенных. Разумеется, права психиатров должны быть ограничены.

Так что сочувствую и Вам и Екатерине. Желаю успехов в приведении человека к нормальной человеческой жизни.

Сергей Путилов:

Виталий, спасибо за размещение материала и хорошие слова... Моя подружка говорит, что в психушки надо помещать не тех, кто там сейчас, нормальных и неопасных для общества людей, а тех кто организует войны и действительно опасны, причем в массовых масштабах. Их бы полечить не мешало.

Дискуссия об отношении христиан к войне

11 ноября 2015 года на странице в Живом Журнале «Недодумки протоиерея Вячеслава Рубского (Одесса)» (<http://prot-vjacheslav.livejournal.com/74699.html>) была взята с моей страницы «Антология ненасилия: Отношение первых христиан к войне».

Эта подборка составлена Н. Н. Гусевым по книге М. А. Таубе. Христианство и международный мир, 1905 (см. № 2 нашего Альманаха или http://krotov.info/library/19_t/au/be.htm). Оба – профессиональные историки. Также предлагаю посмотреть еще одну подборку: <http://christianpacifism.org/2014/08/04/early-church-on-war>.

Сам Вячеслав дал такой комментарий:

От себя добавлю, что ровно такой же ряд свидетельств можно подобрать и в обратную сторону, особенно после 4 века.

Перепостил я эту подборку потому, что уже писал на эту тему, только не исторически, а по существу происходящего.

Я, 14 ноября:

"От себя добавлю, что ровно такой же ряд свидетельств можно подобрать и в обратную сторону, особенно после 4 века."

Это Вы совершенно правы. Процессы:

- отхода христиан от ненасилия,
- исчезновение веры в самый близкий приход Конца Света,
- увеличения численности верующих,
- снижение строгости требований к верующим,
- приспособление верующих к государственным требованиям,
- признание христианства со стороны государства

шли постепенно, одновременно и влияя друг на друга. Более подробно это рассмотрено в статье О. Бородина «Отношение к войне

Дискуссия об отношении христиан к войне

и миру в христианстве эпохи ранней патристики (формирование христианского пацифизма)». 1996:

<http://krotov.info/history/04/alymov/borodin.htm>

В итоге остается два противоположных мнения. А для человека, стоящего перед выбором, нужен однозначный ответ. Если рассматривать мнение именно первых христиан, т. е. самых подлинных христиан, то оно вполне отражается этой подборкой цитат. И решение Первого вселенского собора (325 г.) о 10-летней эпитимии, по всей видимости, остается не отмененным.

avgrigor (Артем, СПб):

Виталий, решение Первого вселенского собора (325 г.) о 10-летней эпитимии необходимо воспринимать в контексте: «Это правило также относится к событиям из времен гонения на христиан при Ликийнине. Вообще христиане не были терпимы на военной службе в языческой империи, особенно, когда, по тогдашним государственным воззрениям, христианскую веру необходимо было преследовать вооруженной силой; а Зонара, в своем толковании на это правило, говорит, что вообще никто не мог оставаться в военной службе, не отрекшись предварительно от христианской веры. Многие из христиан, желая остаться твердыми в вере, оставляли военную службу (что означает в правиле словами «отложившие воинские поясы», ἀποθεμένοι τὰς ζώνας, *cingula deposuerunt*), но затем раскаивались в своем поступке и вторично добивались принятия их на ту же службу с помощью денег и подкупов, заявляя, конечно, при этом, что отказываются от христианской веры» (еп. Никодим Милош, «Канонические правила Православной Церкви с толкованиями»).

Иными словами, канон не запрещает становится воином вообще, а говорит о конкретной исторической ситуации.

Я: Спасибо. Вы привели такое объяснение, что христиане не должны были возвращаться в войско из не-пацифистских соображений.

Если бы Вы привели такое толкование из самого решения Первого вселенского собора, или хотя бы из писаний тех, кто провозгласил это решение, то это можно было бы рассматривать всерьез.

Но еп. Никодим Милош (1845-1915) явно не относится к христианам первых веков, поэтому его мнение явно не подходит под рубрику «Отношение первых христиан к войне» и его объяснение я как раз и воспринимаю в историческом контексте, исходя из того, в каком веке он сам жил, и что тогда считалось правильным для члена Православной Церкви. Ничего не свидетельствует о том, что причина, по которой так решил Первый вселенский собор, была именно та, которую выставляет еп. Никодим, а вовсе не та, которая приводится в этой подборке цитат.

"Иными словами, канон не запрещает становится воином вообще" – это еп. Никодим Милош не запрещает, а не канон.

Артем:

В Интернете давно гуляет цитата, якобы принадлежащая Киприану Карфагенскому, в отношении его взгляда на служении в армии и к участию в войне. Вот как она обычно подается на форумах и в соцсетях: "Безумствует мир во взаимном кровопролитии, и убийство, считаемое преступлением, когда люди совершают его поодиночке, именуется добродетелью, если делается скопищем". Обычно эту цитату применяют, как сказанное о войне.

Я стал искать первоисточник, чтобы проверить корректность цитаты и ее контекст, и вот что обнаружил. Это слова свщм. Киприана из его "Письма к Донату о Благодати Божией", сказанные в контексте разбойных нападений и гладиаторских боев (!). Вот как она звучит в контексте: "Смотри: дороги преграждены разбойниками, моря наполнены везде кровавыми ужасами. Вселенная обогрета кровью человеческой; убийство, почитаемое преступлением, когда совершается частными людьми, слывет добродетелью, когда совершается открыто; злодейства освобождаются от казней не по закону невинности, но по великости бесчеловечия. Ежели обратишь взоры свои к городам, то найдешь шумное многолюдство,

Дискуссия об отношении христиан к войне

более жалкое, нежели всякая пустыня. Готовятся гладиаторские зрелища, дабы кровью доставить удовольствие прихоти кровожадных глаз." <http://predanie.ru/kiprian-karfagenskiy-svyaschennomuchenik/book/67549-kiprian-karfagenskiy-tvoreniya>. Как видно, здесь вовсе нет той мысли, которую пытаются вложить в уста древнего отца церкви.

Кроме того, обращают на себя внимание слова об отсутствии смертельного воздаяния за преступления: "злодейства освобождаются от казней не по закону невинности, но по великости бесчеловечия". Едва ли пацифист мог написать такое. Впрочем, всё это не означает, что Киприана Карфагенского надо записать в лагерь сторонников войны.

Я: А я знаю цитату в таком виде:

"Смотри: дороги преграждены разбойниками; моря наполнены грабителями; военные лагеря наполнены везде кровавыми ужасами. Вселенная обогрета кровью человеческою; убийство, почитаемое преступлением, когда совершается частными людьми, слывет добродетелию, когда совершается открыто; злодейства освобождаются от казней не по закону невинности, но по великости бесчеловечия."

(<http://christianpacifism.org/2014/08/04/early-church-on-war/>)

видите, каких слов не хватает? – Киприан Карфагенский приравнивает все виды массового убийства.

Артем: Что касается ссылок на Тертулиана, было бы неплохо упомянуть и следующие цитаты: «Мы плаваем вместе с вами на кораблях, служим в войсках(!), крестьянствуем, а поэтому принимаем участие в торговле и предоставляем в ваше распоряжение свои» (Apol. 42, 1), «Мы существуем со вчерашнего дня, а заполняем уже все, что принадлежит вам: города, острова, форты, муниципии, рыночные площади, сам военный лагерь (!), трибы, декурии, дворец, Сенат, форум; одни лишь храмы мы оставляем» (Apol. 37, 4). Климент Александрийский: «Занимайся земледелием, – гово-

рим мы, – если ты земледелец, но, возделывая поле, познай Бога. Ты, что любишь морские путешествия, плавай, но призывай при этом небесного Кормчего. Воюющим тебя застало познание – послушай небесного Стратега, приказывающего справедливое» (Protrept. X, 100)

Я: В подборке дальше идет: "Оставшимся в войсках христианам вменялось в обязанность во время войны не убивать врагов. Ещё в четвёртом веке Василий Великий рекомендует в течение трёх лет не допускать до причащения солдат, виновных в нарушении этого постановления." – отсюда и христиане в войсках. Которые служат, пока не предстанет реальный случай убить врага.

Артем: Виталий, тогда, каким образом, вы объясняете множество примеров христиан-воинов и офицеров III века, которые отказывались приносить жертвы языческим богам по окончании успешной битвы (sic!), и становились мучениками?

И еще. Вот показательное послание императору Максимиану Геркулию от ФИВЕЙСКОГО ЛЕГИОНА, который состоял из христиан и был полностью казнен: «Император, мы – твои солдаты, но также и солдаты истинного Бога. Мы несем тебе военную службу и повиновение, но мы не можем отказываться от Того, кто наш Создатель и Властитель, даже при том, что ты отвергаешь Его. Во всем, что не противоречит Его закону, мы с величайшей охотой повинемся тебе, как мы это делали до настоящего времени. Мы с готовностью выступаем против своих врагов, кем бы они ни были, но мы не можем обагрять наши руки кровью невинных людей (собратьев христиан). Мы приняли присягу Богу прежде, чем мы приняли присягу тебе».

Я: Могу объяснить себе так, что победа войска не означала, что именно эти воины-христиане лично убили хотя бы по одному врагу. Не все же войско целиком состояло из них. Это довольно бездоказательный разговор: у меня нет доказательств, что было имен-

Дискуссия об отношении христиан к войне

но так, а у Вас, вероятно, нет доказательств, что было обратное.

Более вероятно, происходило то, что каждый христианин, остающийся в войске, старался исполнить каноны и запреты – или отступал от них, шел на компромисс – в меру своего понимания, своих духовных сил и сложившихся обстоятельств.

Для сравнения можно взглянуть на более близкую нам историю российских меннонитов, духоборов и молокан за последние два века. Там тоже можно найти и мучеников, отдавших жизни за пацифизм, и служивших в армии без оружия, и служивших наравне со всеми – в меру своего понимания и своих духовных сил. Хотя конфессии считаются пацифистскими, есть свои запреты. Советские авторы (Клибанов, Путинцев, Митрохин) особенно любили приводить примеры их отступничества и их заявления о лояльности властям.

Вообще, наличие престаупающих запрет, даже множество таких людей, не означает отмены этого запрета. У нас сейчас множество людей ворует и большинство супругов изменяют друг другу, а потом еще хвалятся этим в своем кругу, в том числе и христиане, но это же не означает, что заповеди "не укради" и "не прелюбодей" для нас как-нибудь отменены или их нужно понимать каким-то особенным способом: например, что "не прелюбодей" в настоящее время означает, что с чужой женой нельзя, а завести себе троих постоянных вполне допустимо.

Могу ответить и вопросом на вопрос: а как Вы объясняете себе наличие ряда мучеников тех времен, пострадавших именно за отказ от службы в армии как по пацифистским, гуманистическим соображениям, так и потому что человек, обещавшийся служить Богу, не может обещаться служить кому-либо другому: императору, военному начальнику, т. е. как раз: "Мы приняли присягу Богу прежде, чем мы приняли присягу тебе". Кстати, этот не-пацифистский аргумент против службы христианина в армии остается верным не только для своего времени и места, но и для любого другого.

Артем: ФИВЕЙСКИЙ ЛЕГИОН насчитывал более 6000 человек

и полностью состоял из христиан. Я с трудом представляю себе римский легион, который был воинским чисто номинально и оружие никогда не использовал. Тем более, что в послании к императору-язычнику воины-христиане прямо утверждают, что принимали участие в битвах. Но отказались исполнить преступный приказ - убить собратьев-христиан и принести жертвы.

Вот еще пример того, как христиане доникейской эпохи воевали. Известно, что римский языческий император Максимиан напал на Армению в 312/313 гг., пытаясь принудить армян отказаться от христианства. Армяне взяли в руки оружие и защитили свое веру. Об этом свидетельствует Евсевий Кесарийский в своей Церковной Истории (Hist. Eccl. 9. 8, 2, 4): «К этим бедствиям присоединилась еще война с армянами; их, людей, издавна бывших друзьями и союзниками Рима, притом христиан, и христиан ревностных, этот богоборец попытался принудить к жертвоприношениям идолам и демонам и этим сделал их вместо друзей врагами и вместо союзников – неприятелями... Сам он вместе со своими войсками терпел неудачи в войне с армянами» (Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993. С. 329).

//Могу ответить и вопросом на вопрос: а как Вы объясняете себе наличие ряда мучеников тех времен, пострадавших именно за отказ от службы в армии как по пацифистским, гуманистическим соображениям, так и потому что человек, обещавший служить Богу, не может обещаться служить кому-либо другому//

А я с этим вовсе не спорю и прекрасно понимаю, что в Ранней Церкви не было монохромного взгляда на данный вопрос. Мы видим как подлинный пацифизм, так и примеры воинского служения христиан. Безусловно, евангельская максима, высший идеал – полное непротивление злу. Но здесь, тогда уж и замок на дверях неуместен, как подметил однажды о. Вячеслав. Однако мученичество – это венец добровольный. Не все могут взять его на себя. Кто-то должен взять на себя ответственность пожертвовать своей без-

Дискуссия об отношении христиан к войне

упречной святостью, чтобы мир не оказался в тотальном хаосе. Прав православный богослов Иоанн Мейендорф, который писал по этому поводу: «все учения о непротавлении насилию, будучи доведены до логического конца, обращаются лицемерием по причине лицемерного устройства общества. Невозможно рассматривать одну общественную проблему в отрыве от других: так, если человек не хочет никоим образом принимать участие в военном насилии, то он должен также отказаться и от уплаты налогов, и от участия в выборах. Единственной альтернативой общественному существованию может быть монашество, проповедующее полный уход из общества» (прот. Мейендорф И. Введение в святоотеческое богословие. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. С. 68).

Вячеслав: Последний абзац, на мой взгляд, абсолютно верен: Евангелие = непротавление = уход из любого гос устройства. Но Сам Христос учитывает, что "не все имеют уши" "не каждому дано" "не с каждого спросится". Максима есть добровольный подвиг по Божьему призванию.

Остальным: дом на пультовую охрану, ИГИЛ на ножи, наше дело правое, мы победим!!!

Я, 20 ноября:

"А я с этим вовсе не спорю и прекрасно понимаю, что в Ранней Церкви не было монохромного взгляда на данный вопрос."

Так ведь и я в первом же комментарии соглашался с о. Вячеславом, что можно подобрать и противоположные цитаты. Но не в том смысле, что и пацифизм и воинское служение рассматривались как два равноценных варианта, а как то, что первые были исполнителями, а вторые – нарушителями евангельского учения, да и формальных запретов тоже, которых следовало за это наказывать, а не поощрять. И отход христиан от ненасилия произошел не одномоментно в 313 или 325 или еще в каком году, а происходил постепенно. Статья О. Бородина тем и хороша, что она не просто содержит набор цитат, а показывает этот процесс в динамике.

И происходило это не потому, что христиане стали брать на себя ответственность за существование Римской Империи, а потому что по мере увеличения численности христиан снижались моральные требования к ним. Провозглашенные в Нагорной проповеди предписания не противиться злу насилием, подставлять другую щеку и пр. за три столетия сократились до требования хотя бы не заниматься убийством людей профессионально, постоянно. Да и то, на отступников его вскоре стали смотреть весьма снисходительно. А потом и такое ограничение сошло на нет. Хотя отменено не было.

То же самое произошло и с другими требованиями. Например, из Деяний мы знаем, что первые христиане жили так, что все у них было общее, а Анания и Сапфиру за отступление от этого постигла смерть – такой коммунизм растаял еще быстрее, чем пацифизм. Государство признало христианство, когда христианство уже в достаточной мере утратило свои ценности.

Я тоже не представляю, как может существовать полк, целиком состоящий из воинов, которым запрещено убивать врагов. Такое половинчатое правило можно соблюдать, если в войске есть всего лишь несколько христиан среди множества язычников. Да и то, такой христианин в любой момент может предстать перед выбором: стать нарушителем запрета, отступником – или стать нарушителем воинской дисциплины и, соответственно, мучеником. Христианину в войске делать нечего, совсем.

"евангельская максима, высший идеал – полное непротивление злу", – Полное воплощение в жизнь евангельского идеала ненасилия так же невозможно, как невозможно полное воплощение в жизнь любого другого идеала: трезвости, честности, целомудрия, трудолюбия и пр. Но по отношению к другим идеалам мы же не говорим "всё или ничего". Не скажем, что если учение о трезвости довести до логического конца, то я должен буду отказаться от кофе, чая, танцев, музыки и пр. – и останется только вода и хлеб, жизнь монаха в монастыре; а так как у меня нет стремления к монашеской жизни, я не хочу удаляться от окружающих меня людей, то я буду жить как все: пить, курить травку, в общем, как получит-

Дискуссия об отношении христиан к войне

ся, как захочу. Если признать идею благотворительности, так уж и имущество свое полностью раздать нищим, а самому стать бомжом; если признать идеал целомудрия – так уж точно пойти в монахи, а то и глаз соблазняющий себе выколоть; а я к такой жизни стремления в себе не чувствую, поэтому вообще эти идеалы к реальной жизни прикладывать не буду. "Всё или ничего" обычно произносится для того, чтобы выбрать "ничего".

Если человек действительно признает какой-либо идеал, то он и стремится к нему, а не от него; не поощряет отступничества от него в себе и в других; не занимается этим отступничеством профессионально. Если женщина признает идеал супружеской верности, то она, может так случиться, и изменит своему мужу, но профессионально заниматься этим не будет. Человек постарается воплотить признаваемый идеал настолько, насколько в его силах, понимая, что надо бы и больше; определит минимум, грань, ниже которой нельзя опускаться в следовании этому идеалу. "Не убий" (никого и никогда, ни в частной жизни, ни по требованиям государства) – это и есть нижняя грань для идеала ненасилия, любви к ближним, любви к врагам.

«Солдат гражданской власти должен быть научен не убивать людей, отказываться от этого, если ему приказывают, и отказываться принимать присягу. Если он не согласен с этим, то должен быть отвержен (из церкви). Военачальник или гражданский магистрат должен уйти в отставку или будет отвергнут. Если оглашаемый или верующий желают стать воинами, они должны быть отвержены, потому что презрели Бога» (Ипполит Римский, около 215 г., *The Apostolic Tradition of Hippolytus*, 16).

И. Мейендорф совершенно прав, что по мере движения к идеалу ненасилия человек должен будет отказаться и от уплаты налога (в первую очередь военного), и от участия в выборах и от много другого. Тут даже нельзя сказать, что идея доведена до абсурда. Постепенно всё это и осознается: "неплательщики", *Tax Resisters*'ы у нас, как и в других странах, существовали задолго до того, как это написал И. Мейендорф. А в Швейцарии, например, с прошедших

альтернативную службу, вместо обычной военной, не берут и военный налог.

Но он не прав, что нужно удалиться в пустынь – удалившись от людей, нельзя проповедовать учение и исповедовать любовь к людям. Римские и еврейские власть предержащие, вероятно, очень обрадовались бы, если бы все христиане удалились куда-нибудь на необитаемый остров и не мешались бы.

"Кто-то должен взять на себя ответственность пожертвовать своей безупречной святостью, чтобы мир не оказался в тотальном хаосе."

Это мне представляется дважды неправильным: Во-первых, идея о том, что человек осознанно должен отказаться от нравственных требований ради утилитарных целей, на мой взгляд, чужда Евангелию.

Во-вторых, мир не может оказаться в хаосе из-за следования "евангельской максиме". Хаос создают сторонники насилия, "человек с ружьем". Чем меньше будет сторонников насилия, тем меньше будет круг лиц, из которых происходят грабители и полицейские, белые и красные, захватчики и защитники государства и пр. Если пацифистов и дальше будет так же мало, как сейчас, то ничего не изменится; если пацифистами станут все, то некому будет ни грабить и убивать, ни сажать грабителей и убийц. И потом, если мы точно считаем ненасилие – "евангельской максимой", а Евангелие – откровением Божиим, но думаем, что из-за следования ему может наступить тотальный хаос, – значит мы не доверяем Богу?

В. Аньянов и В. Адаменко

Из переписки

В. Ан., 30.11.15: Спасибо за ссылку на газету [«Альтернативщик»]. Не знал, что такая существует. Очень необычная тематика. Пожалуй в бумажном виде она мне не нужна, но те электронные выпуски, что есть на сайте, с удовольствием читаю.

Эта газета напомнила мне историю моего отказа от военной службы. Я тоже хотел попасть на АГС, но не подал заранее заявление (просто не знал, что такой порядок). В итоге просто сказал, что не могу служить. Отвели к психологу. После разговора с ним к моему удивлению мне просто выдали военный билет, в котором было написано, чтобы явиться через 2 года на переосвидетельствование. Но я не явился. В итоге, после получения военного билета никто меня не беспокоил все эти годы. Теперь мне больше 30 лет и я уже не подлежу призыву на службу. Вся история очень странная. Не знаю до сих пор чем военкомат руководствовался при таком отношении ко мне. По сути дела, они просто меня отпустили, не желая со мной связываться.

В. Ад., 01.12.15: Насколько Ваша история необычна, зависит от того, в каком году все это происходило. Если Вам сейчас больше 30 лет, то, скорее всего, Вы попали в тот период, когда у наших граждан уже такое право было, а закона, по которому можно было бы реализовать это право — еще не было. Военкомат и постарался избавиться от проблемы — от человека, которого законным путем нельзя отправить в армию, а что с ним делать — неясно.

Очень напоминает мою историю, 1997 года. Приносил заявления на АГС, они терялись, приносил снова.... Беседа с психологом, потом говорят: пройдите сначала медкомиссию, может быть, Вы и не годитесь совсем — прошел — дали "белый билет" уже насовсем.

Сейчас мне уже тоже за 30.

В. Ан., 01.12.15: Я призывался в 2004 или 2005 году. Теперь мне стало более понятно поведение моего военкомата. Ваша история призыва повторяет мою почти полностью.

Придерживаюсь таких взглядов где-то с 2002-2003. В институте я даже сначала поступил на военно-морскую кафедру, но потом прочитал фрагмент из Толстого "О жизни" и все во мне перевернулось. Военную кафедру я со временем бросил. Проучился на ней, кажется, несколько месяцев.

Прочитал номера 48 и 49. При чтении статей об отказавшихся, наворачивались слезы на глазах. Я стал анализировать свое чувство. Жалость к отказывающимся? Нет, жалко не жертву, а палача, что он делает такое противное любви дело. Тут скорее всего слезы умиления от ясного сознания, что жизнь в духе, а не теле. Такие отказы — самые лучшие доказательства духовности человеческой жизни. Когда человек идет на верную смерть за свои убеждения, то духовность в нем достигает как бы своего зенита и это не может не вызвать восторга, проявляющегося иногда слезами, у того, кто понимает в чем истинное величие. Написал нескладно, но я рад, что ваша газета вызвала во мне эти мысли.

В. Ад., 02.12.15: Какое хорошее письмо.

Думаю, что если человек оказывается выше, сильнее свалившегося на него испытания, то он достоин не жалости, а восхищения. Мне не близок современный подход: не ходите в армию, потому что там тяжело. Мне ближе рассказ о моральном героизме пацифистов, идейных искренних отказников.

В. Ан., 23.12.15: С огромным интересом прочитал Будду. Сейчас читаю Конфуция. Предчувствую, что Паскаль и Аврелий будут не менее интересными... Я составляю книгу замечательных мыслителей всех времен и народов

28.12.15: Боже мой, какой интересный некролог написал Эмерсон о Торо! Каждое предложение полно смысла. Какая выдающаяся

ся жизнь. Какое редкое сочетание: великий пишет о великом.

15.01.16: Только взглянул на «Серьезные мысли» Эгиди и сразу пахнуло чем-то родным. Эгиди, Чаннинг, Толстой — ведь все они независимо друг от друга пришли к своим мыслям. (Или Толстой повлиял на Эгиди?). Разве не очевидно, что во всех людях есть нечто единое, что приходит к одним и тем же выводам, если отрешается от всего личностного? Я все пытаюсь найти название этому направлению мыслей и чувств и все никак не могу найти. Свободное или духовное христианство? Но не нравится слово христианство, т. к. оно отсекает магометанский, буддийский и др. миры. Или может и не нужно никак называть, и это просто истина о жизни, которая не имеет, не может иметь названия?

16.01.16: Особенно ценна для меня книга избранных писем Толстого. Работа над ней с перерывами длилась больше двух лет. Для меня эта книга стала этапом в жизни. Я почувствовал, что составление её изменило меня в лучшую сторону. Толстой так подробно и разнообразно осветил темы любви, веры в Бога и исполнения Его воли в своих письмах, что я очень многое понял и приобрёл от их чтения. А что ещё есть из серии американских мыслителей?

В. Ад., 19.01.16: Из американских мыслителей той эпохи посмотрите у меня: <http://antimilitary.narod.ru/XIX.htm> Гаррисон, Баллу, Торо, Паркер. Обращаю внимание на большой кусок из книги Паррингтона [«Основные течения американской мысли», в 3 тт., М., 1962-63] — Вам она не знакома?

В. Ан., 21.01.16: Я сейчас читаю Самовоспитание Чаннинга в оригинале и не нахожу слов от восхищения. Я редко когда читал что-либо более возвышенное, включая Толстого и ведическо-буддийскую литературу.

24.01.16: Еще раз большое спасибо за все книги, что вы мне прислали. Сейчас дочитываю биографию Чаннинга, а ранее прочитал о нем в книге Паррингтона. Меня и раньше восхищали изречения Чаннинга в Круге чтения, но более близкое знакомство с ним

через книги Посредника привело меня в совершеннейший восторг. Давно я не испытывал такого духовного подъема. После прочтения Самовоспитания в оригинале, я даже пришел к мысли, что едва ли я читал что-либо более возвышенное на английском языке. По этому поводу я даже написал письма двум знакомым литературным американкам: одна, если не ошибаюсь, в колледже изучает английскую литературу, а другая сама пишет. Ни одна из них не слышала о Чаннинге. С одной стороны это меня удивило, т. к. как можно не знать такого замечательнейшего писателя, а с другой — нет, т. к. я сразу вспомнил о «культурной дикости» интеллигенции, которую так бранил Л. Н., т. е. всех великих писателей хорошо если знают по именам, а читают все только современное.

Книга Паррингтона мне очень понравилась, и я жду от прочтения остальных ее глав много полезного для себя, т. к. вся эта замечательная плеяда американских мыслителей и писателей 1820х — 1860х годов мне чрезвычайно интересна. Как удивительно, что почти в одно и то же время, на небольшом участке земли в Америке появилось столько замечательных религиозно-нравственных личностей!

Подобных личностей, как Торо, Ганди в других странах не знаю. О Мартине Лютере Кинге, вы конечно же знаете. Относительно недавно прочитал сборник его статей *Where do we go from here*, который как бы подытоживал все его размышления, вызванные движением за гражданские права. Книга произвела очень хорошее впечатление, т. к. в каждой статье преданность истине и стремление осуществить ее во что бы то ни стало. Если вам интересно, скачайте фильм *Selma* (Сельма), 2014. Актер прекрасно сыграл МЛК, и весь фильм проникнут настоящим христианским духом.

Что касается написать об американцах и, главное, об их влиянии на меня, то, к сожалению, пока не готов это сделать. Читая мысли Чаннинга и Торо (хотя он, мне кажется, часто уж слишком вычурно пишет), я чувствую, что я живу с ними одними идеалами, что я согласен с ними почти во всем. И это очень радостное чувство, т. к. это свидетельствует, что душа человеческая едина, если я нахожу

себе братьев в давно умерших и живших на другом конце света людях. Эмерсона, кстати, меньше читал — может быть 2-3 эссе. Паркера почти не читал. Джорджа прочитал всего и в его произведениях нашел очень многое для души, хоть он и считается экономистом. Мне понравилось в нем, что он как и Толстой, копает до материка, т. е. доискивается до самой сути вопроса и с этих твердых основ начинает строить свою теорию. Чтение Джорджа очень полезно хотя бы тем, что учит мыслить самому, не довольствоваться авторитетами, а самостоятельно исследовать основы того или иного убеждения.

Как видите, американцы меня захватили полностью, я ими очарован и поэтому пока не могу ничего написать о них. Надо освободиться от их «плена», чтобы уметь трезво их оценить.

В общем, чтение этих книг произвело во мне маленькую революцию. Я получил такой огромный заряд разума и любви, что вот уже вторую неделю хожу в очень приподнятом расположении духа. Все жду когда придет уныние, которое должно неизбежно последовать за подъемом. Но пока оно не приходит, я радуюсь каждому новому дню и на душе так тепло от того, что вот есть такие прелестные американские мыслители, в книгах которых столько добра и света, что впасть надолго в уныние, зная их, было бы просто глупо.

Сегодня такое прочел, поразившее меня высказывание Чаннинга: «Единственное зло, которое может сделать мне человек — это уменьшить мою любовь к нему.»

Вы знаете, главный эффект Чаннинга в том, что прочитав его, не хочется ни с кем спорить, ничего доказывать, никого осуждать. Он раскрыл величие человеческой души так ясно и просто, что все мелкое и эгоистичное уже не держится в тебе. Если я и раньше старался держаться разума и стремиться любить, то теперь мне этого хочется еще больше, т. к. на примере Чаннинга — его жизни и произведений — видишь какие грандиозные результаты это неизменно приносит.

В. Ан., 24.01.16: Феномен «культурной дикости» меня очень занимает. Хотя я и не читаю современной литературы, но я не скажу про себя, что я не «дикарь».

В. Ад., 27.01.16: Я тоже много читаю, и почти не знаю современных (модных) авторов. Последний раз когда был в библиотеке, взял в руки "Новый Мир", № 12 за 2015, там где список всех опубликованных за год произведений — из современных авторов знакомой мне оказалась только одна фамилия: Борис Екимов, знаю, что пишет о деревне — но что пишет? слышал только один его рассказ. Остальные мне совсем неизвестны. С другой стороны, я не вижу, чтобы литературные произведения кем-то всерьез обсуждались, среди знакомых или на телевидении. Если что и обсуждается, так это политическая позиция писателей: Лимонова, Проханова, Улицкой, Акунина, Прилепина, Дм. Быкова, Шендеровича и др. — но не их произведения. То есть интереса к литературе почти нет. А раз нет внимания, автор может написать какой угодно шедевр и остаться в пустоте, никем не замеченный.

В. Ан., 30.01.16: Ваши слова о современной литературе при-
шлись мне по душе. И правда, вместо того чтобы ругать современность за бесплодность надо спросить: а как узнать о шедеврах если нет настоящей критики? И если пишутся горы литературы, которые совершенно невозможно прочесть?

В. Ад., 08.02.16: Сейчас толстые журналы типа "Нового мира" на треть состоят из обзора печати и интернета. В прошлом едва ли не каждый толстовский журнал в своей программе обозначал и отдел библиографии, литературной критики, хотя бы кратких сообщений о выходящих самых лучших — и самых худших книгах. Но ни одни полноценно этого раздела не вел, только эпизодически. И это при том, что была масса активных сотрудников. А жаль. В этом был бы смысл.

